

ISSN 0132—0831

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

1982

11

Одно из важных направлений деятельности советской милиции — воспитательная работа с подростками. Много времени и душевных сил отдает этому благородному делу Луиза Стефановна Нестёрова — начальник инспекции по делам несовершеннолетних городского отдела внутренних дел молодого белорусского города Новополоцка.

Фото В. Зимина.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

11 (143) НОЯБРЬ 1982
ИЗДАЕТСЯ С 1971 ГОДА

**Научно-популярный
журнал
Министерства
юстиции СССР**

**Издательство
«Известия
Советов народных
депутатов СССР»
Москва**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. М. Сиренко
(главный редактор),
Н. А. Гаврилова, И. В. Гранкин
(заместитель
главного редактора),
И. К. Ковалев,
И. Н. Кузнецов, Г. П. Политыко
(ответственный секретарь),
А. М. Рекунков, П. И. Седугин,
Ю. С. Семенов, А. Я. Сухарев,
А. М. Филатов, Ю. М. Чурбанов.

Адрес редакции:
129850, ГСП, Москва, И-110, Олимпийский просп., 22.
Телефон 281-68-12.

В НОМЕРЕ

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И ЗАКОНЫ РЕВОЛЮЦИИ	4
■	
Ю. ЧУРБАНОВ. Служить народу — высшее призвание	8
■	
В Министерстве юстиции СССР	15
■	
К 60-летию образования СССР	
ЭРНСТ САФОНОВ. Россия, любовь наша... Заметки писателя	16
■	
ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ:	
В. БЛИНОВ. Народный суд — основное звено советской судебной системы	28
Продовольственная программа — всенародное дело	
В. ДЕМЬЯНЕНКО. Трудовые права колхозников	37
■	
СОБЕСЕДНИК:	
Встречи с интересными людьми	
А. СТЕПАНОВ. Константин Илуридзе, кузнец	45
Э. БОЯРОВ. Клуб трезвости — первые успехи	49
А. ФИЛАТОВ. Наша общая забота	51
С. КУЗИН. Жених напрокат. Из зала суда	57
■	
Критика и библиография	
Ю. ВАЖЕНИН. Три книги о «блестителях» их порядка	62
■	
Расширение правового сотрудничества СССР и ЧССР	67
■	

НА ОБЛОЖКЕ

Первая страница

Москва... Праздничная иллюминация на Калининском проспекте столицы.

Фото В. Зимины.

Четвертая страница

К 60-летию образования СССР

На строительстве газопровода Уренгой — Ужгород, берущего начало от нефтяных кладовых Тюменского Севера России.

(Читайте в этом номере заметки писателя Эрнста Сафонова «Россия, любовь наша...»).

Фото В. Трушниковы.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ:

Новое в законодательстве

В. ЧУПЕЕВ. Льготы животноводам 68

Читатель на приеме у юриста

О стаже работы председателей и специалистов колхозов 70

Кто может быть награжден медалью «Ветеран труда» 72

О присвоении звания «Заслуженный работник сельского хозяйства СССР» 72

Где можно нотариально удостоверить завещание 73

О пользовании служебными жилыми помещениями в домах, принадлежащих колхозам 73

■

А. ВАСИЛЬЕВ. Право на должность. Записки следователя 74

■

ОЛЕГ КОЗОПОЛЯНСКИЙ. Выстрел после войны. Повесть. (Продолжение) 83

■

**И. ВЛАДИМИРОВ. США: «новый федерализм»? Нет, новое на-
ступление на права грудящихся** 116

■

А. НАБАТЧИКОВ. Когда преступники устраняют конкурентов 124

■

Они сами о себе
Синдром депрессии 127

■

Зарубежная мозаика 128

Книжная полка 66

Главный художник Н. И. ЛАДЫГИН.

Технический редактор Л. Л. ЕЖОВА.

Корректоры Л. М. ЕРМИЛОВА, Б. С. ТУМЯН.

Сдано в набор 30/VIII-82 г. Подписано в печать 11/X-82 г. А05677.
Формат 84 × 108^{1/2}. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,72. Уч.-изд. л. 9,35.
Тираж 4 300 000 экз. (1-й завод — 1 000 000 экз.). Цена 60 коп. Зак. 650.

Отпечатано 1 570 000 экз. (из общего тиража 4 300 000 экз.) с матриц
Первой Образцовой типографии им. А. А. Жданова в типографии
ордена Ленина комбината печати издательства «Радянська Україна»,
Киев, Анри Барбюса, 51/2. Зак. 04764.

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И ЗАКОНЫ РЕВОЛЮЦИИ

Не из сенсационных газетных сообщений о восстании в России, а из первых законов Великого Октября мир узнал об историческом повороте человечества от капитализма к социализму.

26 октября (8 ноября) 1917 года — на другой день Великой Октябрьской социалистической революции — Второй Всероссийский съезд Советов образовал Советское правительство — Совет Народных Комиссаров во главе с Владимиром Ильичем Лениным. На том же заседании съезд принял Декрет о мире и Декрет о земле.

Первые советские законы — первые важные вехи на пути развития нового общества.

Пройдет немногим более недели, и В. И. Ленин назовет Декрет о мире и Декрет о земле двумя законами мировой важности. И сегодня, 65 лет спустя, законы эти ничуть не утратили своей силы и актуальности. И сегодня фашиствующим агрессорам из Тель-Авива, Претории и их сообщникам из-за океана, право же, полезно напомнить, что Декрет о мире объявил войну «величайшим преступлением против человечности». И сегодня Декрет о земле людям многих стран мира напоминает о несбыточной мечте...

Первые советские законы, вся последующая законотворческая деятельность Советского государства — ярчайшее свидетельство заботы В. И. Ленина, Коммунистической партии, Советского правительства об укреплении социалистической законности и правопорядка.

Незадолго до революции В. И. Ленин писал: «Все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сло-

мать». И добавлял: «Этот вывод есть главное, основное в учении марксизма о государстве».

Разрушая буржуазный государственный аппарат, партия, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов уничтожали органы насилия, подавления, угнетения трудящихся масс. Разрушали одно, другое — создавали. На третий день Великого Октября вместо «керенковской» милиции была учреждена новая — рабоче-крестьянская милиция.

По предложению Ленина 20 декабря 1917 года для борьбы с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией создается Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (ВЧК) во главе с Ф. Э. Дзержинским.

Не прошло и полугода после революции, а в стране уже была организована Рабоче-Крестьянская Красная Армия и Красный Флот. Ядром новой армии и нового флота явились отряды рабочей Красной Гвардии и моряков Балтфлота.

23 ноября 1917 года — всего лишь на семнадцатый день Советской власти — в «Правде» был опубликован Декрет № 1 о суде, подписанный В. И. Лениным. Согласно Декрету, упразднялись существовавшие до этого буржуазные судебные установления и заменялись судами, образуемыми на основании демократических выборов. Одновременно упразднялись царские институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно институты присяжной и частной адвокатуры.

Ленинский Декрет № 2 о суде, принятый 30 января 1918 года, предусматривает уже достаточно стройную судебную систему: районные (го-

родские) народные суды, окружные народные суды, а в целях достижения единообразия кассационной практики в стране устанавливается Верховный судебный контроль.

Партия, Советы ликвидировали старый, буржуазный суд, отстаивающий интересы «денежного мешка», а вместо него создали новый, советский, поистине народный — не только по названию, но и по сути своей — суд для защиты интересов трудящихся.

В докладе на Третьем Всероссийском съезде Советов Ленин говорил: «Пусть кричат, что мы, не реформируя старый суд, сразу отдали его на слом. Мы расчистили этим дорогу для настоящего народного суда и не столько силой репрессий, сколько примером масс, авторитетом трудящихся, без формальностей, из суда как орудия эксплуатации сделали орудие воспитания на прочных основах социалистического общества». В мае 1922 года в целях дальнейшего укрепления социалистической законности и осуществления государственного надзора за безусловным исполнением и единообразным применением законов была создана советская прокуратура. И тогда же, в мае 1922 года, образовался институт советской адвокатуры.

Судебная система создавалась на началах выборности судей и народных заседателей, ответственности их перед избирателями, гласности рассмотрения судебных дел, судопроизводства на национальном языке — эти ленинские принципы судостроительства и судопроизводства остались неизбылемы до наших дней.

В самый канун Великого Октября В. И. Ленин пророчески писал о «чудесном средстве», которым располагают большевики. Это средство позволяет большевикам, рабочему классу, взявшему в свои руки государственную власть, «сразу, одним ударом удесятерить наш государственный аппарат, средство, которым ни одно капиталистическое государство никогда не располагало и располагать не может. Это чудесное

дело — привлечение трудящихся, привлечение бедноты к повседневной работе управления государством». Привлечь же и научить трудящихся управлять государством не на словах, а на деле возможно, по мысли Ленина, через Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, через массовые общественные организации, которые будут создаваться вокруг и под руководством Коммунистической партии и Советов.

И ныне, когда социалистическое государство стало общенародным, в условиях социально-политического и идейного единства советского общества важнейшее значение приобретает дальнейшее расширение участия трудящихся во всех сферах жизни государства.

«Развитой социализм,— говорится в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик»,— наглядно демонстрирует нерасторжимую взаимосвязь расцвета и сближения всех наций и народностей страны с углублением социалистической демократии». В СССР создано общество подлинной демократии, провозглашено в Конституции СССР, и его политическая система обеспечивает эффективное управление всеми общественными делами, все более активное участие трудящихся в государственной жизни.

На необходимость усиления контроля за соблюдением принципов управления производством в агропромышленном комплексе указывалось в решениях майского (1982 года) Пленума ЦК КПСС как на одно из условий успешного выполнения Продовольственной программы СССР — важного рубежа в строительстве коммунизма...

Единодушная поддержка решений Пленума — еще одно яркое свидетельство доверия советских людей своей Коммунистической партии, созданной и выпестованной В. И. Лениным. КПСС умело руководит созидательной деятельностью народа. Она придает развитию общества планомерный, научно обоснованный характер, который воплощается в законах Советской власти.

Ю. ЧУРБАНОВ,
первый заместитель министра
внутренних дел СССР

СЛУЖИТЬ НАРОДУ— ВЫСШЕЕ ПРИЗВАНИЕ

В эти дни, когда советские люди, все прогрессивное человечество торжественно отмечают славное 65-летие Великого Октября, особенно зримо и масштабно предстают перед всем миром грандиозность и величие революционных свершений советского народа. «Рождение Союза ССР — результат победы Великой Октябрьской социалистической революции, — говорится в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик». — Октябрь разбил цепи социального и национального гнета, поднял к самостоятельному историческому творчеству все народы нашей страны». Установление и упрочение Советской власти как одной из форм диктатуры пролетариата на деле обеспечило невиданную, невозможную ни в одной капиталистической стране свободу и демократию для гигантского трудящегося большинства.

За годы Советской власти неузнаваемо изменился облик нашей страны, невиданно возрос ее международный авторитет. В СССР созданы могучая современная промышленность и развитое сельское хозяйство. Громадный размах получило развитие науки и техники. Но самым главным, решающим достижением советского строя являются новые общественные отношения, новый человек, воспитанный в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма, коммунистического отношения к труду, гражданской активности, высоких нравственных качеств...

Шестьдесят пять лет отделяют нас от того дня, когда трудящиеся нашей страны под руководством В. И. Ленина свергли в огне революционных боев ненавистную власть эксплуататоров и начали строить первое в мире социалистическое государство. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что революция может победить только в том случае, если пролетариат полностью отстранит буржуазию от власти, разобьет созданную ею государственную машину,

и прежде всего основные орудия насилия — армию, бюрократический аппарат, полицию, тюрьмы, суд.

В это трудное время перед молодым государством стояли три главные задачи: сломить сопротивление свергнутых эксплуататорских классов, организовать строительство социализма и защиту революции от внешних врагов.

С победой революции создавались и укреплялись Советы — органы новой власти. Обращаясь от имени Совета Народных Комиссаров к населению страны, В. И. Ленин подчеркивал: «Товарищи трудящиеся! Помните, что вы сами теперь управляете государством... Ваши Советы — отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы. Сплотитесь вокруг своих Советов... Установите строжайший революционный порядок...»

Свергнутые эксплуататорские классы и их союзники за рубежом наряду с открытой интервенцией использовали против Советской власти все формы скрытой борьбы, такие, как террор, заговоры, диверсии, саботаж, подрывную пропаганду. Резервом контрреволюции стали уголовные элементы старого общества, выпущенные к тому времени на свободу.

Советская власть призвала трудящихся к защите завоеваний революции, охране революционной законности и порядка. С этой целью в стране были созданы народные суды, органы прокуратуры, государственной и общественной безопасности, милиции.

28 октября (10 ноября) 1917 года по инициативе В. И. Ленина было принято постановление Народного комиссариата внутренних дел об учреждении рабочей милиции. В постановлении указывалось, что организуемая Советами рабочих и солдатских депутатов рабочая милиция находится всецело и исключительно в их ведении, а общее руководство ею осуществляет наркомат внутренних дел.

Народ направлял в милицию наиболее сознательных своих представителей. Ее ядро составляли члены партии большевиков, прошедшие суровую школу подпольной борьбы с самодержавием. Активное участие в строительстве милиции принимали Ф. Э. Дзержинский, К. Е. Ворошилов, М. В. Фрунзе, Г. И. Петровский, М. И. Калинин, В. В. Куйбышев, С. Орджоникидзе и другие видные деятели партии и государства.

В это суровое время партия возложила на рабоче-крестьянскую милицию задачи бороться с саботажем, бандитизмом, спекуляцией, кражами, хищениями народного добра, со всеми враждебными пролетарскому государству элементами, пытавшимися подорвать или дезорганизовать народное хозяйство, ослабить силу и мощь диктатуры пролетариата, против всех тех, кто нарушал новые принципы нравственности и общежития. Одновременно с выполнением

основных задач — охраны революционного порядка и гражданской безопасности — милиция самоотверженно сражалась с врагами на фронтах гражданской войны, активно участвовала в подавлении контрреволюционных мятежей.

Тяжелое наследство прошлого досталось Советской власти.

Советское государство придавало большое значение борьбе с преступностью и причинами, ее порождающими. Главное внимание было обращено на ликвидацию наиболее опасных очагов и рассадников преступности, на предотвращение правонарушений беспризорных.

За годы Советской власти преступность в нашей стране претерпела необратимые количественные и качественные изменения: навсегда покончено с организованной преступностью, с преступлениями по расовым и национальным мотивам. С 1922 года население нашей страны выросло на сто двадцать пять миллионов человек, преступность же сократилась в три с половиной раза.

В нелегких условиях проходила работа милиции. Трудный период экономической блокады и нэпа, тяжелейшие годы Великой Отечественной войны и восстановления народного хозяйства требовали от работников милиции мобилизации всех сил. В своей книге «Возрождение» Леонид Ильич Брежнев пишет: «Стоит отметить, что послевоенное время требовало особой бдительности. Недели не проходило без различных ЧП, еще появлялись даже вооруженные банды, приходилось слышать стрельбу в ночное время. Я много ездил по дорогам, нередко ночью, в одиночку, сам садясь за руль. И было бы обидно, пройдя всю войну, напороться на глупую пулю. Но, откровенно говоря, думать о личной безопасности было некогда, волновало другое — следовало обеспечить безопасность, спокойную жизнь всего населения... Требовалось поднять авторитет милиции, укрепить ее, а была она (вспоминается такая деталь) даже просто обношена. На одном из заседаний я говорил: «Надо нам в первую очередь милиционеров одеть. Чтобы издали видели — идет блюститель законности и порядка». Сейчас наша страна вступила в период зрелого, развитого социализма. Вся общественно-политическая атмосфера жизни и труда советских людей пронизана духом созидания, подлинно революционным оптимизмом. Новый прилив трудовой и политической активности советских людей вызвал майский (1982 года) Пленум ЦК КПСС, который определил грандиозную программу динамичного развития агропромышленного комплекса, дальнейшего подъема материального и культурного уровня жизни народа.

Решая сложнейшие вопросы внутренней и международной жизни, наша партия, ее Центральный Комитет проявляют неослабную заботу о воспитании нового человека, строителя коммунизма. И это

вполне закономерно: сегодня мы не можем мириться с имеющимися еще у нас фактами аморальных и преступных деяний.

В обществе, строящем коммунизм, не должно быть места хулиганству, воровству, взяточничеству, спекуляции, хищениям государственного имущества... От надежности и стабильности правопорядка зависят успешный труд человека, его настроение. Поэтому свою главную задачу органы внутренних дел видят в том, чтобы обеспечить советским людям спокойный труд и отдых, сделать так, чтобы никто своими преступными действиями не омрачил им жизнь. А это значит — стараться не допустить, предупредить правонарушение.

Динамичность социально-экономических процессов и духовной жизни общества зрелого социализма, резко обострившаяся идеологическая борьба на международной арене требуют поднять работу по формированию нового человека на более высокий уровень, отвечающий современному этапу коммунистического строительства. И главные усилия тут должны быть сосредоточены на искоренении бытующих еще в нашей жизни уродливых пережитков прошлого, таких как стяжательство и взяточничество, пьянство и хулиганство, нарушения общественного порядка и трудовой дисциплины.

Борьба за укрепление социалистической законности и правопорядка стала в нашей стране поистине общепартийным, общенародным делом. Активно участвуют в ней и сотрудники органов внутренних дел. Надежно охраняя правопорядок и вместе с другими правоохранительными органами обеспечивая строгое соблюдение социалистической законности, они создают благоприятные условия для спокойной жизни и творческого труда советских людей, вносят свой вклад в выполнение грандиозной программы коммунистического строительства в нашей стране.

Партия и правительство высоко ценят работу органов внутренних дел, проявляют к ним требовательность и одновременно заботливое отношение. В последние годы был принят ряд важных постановлений и законодательных актов, направленных на дальнейшее укрепление правопорядка и социалистической законности, усиление профилактики правонарушений. Неоднократно рассматривались вопросы охраны социалистической собственности. Приняты дополнительные меры по обеспечению безопасности дорожного движения, совершенствованию паспортной системы. Определены основные обязанности и права народных дружинников.

В соответствии с решениями партии, в органах внутренних дел специализирована работа на ведущих направлениях, созданы качественно новые службы и подразделения, в частности службы про-

филактики, штабы, дежурные части, ночная милиция, улучшилась их техническая оснащенность и материальная база.

Утверждено новое положение о Государственной автомобильной инспекции. Теперь в составе госавтоинспекции, по существу, заново создана дорожно-патрульная служба с дежурными частями, подразделениями по розыску и дознанию. Кроме того, в состав ГАИ входят специализированные службы дорожного надзора, розыска автомобилей, технического надзора, регистрационно-экзаменационной работы, монтажно-эксплуатационные подразделения. Новая их обязанность — оказание доврачебной медицинской помощи пострадавшим при дорожно-транспортных происшествиях.

Майский (1982 года) Пленум ЦК КПСС разработал грандиозную программу дальнейшего развития сельского хозяйства, всего агропромышленного комплекса. По словам товарища Л. И. Брежнева, это не только коренной поворот в подъеме сельского хозяйства и связанных с ним отраслей. По своему характеру, масштабности она призвана обеспечить прогресс всего народного хозяйства.

Внося свой вклад в выполнение решений партии о Продовольственной программе СССР, сотрудники органов внутренних дел в тесном взаимодействии с органами юстиции, судами, прокуратурой разработали и воплощают в жизнь комплекс мероприятий, направленных на борьбу с потерями и хищениями народного добра, укрытием поголовья скота от учета, необоснованным списанием его на падеж и так далее. Большую работу проводят сотрудники милиции по обеспечению сохранности семенного фонда, минеральных удобрений, сельскохозяйственной техники, горюче-смазочных материалов и продукции нового урожая в период посевной и уборочной кампаний.

...Много писем приходит в Министерство внутренних дел СССР, в редакцию журнала «Советская милиция», которому исполнилось в этом году 60 лет. И если раньше в них чаще звучали слова: «Спасибо, что задержали, арестовали, оштрафовали», то теперь: «Спасибо, что спасли, наставили парня на истинный путь, возвратили, предотвратили гибель имущества». Немало писем, в которых отмечается тактичность, чуткость, вежливость, героизм работников органов внутренних дел.

Все эти качества воспитываются и укрепляются в трудных условиях милицейской службы, в условиях не придуманной, а реальной опасности, повышенной ответственности за людей. При исполнении своих служебных обязанностей работники правоохранительных органов должны умело сочетать строгость и решительность с объективностью и справедливостью, относиться к своей работе с глубоким осознанием ее важности, необходимости и полезности для общества.

...Глубокое уважение и восхищение вызывают самоотверженность ростовчанина А. Русова, который в неравном бою, рискуя жизнью, задержал группу опасных грабителей; двух замечательных работников ГАИ из Новосибирской области Д. Байдуги и А. Шабалдина, подставивших борт своей машины под неуправляемый самосвал и ценой жизни спасших колонну спортсменов-велосипедистов; криворожца Г. Ладыги, заслонившего собой женщину с ребенком от пули пьяного хулигана...

Можно привести немало примеров, когда солдаты правопорядка, пренебрегая смертельной опасностью, выполняли свой служебный долг. За мужество и героизм, проявленные при исполнении служебного долга, в последние десять лет более одиннадцати тысяч работников милиции награждены орденами и медалями.

Среди них и сержант милиции Алексей Шилан из Нефтеюганска... В доме укрылся опасный преступник, вооруженный охотничьим ружьем. Группа работников милиции в несколько прыжков преодолела расстояние от дороги до дома. Первым бросился на преступника Алексей Шилан. Он обезвредил преступника, но и сам получил тяжелое ранение, потерял много крови...

За самоотверженность и мужество, проявленные в схватке с опасным преступником, Алексей Шилан награжден орденом Красной Звезды.

Активно занимаясь профилактикой правонарушений, органы внутренних дел всячески стремятся с помощью общественности и применения мер воспитательного характера вовремя удержать человека от неверного шага еще до того, как он преступит границу закона.

Неослабного внимания в этой связи требуют несовершеннолетние правонарушители, которые, как показывают научные исследования и сама жизнь, стали ими вследствие серьезных недостатков воспитания в семье, школе, трудовых коллективах. Надо помнить, что юному человеку свойственны риск, поиск приключений, желание проявить свои качества. И если взрослые не покажут ему пути достойного, нравственного проявления личности, он найдет себе другие примеры и других учителей.

Вызывают озабоченность и недостатки в воспитательной работе в профтехучилищах, где процент правонарушений довольно высок. В ряде краев и областей страны необходимо усилить работу по предупреждению повторных правонарушений несовершеннолетних, получивших отсрочку приговора, освобожденных от наказания по амнистии. Все это требует продуманной профилактической тактики, улучшения педагогического и административного воздействия на ребят, склонных к правонарушениям, кропотливой работы в семьях

и трудовых коллективах. И от результатов этой работы во многом будет зависеть нравственный, правовой климат в нашем обществе.

Одним из неперемennых условий укрепления основ социалистического образа жизни является постоянная борьба с таким социальным злом, как пьянство. В документах XXVI съезда КПСС предельно четко сказано — в стороне от решения такой серьезной проблемы не должны стоять ни один трудовой коллектив, ни одна общественная организация, ни один коммунист. Это, естественно, многократно повышает ответственность органов внутренних дел за эффективность борьбы с пьянством.

Есть настоятельная необходимость наведения порядка в торговле и сфере обслуживания. Здесь далеко еще не изжиты факты обмана, обсчета, поборов, разворовывания и реализации товаров повышенного спроса со складов, баз, минуя прилавков. Работникам милиции предстоит закрыть всякие щели для спекуляции, взяточничества, иных каналов извлечения нетрудовых доходов.

...Деятельность органов внутренних дел, как известно, тесно связана с обеспечением спокойной и безопасной жизни советских людей, с борьбой за устранение явлений, которые мешают нашему продвижению по пути коммунистического строительства. И сделано уже немало. XXVI съезд КПСС подчеркнул, что на базе устойчивого подъема экономики в нашей стране продолжает совершенствоваться вся система общественных отношений, социалистический образ жизни. Получили дальнейшее развитие политическая система нашего общества, социалистическая демократия, концентрированным выражением которой является Конституция СССР. Вместе с тем партия призывает впредь совершенствовать социалистическую государственность, законность, демократизм.

«В укреплении социалистической законности и правопорядка,— указывает товарищ Л. И. Брежнев,— высока ответственность органов юстиции, суда, прокуратуры, советской милиции. Профессиональные знания работников этих органов должны сочетаться с гражданским мужеством, неподкупностью и справедливостью. Только такие люди могут достойно выполнять возложенные на них серьезные обязанности. Советский народ вправе требовать, чтобы их работа была максимально эффективной, чтобы каждое преступление должным образом расследовалось и виновные несли заслуженное наказание. В этом деле органам, охраняющим правопорядок, будет обеспечена полная поддержка партии и, не сомневаюсь, всей нашей общественности».

Такое партийное напутствие ко многому обязывает работников всех правоохранительных органов страны. С этих позиций советская милиция и определяет основные направления своей работы, свое высшее призвание — достойно служить народу.

В Министерстве юстиции СССР

Состоялось заседание Координационно-методического совета по правовой пропаганде при Министерстве юстиции СССР. Участники заседания обсуждали задачи правового воспитания в свете решений майского (1982 года) Пленума ЦК КПСС, предложений и выводов, изложенных в докладе на Пленуме и в речи товарища Л. И. Брежнева на торжествах в г. Баку.

В выступлениях первого заместителя министра юстиции СССР, председателя совета А. Я. Сухарева, заместителя министра сельского хозяйства СССР А. И. Ивлева, заместителя Генерального прокурора СССР В. А. Аболенцева, представителей других министерств и ведомств отмечалось, что одним из важных средств, обеспечивающих претворение в жизнь решений партии и правительства, осуществления четкой работы агропромышленного комплекса, является формирование высокой исполнительской дисциплины трудящихся, воспитание их в духе строгого соблюдения социалистической законности.

Совет принял рекомендации, направленные на дальнейшую активизацию пропаганды положений Продовольственной программы СССР и принятых на ее основе постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР, других нормативных актов. Совет рекомендовал больше уделять внимания правовоспитательным мероприятиям, способствующим повышению качества и эффективности сельскохозяйственного производства. Было предложено организовать глубокое изучение руководящими работниками и специалистами нормативных актов, направленных на реализацию Продовольственной программы, правовых норм, предусматривающих ответственность за хищения и бесхозяйственность.

В каждом колхозе и совхозе, на предприятиях и в организациях, входящих в агропромышленный комплекс, подчеркивалось на заседании совета, необходимо создать постоянно действующие формы правовой пропаганды и обучения, охватывающие все категории работников: факультеты и филиалы народных университетов правовых знаний, школы и лектории, циклы лекций и так далее.

В работе совета приняли участие ответственные работники ЦК КПСС, министерств, ведомств, научно-исследовательских учреждений и средств массовой информации.

ЭРНСТ САФОНОВ

РОССИЯ,

МОРОЗНО ВЫСВЕТЛЕННЫЕ, чистые осенние зори полыхают сейчас над российскими равнинами, лесами и синими водами. И если даже мысленно, сообразуясь с географической картой, попытаться окинуть Россию взором — никак не удержать внимания на всей ее бескрайней территории: этакий великий размах, грандиозное пространство! Целые европейские государства в привычных для всех границах способны территориально вместить наша Сибирь и наш Дальний Восток, взявший в работу крутые дали Тихого океана; и еще один океан — Ледовитый — бело распростерся на севере русской земли, давая ей выход аж до самого полюса; а помимо этого — густо, в нерасторжимом тесном единении связанные сетью дорог и речных путей — многочисленные области и края, начиная с седого Мурмана, скалистых поморских берегов и кончая золотыми кубанскими полями... Да и это еще не все! За песенной Волгой, от батушки-Урала на юго-восток бесконечно бегут древние и омоложенные людским старанием степи, в которых тягучий топот конских табунов столь же привычен, как властный гул идущих на взлет сверхскоростных лайнеров... Нет, не перечислить всего!

Как и не показать односложно сегодняшней России в деле, ее повседневном созидательном труде, потому что опять воображение подскажет неисчислимое множество известных, виденных нами картин.

Ныне не только мы, но и люди во всем мире, наши друзья и наши враги, пристально следят за одной из крупнейших строек века — сооружением газопровода Уренгой — Ужгород, берущего начало от нефтяных кладовых Тюменского Севера России. Ответом на происки нынешней администрации США, пытающейся сорвать гигантскую стройку, послужил трудовой подъем советских людей всех национальностей под флагом соревнования в честь 60-летия Союза ССР. В этом нашла еще одно подтверждение единодушная поддержка политики разрядки, проводимой Коммунистической партией.

Колхозный трактор на пашне и стартующая в раскатах красного

ЛЮБОВЬ НАША...

грома космическая ракета; вездеход геологов-поисковиков среди тяжелых тундровых сопок и огненная река расплавленного металла, ловко направляемая мастерами-сталеварами по нужному руслу; четкие очертания ребристых нефтяных вышек и белизна халатов, бидонов, стен на крупном молочном комплексе совхоза; творящий в тиши своей мастерской живописец и принимающие на себя яростные удары штормовых волн рыбаки — мужественные «пахари» морских широт; таинственное мерцание экранов и сигналы датчиков в научной лаборатории, где мысль наших современников упрямо, дерзко прорывается «в двери» грядущего, уже двадцать первого века, и легкая, почти неслышная поступь пограничного народа на дозорной тропе... И лица, лица! И голоса!..

В трудные для страны 20-е годы мальчишка из вымирающей татарской деревни попал в один из самых первых советских домов. И, полюбив литературу, взял там себе русское имя Михаил (от Лермонтова!) и русскую фамилию Львов (от Толстого!). Проникновенные строки о нерасторжимом родстве людей всех многочисленных национальностей, входящих в состав РСФСР, есть и у поэта Михаила Львова.

Сколько нас, нерусских,
у России —
Истинных российских сыновей,
Любящих глаза
небесной сини
У великой матери своей!

Русский язык можно сравнить с Волгой: к той, как к матери, стремятся сотни водных потоков, и русский язык, став родным и государственно необходимым для всех, живет в полнокровном общении с несколькими десятками языков и наречий народов и народностей. В советское время сбылось гениальное пророчество Пушкина («Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, и назовет

меня всяк сущий в ней язык...»): поэт ныне одинаково свой как для жителя воронежских или, допустим, саратовских мест, так и в любом селении Удмуртии, Калмыкии, Бурятии, на Алтае... Его с одинаковой любовью читают как в оригинале, так и в переводах, и это лишь один из ставших давно привычным нам фактов неделимого духовного единства многонациональной культуры, которую заботливо выпестовал и обогатил светом революционных ленинских идей социализм.

А красота нашей России? Ее белокаменных городов и затерянных посреди лесистых равнин ясноглазых деревень, ее вековых, в медлительном говоре листвы дубрав и ковыльного, слитого с небом степного приволья, ее одетых поутру в туманы озер, скромных, полных неизъяснимой светлой грусти перелесков, ее желтых в предстрадную пору хлебных нив и черных, подернутых сизой дымкой пашен... У каждого из нас, живущих на русской земле, свои притягательные, милые сердцу уголки и просторы, у каждого есть своя — как образно называют — малая родина, с которой в пору еще босоногого детства начинается кровная связь вообще с Родиной. И тогда, в детские годы, едва-едва осилившие букварь, мы уже прикасаемся к истории Отечества через судьбы родственников и соседей, а со временем, когда приходят подлинные знания, появляется способность к осмыслению жизни, — мы ясно осознаем, что без этих людей, среди которых вырос ты, нельзя представить Россию. Первоначальные и самые крепкие для тебя ее корни там, где родился, где тебя вводили в мир человеческой доброты и в мир труда.

И если память меня зовет в детство — многое в нем связано с моим дедом по матери Василием Федосеевичем Скуратовым, возле которого мы с братьями вырастали в рязанском поселке Сарай.

Дед был колхозником, но до колхоза уже успел повидать и пережить всего вдоволь. Из глухой волости, из самой что ни на есть бедняцкой семьи за гренадерский рост, за голубоглазо-русоволосую красоту призвали его не куда-нибудь, а в лейб-гвардии Преображенский полк — «самого царя охранять». Но вскоре их батальон преображенцев за отказ стрелять в восставших рабочих Петрограда в полном составе был разжалован из гвардии, и дед «штрафником» попал в Московский пехотный полк, кормил вшей в окопах, за воинскую сноровку получил унтер-офицерские нашивки и набор серебряных георгиевских медалей на грудь, а в семнадцатом, безоглядно признавший власть Советов, обучал строю и владению оружием добровольцев в самых первых формированиях Красной Гвардии. Затем гражданская война, тифозные бараки, возвратный, мало кого щадивший из болевших им, тиф, и снова — бои, уже с

«лесной армией» Антонова на Тамбовщине... И, как могу понять теперь, жила в нем жадная тоска по крестьянской работе, по земле, от которой был оторван вихрем небывалых дотеле событий. Потому-то и спешил вернуться — не самым, правда, ближним, а фронтовым, военным путем — в родимый поселок.

Мне дед помнится ходко шагающим за плугом или сохой, с остро посвистывающей косой на лугу, выводящим лошадей из ворот колхозной конюшни... Он был охоч до любого сельского занятия, все, кажется, в равной степени умел — что в поле, что у кузнечного горна, и в колхозе военного времени, когда негде было взять готового ремешка, окутанный зловонными испарениями из чанов, квасил, скоблил, мял шкуры, выделял сыромятную кожу — и в «Большевику» кони потому всегда были с надежной сбруей. А поселок наш — районный центр; деда, любившего коней, умевшего искусно шорничать, а требовалось — и телегу, сани он мог смастерить, — не раз пытались сманить в какое-нибудь местное учреждение, прельщая твердой, в рублях зарплатой и менее обременительными, чем у него, в колхозе, обязанностями конюха.

Не сманили. Впрямь слишком уж трудно — через «безземельную» бедность в юности и через жестокость фронтов — шел он к желанной для него работе на пашне, чтобы вот так, легко, мог затем покинуть ее сиротой в худой час... И в другом оставался твердым. Окраинная улица в селе, на которой он жил, за войну поредела, едва ль не втрое уменьшилась, порастеряв избы и жителей, а те сады, что были на ней, частью вымерзли в лютые холода, частью посохли от недосмотра или пошли под топор. Одиноким островком, окруженным живой оградой из осокорей и верб, зеленел лишь сад деда. И когда с налоговыми квитанциями приносили еще дополнительную — за яблони (существовала тогда такая вынужденная государственная мера), — бабушка кричала: «Руби, отец! Где же деньги сыскать?!» А дед говорил: «Мы свой сад не сбережем — улица совсем потеряется, и так уж пустая — глазу не за что зацепиться, ветер свистит — пыль метет... А будет сад — к нему, погоди, кто-нибудь прислонится, поставит избу рядом с нашей. Обождем!» И как уж наши Федосеевичи (бабушка по отчеству тоже была Федосеевна — Мария Федосеевна) выходили из затруднительного положения — не знаю, однако по весне яблони снова аккуратно окапывались, стволы их сверкали белизной побелки. Сад же, за который приходилось платить, в дом не давал ни копейки: дед и не помышлял торговать яблоками, не принято это было в наших местах в те военно-послевоенные годы...

Давно нет среди живых Василия Федосеевича Скуратова, солдата и пахаря, а улица, которую он по-крестьянски берег наравне с колхозным полем, теперь тесно застроена, и что ни дом — кар-

тинка с веселой росписью масляными красками, что ни дом — обязательно с садом или обширным палисадником. Живут на этой улице работающие, но уже, конечно, совсем иные люди, для которых, пожалуй, привычнее обращаться с мощными «Колосами», «Нивами», «Кировцами», нежели с лошадьёю, и все события сложного мира, вся информация о нем на кончиках, что называется, домашних телеантенн, вознесенных в небо над каждой из крыш. У нового времени — обязательно что-нибудь свое. Но убежден я, что и среди них, нынешних жителей этой улицы, есть и всегда будут неотступные оберегатели родной земли, родного поселка Сарай, и крепко стоять ему, упоминавшемуся еще в государственных списках XVI столетия, и ныне, — за то, что изрядно вырос, благоустраивается, стал заметным в области центром развивающегося на промышленной основе сельскохозяйственного производства — административно возведенному в ранг поселка городского типа!

И уж коли воспоминания увели сюда, в поселок детства моего, к людям, по которым мы, мальчишки, учились «грамоте жизни», — упомяну еще об одном человеке, тем более, что по своей «профессиональной» принадлежности он близок журналу «Человек и закон»...

Итак — самый конец сороковых годов, наши Сарай, те еще, которые трудно уж и представить себе: преимущественно соломенные крыши, тусклый свет керосиновых ламп по вечерам в окнах, никакого, само собой, водопровода, никаких тебе асфальтовых тротуаров и «этажей» — за малым исключением (школа, магазины, несколько «учрежденческих» зданий) избы, избы... Каждый новый человек оказывался сразу на виду — и потому, что «чужой», и потому, что именно «новый», а в совокупности в чем-то, значит, загадочный, его предстояло «распознать».

Он, этот «новый», удивил всех тем, что появился «в шляпе» (шляпы у нас тогда никто не носил), был на нем яркий галстук, ветер раскидывал в стороны полы его легкого плаща, и по черной, тягучей, как деготь, грязи раскисших осенью улиц шел он, в отличие ото всех, в ботиночках, как-то уж очень небрежно опираясь на полированную тросточку, будто бы даже поигрывая ею. Можно было подумать — «для форса» тросточка, как пестрый галстук, как та же шляпа! И зашелестело в разговорах: «Адвокат... адвокат...»

Так вошел в нашу сельскую и по той поре довольно глухоманную жизнь выпускник юридической школы Владимир Васильевич Аббакумов, посланный по распределению в Сараевский район на должность адвоката (или, как чаще всего называли у нас, «защитника»). Приехал он с женой, дочка и сын родились уже в Сараях.

Мы нередко произносим, как убедительное определение для деловых качеств работника, такую фразу: человек на своем месте.

И, разумеется, оцениваем ею не только профессиональные возможности должностного лица, но и то еще, что категорично не расписано в «регламенте» служебных обязанностей: его душевность, отзывчивость, его, наконец, гражданскую совесть, преданность призванию своему... Вот всем этим в полной мере обладал молодой юрист Владимир Васильевич Аббакумов, и очень скоро он — при всей своей «непохожести» на других в поселке — стал настолько своим тут, настолько авторитетным и незаменимым человеком, что уже вроде бы и нельзя было представить здешнюю действительность без него.

Несправедливо обиженные, те, кто почему-то не мог добиться «законных» требований, — теперь говорили своим обидчикам, каким-либо местным — из контор, учреждений — волокитчикам, бюрократам: «Погодите, я вот сейчас к Аббакумову пойду!..» Ибо уже знали: он, юрист, не только разъяснит, как в данном случае должно быть по закону, но при этом принципиально поможет восстановить правду, где бы она ни находилась — здесь ли, рядом, за глухим забором, например, райпотребсоюза, или в самой Москве. Поможет, не боясь испортить с кем-то отношения, поскольку считает непреложной обязанностью для себя защищать законные интересы советских граждан. И вот теперь, по прошествии времени, я вижу, что тогда, в самом начале своего юридического пути, Владимир Васильевич не искал для себя легкой известности «красноречивого» адвоката (хотя ведь люди специально ходили послушать его речи на судебных заседаниях), — он всей своей работой, всем своим поведением, последовательностью в поступках **в о з в ы ш а л** (другого более точного слова не подберу!) **у в а ж е н и е к з а к о н у**, к истине. Здесь, в глубинке, это особенно чувствовалось, подмечалось. И шли к «защитнику», ехали из окрестных деревень солдатские вдовы, колхозники, председатели колхозов (за юридическим советом, подсказкой), все другие — каждый с нуждой и надеждой.

Понятно, разумеется, что даже в небольших масштабах района эта — адвоката — должность была не из самых значительных, однако с приездом в Сарай Аббакумова она (так выходило) сделалась просто необходимой, потому что на высокий государственный уровень поставил свою, казалось бы, скромную работу исполнитель этой должности. Так поставил, что она стала обязательным, активным звеном в общей системе районных органов юстиции и правопорядка*.

Владимир Васильевич приходил к нам в школу — вел уроки по

* В настоящее время В. В. Аббакумов — член Рязанской областной коллегии адвокатов, живет и работает в Рязани.

Конституции СССР, и я хоть учился по этому предмету у другого преподавателя, но тоже, когда только удавалось, бежал послушать, о чем он говорил своим ученикам, всегда тесно взятый ими в кружок после уроков — где-нибудь у раздевалки, в коридоре, школьном дворе. Это были беседы мимоходом, но из тех, что западают в душу, — о лирике Пушкина и Есенина, о какой-нибудь литературной новинке, или о фильме, что демонстрировался вчера в клубе, или просто о каком-либо недавнем поселковом происшествии, но, как понимаю сейчас, живые суждения, меткие, подчас с едва уловимой иронией реплики Владимира Васильевича были всегда «с прицелом» — возбудить у нас, сельской ребятни, интерес к чему-то большому и глубокому в отечественной истории, культуре, дать почувствовать нам, что в противоречивом мире человеческих взаимоотношений нельзя жить равнодушно, по принципу «моя хата с краю...» Разговор — как с равными, непременно на «вы». И открытое, веселое лицо, и какой-нибудь новый — красивый и в тон костюму галстук, и та же знакомая изящная тросточка в руках!.. Но теперь-то мы уже знали, что не будь протезов на ногах — не было бы этой тросточки, и ни один из галстуков Владимира Васильевича не мог пригасить притягательного для мальчишеских глаз блеска от ордена Отечественной войны, который он, Владимир Васильевич, иногда — по торжественным дням — привинчивал к лацкану пиджака.

Такой же точно орден носил на синем флотском кителе поскрипывавший протезом директор нашей средней школы — бывший офицер-катерник Василий Степанович Серегин...

НОЯБРЬ. ОСЕННИЕ ДНИ России — со светлыми зорями, морозным сиянием утреннего инея на траве, а где-то на юге речная вода еще жадно ловит тепло солнечных лучей, в садах держатся на ветках самые поздние румяные плоды... Контрастны краски осени. И как-то уж по-особому празднично в это время — с его резко обозначившимися далями, отчетливыми пейзажами, строгими очертаниями деревьев и строений — смотрятся красные флаги, поднятые всюду в честь славного 60-летия нашего Союза Советских Социалистических Республик.

Россия — старшая сестра в содружестве пятнадцати равных — со всеми вместе отмечает торжественный юбилей.

Союз нерушимый республик свободных

Сплотила навеки великая Русь...

Знакомые с детства, с пионерских лет слова Государственного гимна, и родной с детства красный цвет знамен. Наш цвет! Символ народных страданий (с красными стягами шли на революционные

баррикады, под пули карателей) и символ народных побед, народного многонационального нашего единства.

«Сплотила навеки великая Русь...» И нужны ли тут — к общеизвестному — какие-то другие слова-пояснения, когда все — историческое знание этого и обретенные в тяжелых испытаниях, в общих делах-заботах чувства неразрывного братства живут в самих сердцах советских людей? В Уфе, припоминаю, беседовали мы с секретарем Башкирского обкома КПСС Тагиром Исмагиловичем Ахунзяновым. Он поделился своей радостью: разыскал его и позвонил из Риги фронтовой друг — латыш Николай Николаевич Карклиньш, с которым не виделись и ничего не знали друг о друге с той военной поры — почти четыре десятка лет... И надо же было случиться такому счастливому совпадению: в этот же день, в момент нашего разговора, позвонил, что он приехал в Уфу и хочет встретиться другой фронтовой друг Ахунзянова — чуваш Александр Гаврилович Иванов.

— Под Старой Руссой мы втроем — вместе — вставали в атаку из одного окопа, — сказал мне секретарь обкома.

И можно было, конечно, больше ничего не добавлять...

Там, на передовой, у них, восемнадцатилетних пареньков из разных мест, сбившихся в дружную армейскую горстку, был один котелок на троих и была одна на всех святая, незыблемая правда: ценою жизни выстоять и победить, чтобы фашисты не смогли порушить Советскую власть ни в России, ни в Латвии, нигде, нигде... Я поинтересовался у Тагира Исмагиловича, кем же по профессии — после войны — стали его фронтовые побратимы. Карклиньш — партийным журналистом; Иванов, получивший в бою тяжелое ранение, закончил пединститут, вернулся в свое село учителем.

О многом можно вспомнить, поразмышлять под праздничный шелест красных полотнищ...

За горами — за лесами, в Бурятии, у подножия величавого Саянского хребта, был я свидетелем такой сцены...

С поэтом из Улан-Удэ Владимиром Намсараевым мы заехали на животноводческую ферму колхоза «Восточные Саяны», в селе Тагархай. Там, в тесной избушке, кто на лавках, кто на молочных бидонах, сидели люди и прикованно смотрели на светящийся зрачок радиоприемника. А оттуда исходил могучий голос Штоколова, он царил надо всем и всеми, не помещался в тесноте стен, и когда мы, входя, открыли дверь — он, как прибойная волна в разбеге, устремился к недалекой тайге, созвучный необъятности здешнего простора. Пел Штоколов «Из-за острова на стрежень...», «Гори, гори, моя звезда...», «Утро туманное...»

И в Саянах — убедился я — его знают и любят, как знают во многих других местах нашей большой земли.

А вскоре мне довелось встретиться с народным артистом СССР Борисом Тимофеевичем Штоколовым под Ленинградом, в дачном поселке. Он только что тогда вернулся из Англии.

Выглядел Борис Тимофеевич усталым, неохотно говорил о «сырости, копоты, ржавчине», что окружали его там, и ласкал взглядом белоствольные березы, посреди которых мы шли с ним. Он прикасался к ним ладонями, будто хотел взять от них побольше тепла. А мне в этот момент пришли на память строки Федора Ивановича Шаляпина. Рассказывая в «Страницах из моей жизни» о заграничье, он писал: «...Солнце светило сквозь дым и пыль, лицо у него было обиженное и безнадежное, точно оно думало: «Лишнее я здесь!»

Отчего это?

От особой чувствительности нашей души? От того, что вдали от тех же своих берез мы уже не мы? Остра и пронзительна эта наша привязанность к родной земле, к Родине!

И в ней нужно искать истоки любого таланта, всех примечательных деяний и свершений, чем богаты трудовые будни сегодняшней России, страны в целом. Человек новой, социалистической формации — по взглядам и отношению к труду — вырос, духовно окреп за годы Советской власти. Человек творческий, государственно озабоченный, не представляющий себя вне коллектива, отстраненным от общенародной жизни. Чувство хозяина страны, чувство ответственности за все, что происходит вокруг, что доверено ему по работе, — именно это находим мы в каждом из наших современников, когда стараемся постичь «секреты» тех или иных его производственных, научных и прочих успехов, его, в конечном счете, линии поведения...

Давно я знаком с Павлом Николаевичем Чемагиным, главным инженером подмосковного — в Ногинском районе — совхоза имени Чапаева.

Он, по-моему, как раз из тех русских одаренных натур, которыми — на местах — земля и бывает крепка. Перевалило ему за шестьдесят, но столько не дашь: без седины, и в глазах — неуголненный по-молодому интерес ко всему окружающему. А за плечами — все, что было у этого поколения. Как крестьянствовали до колхозов — помнит; в колхозе работая, подрос до призыва в армию и вернулся домой лишь на восьмое лето, пройдя через войну... Под Севастополем дрался в морской пехоте, под Новороссийском в истребительно-противотанковом батальоне, два раза «штопали» после ранений, перенес контузию. Досталось, короче. Когда же снял погоны — сел за баранку колхозной машины, потом в меха-

ники выдвинули (заочно отучился в сельхозтехникуме), и без малого два десятка лет — колхоз преобразовали в совхоз — главным инженером.

Идем с ним по машинному двору — вижу ярко выкрашенную бетономешалку, но дополненную какими-то нехитрыми приспособлениями. «А это картофелемойку сделали для фермы, — приметив мое удивление, пояснил он. — Подбираем такие списанные агрегаты на свалке, можно сказать, в утиле, преобразуем — удобные моечные машины получаются, надежнее заводских...» Мог затем сравнить я на МТФ — заводскую и эту, доморощенную. Та, первая — как комбайн, и вся цепями опутана, мучаются с ней животноводы. «Своя» же у всех в чести — проста, грязью не забивается, легка в обращении. «Кто же надоумил?» — спрашиваю. Чемагин рукой машет: «Пустячное дело... сами!»

Все с а м и... Такой под началом у Чемагина коллектив из механиков и механизаторов. Так налажена работа. С ремонтом техники в совхозе справляются без посторонней помощи. Каждая машина, каждое сельхозорудие, от простенькой бороны до мощного «Колоса», находятся на своем, строго отведенном месте — с соблюдением всех обязательных «гостовских» правил зимнего хранения. Ежегодно в совхозе заканчивают весь ремонт техники не позже первого декабря.

И ведь мокро, грязно в полях, на проселочных дорогах осенью, а машинный двор сияет чистотой: белы бетонные плиты, которыми выложена территория двора, отливает глянцем краска на каждом тракторе... Объяснение же простое: на машинный двор никто не имеет права заехать на гусеницах и колесах прямо с поля, с дороги, — только после мойки! Правило держится твердо. Как и другое: те вспомогательные приспособления, орудия, что механизатор получает из рук в руки от механиков — он должен по окончании работ сдать в исправном, опять же чистом виде. Полетела какая-то деталь, сломалось что-то — привези, предъяви. Чтобы железо не оставалось на пашне, чтоб можно было убедиться, нельзя ль отреставрировать, восстановить этот диск, лемех, культиваторную «лапу»... И воспитательный момент не на последнем месте, особенно для молодых механизаторов: беречь по-хозяйски технику — это обязанность. Привычки!

В совхозе более ста автомашин разных марок и систем, восемь десятков тракторов, восемнадцать зерновых комбайнов... Всей же техники — на двадцать пять миллионов рублей. И эти — в металле, отлаженном моторном перестуке — «миллионы» в образцовом рабочем состоянии. А малоразговорчивый, как может показаться, Чемагин нет-нет да терпеливо встречает очередную делегацию: приезжают люди издалека — посмотреть, в чем-то убедиться, что-то

перенять. Многие в Московской области наслышаны о машинном дворе совхоза имени Чапаева: на его базе проводились всесоюзный и всероссийский семинары... Павел Николаевич показывает — и словно бы застывшее недоумение на его лице: чему, дескать, удивиться-то — ничего диковинного, из ряда вон выходящего у нас нет. Как должно быть — так и поставлено дело. Не хуже, не лучше. Как должно...

Недаром такие люди, как Чемагин, или назову еще одно имя — Хавис Мирзаянович Каюмов — становятся народными избранниками, как принято у нас называть, то есть при проведении очередных выборов их охотно и единодушно выдвигают кандидатами в депутаты местных Советов. Именно за эту вот — государственную — струнку в жизненной позиции.

Хавис Мирзаянович Каюмов — председатель колхоза «Победа» в Дюртюлинском районе Башкирской АССР. В деревнях этого хозяйства издавна бок о бок живут башкиры, татары, марийцы, русские, и здесь-то воочию можно увидеть, как при нашем социалистическом укладе жизни люди разных национальностей, сохраняя свои культурные и чисто хозяйственные обычаи, традиции, свой язык, спаянно, при уважительном отношении друг к другу ведут общественные дела, больше среди них — в самом главном — общности, нежели какой-то несхожести!

Каюмову пятьдесят с небольшим, и энергии, напористости в нем через край. Колхоз — дело его жизни; когда-то он пришел сюда молодым, с партийным поручением и собственным горячим желанием как можно скорее вытащить хозяйство из долгов, неурядиц, поднять в людях пошатнувшуюся веру в иную, чем была у них, жизнь... Принял кассу пустой — теперь одних прибылей (чистого дохода!) ежегодно имеют по полтора-два миллиона. Все деревни колхоза, страдавшие когда-то от бездорожья, связаны сегодня насыпным грейдерным большаком с надежным покрытием; овраги перегородили плотинами — теперь они пруды, полезные водохранилища: зарыблены, дают воду для орошения. Там, где главная колхозная усадьба, в Старо-Янтузове, вырос, как тут его величают, торгово-бытовой и культурный центр. Дом быта и торговли, Дом культуры, средняя школа, другие здания, каждое из которых по своей отделке, элементам монументальной росписи свидетельствует о вкусе, художественном чутье колхозных строителей и, в первую очередь, их главного «прораба» — председателя Каюмова. На строительстве все проходит через него, большое и малое, и, пожалуй, малого нет: для Хависа Мирзаяновича одинаково важно, на каком проекте остановить выбор и как в фойе разместить светильники, какого цвета и рисунка должен быть в зале занавес, чем можно оживить интерьер вестибюля...

В «Победе» первоклассный механизированный ток, система его технологических линий способна обрабатывать зерно любой влажности и засоренности. В дюжих грузчиках и женщинах с метлами и совками, как бывало, нужды нет. Погрузочно-разгрузочные операции выполняются только машинами, а все управление током происходит с пультов нажатием кнопок... И, что важно отметить, во время уборки хлеб с полей поступает лишь сюда: ток с его автоматикой и мощностями способен принять и без задержки пропустить через себя весь громадный сбор зерна.

В этом тоже принцип Каюмова. Говорил мне:

— Хлеб не должен распыляться по разным токам, временным площадкам. Хлеб не должен терпеть неудобства. Слишком дорогая цена ему... не только в рублях, конечно, как сами понимаете!

Причем нельзя говорить о «Победе» как о каком-то образцово-показательном хозяйстве. Расположено оно в самой что ни на есть башкирской глубинке, вдали от шумных автотрасс, в двух десятках километров от районного центра. Есть колхозы хуже, есть в чем-то лучше «Победы», но одно бесспорно: в Старо-Янтузове крепко живут и умело хозяйствуют сегодня, эту свою жизнь строят с мудрым прицелом на завтра, и тут уже многому можно поучиться. А вместе с этим бесспорно и другое: к тем требованиям, что выдвинуты в Продовольственной программе страны, принятой на майском Пленуме ЦК КПСС, колхоз подошел вполне подготовленным. С надежной производственной базой, с хорошими перспективами во всех отраслях, с высокой культурой хозяйствования...

ТАК ПОЛУЧИЛОСЬ, что, набрасывая штрихи к портретам — по-вторю вослед за автором процитированного раньше стихотворения — «истинных российских сыновей», я, в основном, рассказывал о тех хорошо известных мне людях, о которых раньше писал в разных очерках и книгах. Но ясно же, что самые лучшие свойства народного характера, те качества, что присущи советскому человеку, — они в той же мере открываются нам и при знакомстве с биографией прославленного полководца, и когда мы встречаемся с видным ученым, и где-нибудь в заводской среде, и в отряде космонавтов или в коллективе педагогов, и в армейском гарнизоне, всюду, в общем, где с высоким чувством ответственности и творчески трудятся на благо Родины наши современники, приумножают силу и славу своего Отечества, берегут такой желанный, требующий огромных усилий по его поддержанию на суровой планете мир...

Празднично шелестят багряные полотнища — от Кремля до самых отдаленных сельских Советов; и с нынешних высот России надежно видны грядущие высоты — ее и сестер-республик, коммунистические высоты страны нашей. И удивительно красива — в морозном серебре, солнечных лучах, с пронзительными далями своими осень этого года! Чуткий, чистый свет ее радостно тревожит, волнует сердце.

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

В. БЛИНОВ,
министр юстиции РСФСР

Народный суд— основное звено советской судебной системы

В летописи рождения и становления советской судебной системы имеется особая страница. Она повествует о высокой революционной сознательности народных масс, которые по собственной инициативе с первых дней Октябрьской революции стали создавать народные суды.

В Петрограде, Москве, Смоленске, Саратове, на Кубани, Украине, в Сибири и многих других районах страны по почину местных Советов образовывались пролетарские суды. Они назывались по-разному: революционные народные суды, суды общественной совести, но задача у них была единая — вовлечь широкие слои рабочих и крестьян в дело поддержания революционного правопорядка.

Новый суд с первых дней своего существования включился в борьбу с контрреволюционными элементами, организующими заговоры против Советской власти, саботирующими ее мероприятия, а также в борьбу с такими опасными для молодого государства преступлениями, как хищения, погромы, спекуляция, взяточничество и другие.

Партия большевиков, неразрывно связанная с трудовым народом, направляла, использовала его революционный опыт и в деле организации советских судов, которые с первых дней своего существования стали органами власти, обеспечивающими интересы государства и трудящихся масс.

В период напряженной борьбы с контрреволюцией, иностранной интервенцией, в годы гражданской войны, суды, применяя меры подавления классовых врагов, в то же время боролись за укрепление дисциплины и самодисциплины среди трудового народа, строжайшего соблюдения революционной законности всеми учреждениями, должностными лицами и гражданами, решали вопросы, связанные с внедрением нового быта, новых брачных и семейных отношений.

Партия и правительство молодой Советской республики уделяли большое внимание организации и совершенствованию деятельности судебной системы.

В Российской Федерации в канун создания Союза Советских Социалистических Республик было разработано и принято 4-й сессией ВЦИК IX созыва Положение о судеустройстве РСФСР, в котором были учтены не только опыт прошлых лет в строительстве советского суда, но и специфические условия, вытекающие из принятой партией новой экономической политики, требующей обеспечения борьбы с малейшими попытками обхода советских законов.

В преддверии 60-летия образования Союза Советских Социалистических Республик следует отметить, что при создании судебной системы в союзных республиках был использован опыт строительства судов в Российской Федерации, которая сыграла важнейшую роль в организации всей системы союзной государственности.

За годы, прошедшие после образования СССР, вместе с совершенствованием советской государственности, грандиозными экономическими и социальными преобразованиями, совершенствовалась и социалистическая система правосудия.

В нашей стране суд был, есть и будет истинно народным как по форме, так и по содержанию. Поэтому вполне обоснованно и закономерно особое место в судебной системе отводится народному суду, который наделен широкими полномочиями по осуществлению правосудия. Он всей своей деятельностью воспитывает советских граждан в духе точного и неуклонного исполнения Конституции СССР, Конституций союзных республик и советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, соблюдения дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правам, чести и достоинству граждан, к правилам социалистического общежития.

Он по праву называется народным, поскольку с первых лет Советской власти Коммунистическая партия последовательно ставила

задачу, чтобы в органах правосудия участвовали самые широкие слои трудящихся, чтобы народный суд избирался непосредственно народом, был ответствен перед ним и обеспечивал его интересы.

Еще в 1918 году В. И. Ленин подчеркивал: «Нам надо судить самим. Граждане должны участвовать поголовно в суде и в управлении страны».

Это ленинское указание закреплено в статье 154 Конституции СССР. В ней устанавливается, что рассмотрение гражданских и уголовных дел во всех судах осуществляется коллегиально. В суде первой инстанции они рассматриваются в составе судьи и двух народных заседателей. Народные заседатели при осуществлении правосудия пользуются всеми правами судьи.

Народные суды создаются, формируются и действуют на основе принципов социалистического правосудия, в строгом соответствии с законом.

Районный (городской) народный суд образуется в районе, городе (кроме городов районного подчинения), районе города.

Президиум Верховного Совета РСФСР по представлению министра юстиции РСФСР может образовать один районный (городской) народный суд на район и город или на район и города, расположенные на территории этого района.

Народный суд — основное звено советской судебной системы. На его долю выпадает рассмотрение преимущественного большинства уголовных и гражданских дел, а также все административные материалы, подпадающие под судебную юрисдикцию.

На основе гражданского процессуального законодательства любое гражданское дело независимо от его сложности может быть рассмотрено в народном суде. Это могут быть дела по спорам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, колхозных правоотношений, административно-правовых отношений, а также дела особого производства.

Так, народный суд рассматривает споры о возмещении ущерба за причиненный вред, жилищные споры, о разделе имущества, о взыскании алиментов, восстановлении на работе, споры, возникающие при совершении купли-продажи или других сделках.

Если, к примеру, гражданин не согласен с наложенным на него штрафом или другим административным взысканием, он может обратиться с жалобой в народный суд. Такие дела, как принято говорить, возникают из административно-правовых отношений.

Суду подведомственны и дела так называемого особого производства. Предметом рассмотрения могут быть вопросы об установлении фактов, имеющих юридическое значение: о признании гражданина безвестно отсутствующим или об объявлении его умершим;

об установлении неправильностей записей в книгах актов гражданского состояния и некоторые другие.

Даже неполное перечисление полномочий народного суда позволяет сделать вывод, что его деятельность затрагивает широкую сферу правовых отношений.

В советском судопроизводстве действует подлинно демократический принцип — правосудие осуществляется только судом. Это положение закреплено статьей 151 Конституции СССР и соответствующими статьями Конституций союзных республик. Оно означает, что никакие другие организации, учреждения или должностные лица не имеют права решать вопросы, отнесенные к ведению суда.

Конечно, охрана прав и законных интересов советских граждан, интересов всего общества осуществляется всеми органами государственной власти и управления, общественными организациями. Однако только суду предоставлено право рассматривать дела, которые требуют исключительно ответственного и окончательного решения правовых вопросов. С этой целью законом строго регламентирован так называемый процессуальный порядок рассмотрения уголовных и гражданских дел, который не применяется иными учреждениями и организациями. Этот порядок обеспечивает установление истины в самых сложных жизненных ситуациях, а следовательно, и принятие по каждому конкретному делу объективного, справедливого, основанного на законе решения, охрану прав и законных интересов как граждан, так и общества.

Разбирательство дел в народных судах открытое. Слушание дел в закрытом заседании допускается лишь в случаях, установленных законом, с соблюдением при этом всех правил судопроизводства.

Участники уголовного процесса, стороны в гражданском споре наделены законом широкими правами. Они принимают участие в исследовании всех имеющихся материалов, дают показания, объяснения, представляют доказательства, заявляют ходатайства, пользуются услугами адвокатов. Одним словом, решение вопроса о виновности подсудимого по уголовному делу, обоснованности требований гражданского истца осуществляются в присутствии и при активном участии подсудимых, потерпевших, истцов и ответчиков, их законных представителей.

Судебные решения, приговоры могут быть постановлены лишь на основе тех фактов и обстоятельств, которые тщательным образом рассмотрены и с бесспорностью доказаны в заседании суда.

Все это позволяет суду принимать активное участие в защите прав и законных интересов граждан, стоять на страже интересов общества, обеспечивать высокое качество правосудия.

О том, что в нашей стране правосудие осуществляется только судом, говорится и в статье 160 Конституции СССР: «Никто не мо-

жет быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом».

Из этого конституционного требования вытекает ряд практически значимых гарантий и правовых условий, повышающих ответственность суда и обеспечивающих соблюдение так называемого принципа презумпции невиновности.

Суд является единственным органом, имеющим право устанавливать виновность и назначать наказание. До вынесения приговора человек, привлеченный к уголовной ответственности, считается невиновным. При этом обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Его виновность или невиновность должна быть установлена доказательствами, которые кладутся в обоснование обвинительного или оправдательного приговора.

Для осуществления правосудия суд наделен широким кругом обязанностей и полномочий.

В соответствии со статьей 155 Конституции СССР «судьи и народные заседатели независимы и подчиняются только закону». Никто из должностных лиц, никакие государственные органы, общественные организации не вправе вмешиваться в разбирательство конкретного уголовного или гражданского дела, оказывать влияние на результат его рассмотрения. Не имеют такого права и вышестоящие суды. Отменяя решение или приговор, они не должны предрешать вопрос о доказанности обвинения, о мере наказания, судьбе иска, о применении судом первой инстанции того или иного закона. При новом рассмотрении дела народный суд должен полностью и всесторонне исследовать доказательства и самостоятельно принять решение.

Но независимость судей и народных заседателей вовсе не означает их независимость от социалистического государства. Суд — орган государства. Он проводит политику Коммунистической партии, обеспечивает исполнение советских законов, в которых выражена воля народа.

Законом предусмотрен ряд существенных гарантий, обеспечивающих независимость судей и народных заседателей. Они могут быть досрочно лишены своих полномочий не иначе как по отзыву избирателей или органа, их избравшего, или же в силу состоявшегося о них приговора суда.

Обладая исключительной независимостью при разбирательстве конкретного судебного дела, при вынесении приговора или решения, советский суд в то же время находится в тесной связи с другими правоохранительными органами, местными партийными, советскими и общественными организациями. Эта связь позволяет успешней решать социально-хозяйственные задачи, способствует укреплению

правопорядка, социалистической законности, обеспечению интересов общества, прав и свобод граждан.

На XXVI съезде КПСС подчеркивалось, что в укреплении социалистической законности и правопорядка, наряду с другими правоохранительными органами, высокая ответственность возлагается и на суды. Осуществляя правосудие, они должны строго руководствоваться законом, каждое дело разбирать с высоких позиций справедливости.

Суды как органы государственной власти принимают активное участие в решении экономических и социальных задач. Вся их деятельность организуется на основе тех требований, которые предъявляют партия и Советское государство.

Коммунистическая партия деятельности органов юстиции и судов уделяет огромное внимание. Решения XXVI съезда КПСС, постановления ЦК КПСС и указания Л. И. Брежнева являются определяющими в работе судов, которые все свои усилия направляют на укрепление социалистической законности, решительную борьбу с туеядством, взяточничеством, спекуляцией, с посягательствами на социалистическую собственность.

Особое внимание суды уделяют устранению причин и условий, способствующих совершению правонарушений. При рассмотрении уголовных и гражданских дел, обобщении судебной практики выявляются недостатки в работе хозяйственных организаций, факты бесхозяйственности. На каждый случай злоупотреблений, бесконтрольности в охране государственного и общественного имущества, халатности, а также создания условий для его разбазаривания, нарушения законности или неправильного поведения некоторых граждан, нарушения общественного порядка суды, как правило, реагируют вынесением частного определения.

Следует сказать, что это достаточно эффективное профилактическое средство, предусмотренное законом. В статье 321 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР указывается, что одновременно с постановлением приговора суд, при наличии к тому оснований, частным определением обращает внимание руководителей учреждений, предприятий, организаций и других лиц на причины и условия, способствовавшие совершению преступления и требующие принятия соответствующих мер. Частное определение направляется тому должностному лицу, которое в силу своего служебного положения может и обязано навести порядок на участке, где было совершено преступление. О принятых мерах руководитель должен сообщить суду в месячный срок.

По материалам судебного разбирательства суд вправе частным определением обратить внимание общественных организаций и коллективов трудящихся на неправильное поведение отдельных гражд-

дан на производстве или в быту или на нарушение ими общественного долга.

Суды контролируют, как исполняются вынесенные ими частные определения. Для этого привлекаются народные заседатели, а также общественность предприятий и учреждений, в которых выявлены недостатки, способствовавшие совершению преступлений.

Выполнение задач, стоящих перед народными судами, немыслимо без вовлечения широких слоев общественности в осуществление правосудия. Практика выработала немало разнообразных форм участия общественности как в непосредственном рассмотрении уголовных и гражданских дел, так и в перевоспитании оступившихся, в предупреждении правонарушений.

Большую работу проводит многочисленный отряд народных заседателей, которые являются подлинными представителями народа. Во время последних выборов в районные и городские народные суды Российской Федерации избрано около 446 тысяч народных заседателей. Среди них больше половины — рабочие и колхозники, около 55 процентов — женщины.

При каждом районном (городском) народном суде созданы советы народных заседателей, которые имеют секции по направлениям работы. Они оказывают помощь судам в осуществлении контроля за исполнением судебных решений, взыскании ущерба, причиненного преступлениями, в перевоспитании несовершеннолетних, осужденных к условным мерам наказания и так далее.

В Шадринском городском народном суде Курганской области активно и плодотворно работает секция народных заседателей городского народного суда. Поведение подростков, осужденных условно или с отсрочкой исполнения приговора, обязательно берется под контроль. Составляется индивидуальный план мероприятий, способствующий организации повседневной и целенаправленной работе с несовершеннолетним правонарушителем. Вся профилактическая деятельность секции проводится в тесном контакте с комиссией и инспекцией по делам несовершеннолетних, общественными воспитателями и трудовыми коллективами.

Народные суды поддерживают постоянную связь с товарищескими судами, которым оказывают правовую помощь. Судьи совместно с общественными советами по работе товарищеских судов при исполкомах районных, городских Советов народных депутатов проводят семинарские занятия с членами товарищеских судов, дают консультации по конкретным делам и ведению судопроизводства.

В позапрошлом году значительное число правонарушений совершалось работниками шахты «Интинская» производственного объединения «Интуголь». В связи с этим Интинский городской народный суд Коми АССР наметил провести ряд мероприятий, в том числе

и совместно с товарищеским судом. Кроме проведения ряда выездных судебных заседаний, было организовано чтение лекций, проведение бесед и встреч с рабочими и служащими шахты. Такие мероприятия в сочетании с другими формами воспитательной работы в трудовом коллективе способствовали сокращению в 1981 году правонарушений среди работников шахты вдвое.

В соответствии со статьей 162 Конституции СССР в судопроизводстве по гражданским и уголовным делам допускается участие представителей общественных организаций и трудовых коллективов. Это, наряду с деятельностью народных заседателей,— одна из форм привлечения широких масс трудящихся к осуществлению правосудия. Она имеет большое значение в деле искоренения преступности и других правонарушений.

Трудовые коллективы, общественные организации имеют право на своих собраниях обсуждать поведение правонарушителя. Они могут дать оценку его образу жизни, вскрыть причины, способствующие совершению правонарушения, и в зависимости от результатов обсуждения правомочны выдвинуть общественного обвинителя или общественного защитника для участия в судебном разбирательстве.

Представители общественности как по уголовным, так и гражданским делам, рассматриваемым в суде первой инстанции, являются активными участниками судебного процесса. Это позволяет глубже использовать процессуальные возможности в исследовании обстоятельств дела, установлении причин и условий, способствующих совершению правонарушений, увеличивает силу предупредительного воздействия судебного разбирательства.

Для осуществления правосудия нужны политически зрелые, высококвалифицированные специалисты, умеющие, казалось бы, за малым жизненным фактом увидеть общественно значимые интересы. Работники суда обладают высокой культурой, принципиальностью, широким кругозором, человечностью и доступностью. Многие из них удостоены боевых и трудовых наград.

За заслуги в укреплении социалистической законности и правопорядка 147 народных судей республики удостоены почетного звания заслуженного юриста РСФСР. Значительная группа судей отмечена государственными наградами.

Высок авторитет народных судей в нашем государстве. Многие из них избраны депутатами Советов народных депутатов, членами и кандидатами в члены райкомов, горкомов партии.

Прошедшие 20 июня 1982 года выборы народных судей и народных заседателей показали, что народными избранныками по праву стали опытные и уважаемые люди.

Среди народных судей Российской Федерации более 90 процентов членов партии, около 99,4 процента — с высшим юридическим

образованием. Это представители всех наций и народностей, населяющих республику. Свыше 38 процентов народных судей — женщины.

В процессе подготовки к выборам народными судьями и народными заседателями была проделана огромная работа. Они встретились с миллионами избирателей, провели десятки тысяч отчетов. Все это укрепило их связь с трудовыми коллективами, которые единодушно одобрили деятельность народных судов. Наряду с этим, избиратели высказали пожелания шире проводить пропаганду права, чаще отчитываться перед избирателями, обращали внимание на имеющиеся недостатки в организации работы народных судов, предлагали усилить борьбу с расхитителями государственного и общественного имущества, расточительством и бесхозяйственностью, взяточничеством, спекулянтами, пьяницами и хулиганами.

Критические замечания трудящихся, их предложения, направленные на повышение эффективности деятельности суда, укрепление социалистической законности, приняты к руководству.

Большой отряд народных судей России в обновленном составе приступил к выполнению ответственной обязанности — осуществлению правосудия. От их активной жизненной позиции, трудолюбия, стремления как можно больше принести пользы Родине зависит уровень и эффективность судебной деятельности.

Сейчас, как известно, в стране ведется большая работа по выполнению Продовольственной программы, одобренной майским (1982 г.) Пленумом ЦК КПСС. Какой вклад в ее осуществление могут внести суды? Этот вопрос недавно обсуждался на Пленуме Верховного Суда СССР. Было принято развернутое решение, которое призвано улучшить работу судебных органов по применению законодательства, имеющего отношение к обеспечению успешного выполнения Продовольственной программы. Взять, скажем, такую важную проблему, как соблюдение правовых норм при производстве, транспортировке и хранении сельскохозяйственной продукции. Или — укрепление законности во взаимоотношениях колхозов с потребителями. Эти и другие важные вопросы, связанные с выполнением Продовольственной программы, судам совместно с другими правоохранительными органами придется решать с особой тщательностью. И, думается, они вполне справятся с ними, внося таким образом свой вклад в выполнение важной народнохозяйственной задачи.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОГРАММА — ВСЕНАРОДНОЕ ДЕЛО

В. ДЕМЬЯНЕНКО,
доктор юридических наук,
заведующий кафедрой
земельного, колхозного и
трудового права Саратовского
юридического института имени
Д. И. Курского

Трудовые права колхозников

Сельский труженик... Это его крестьянским потом во все времена добывался хлеб насущный. Вот только отношение к нему, хлебору-бу, не всегда было одинаковым. Сейчас, когда особенно возросла роль села в производстве продовольствия и мы справедливо воздаем труженикам села дань уважения и признательности, не лишне вспомнить, что в дореволюционной России правящие классы относились к крестьянству с полнейшим пренебрежением.

Единственным путем избавления трудящегося крестьянина от эксплуатации, нищеты и разорения стал его переход под руководством рабочего класса во главе с Коммунистической партией на рельсы социализма. Только в общественном, коллективном хозяйстве возможно осуществление широких социально-экономических и социально-культурных прав сельского населения. В речи на Третьем Всесоюзном съезде колхозников товарищ Л. И. Брежнев говорил:

«Люди старшего поколения помнят, что в прошлом крестьянин был угнетен, безграмотен, бесправен и беззащитен, оставался в одиночестве перед стихийными силами природы и всякими невзгодами.

Колхоз избавил крестьянина от тяжелого прошлого, дал ему прочное место в жизни, сделал хозяином своей судьбы».

Меры по социальному переустройству села являются, как известно, органической частью Продовольственной программы СССР на период до 1990 года, одобренной майским (1982 года) Пленумом

ЦК КПСС. Что при этом имеется в виду? Прежде всего — строительство благоустроенного жилья, в основном усадебного типа, с надворными постройками для личного подсобного хозяйства. Расширится строительство школ, детских дошкольных учреждений, клубов. Улучшится медицинское и бытовое обслуживание сельского населения.

«Нет нужды доказывать, что, чем энергичнее и основательнее будем мы заниматься жилищным, культурно-бытовым, дорожным строительством на селе,— отмечал товарищ Л. И. Брежнев на майском Пленуме ЦК партии,— тем производительнее будет крестьянский труд. Поэтому в 80-е годы на эти цели намечается направить примерно 160 миллиардов рублей. Даже по нашим масштабам — это большая цифра. Но это не только большая цифра. Это — большая политика, направленная на стирание социальных различий между городом и деревней».

Основным правовым документом, регулирующим внутриколхозные общественные отношения и определяющим права и обязанности крестьян как членов коллективного хозяйства, является Примерный Устав колхоза, принятый в 1969 году III Всесоюзным съездом колхозников и приведенный впоследствии в соответствие с новой Конституцией СССР. Эти изменения и дополнения, нашедшие отражение в уставе каждого колхоза, выражают курс Коммунистической партии и Советского государства на ускорение темпов развития социалистического сельского хозяйства, на дальнейшее повышение активности колхозного крестьянства в коммунистическом строительстве, на более надежное удовлетворение материальных и культурных потребностей трудящихся, а также укрепление социалистической законности в области сельскохозяйственных, земледельческих отношений.

Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, направленные на увеличение продовольственных ресурсов страны, расширяют социально-экономические и социально-культурные права колхозников, закрепляют новые материальные и правовые гарантии их осуществления.

В пункте 2 Примерного Устава колхоза подчеркивается, что колхоз ставит в ряду своих основных задач также задачу осуществлять охрану прав и законных интересов членов колхоза. Это полностью соответствует требованиям Конституции СССР, которая предусматривает, что уважение личности, охрана прав и свобод граждан является обязанностью всех общественных организаций, а не только государственных органов и должностных лиц.

В соответствии с дополнениями, внесенными в пункт 4 Примерного Устава на основе Конституции СССР, колхозник имеет право не только на получение работы в общественном хозяйстве колхоза

с гарантированной оплатой труда, как было раньше, но и право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учетом общественных потребностей. Неразрывно с правом на труд связано другое конституционное право — право на отдых, обеспечиваемый, в частности, предоставлением выходных дней и ежегодных оплачиваемых отпусков.

Заметим, что Основными направлениями экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года, утвержденными XXVI съездом КПСС, предусмотрен ряд мер по стимулированию труда колхозников. Намечено повысить оплату их труда в общественном хозяйстве колхозов на 20—22 процента. Размеры этой оплаты будут находиться в еще более тесной зависимости от конечных результатов работы, производительности труда и качества продукции. Предполагается обеспечить сближение — в меру роста производительности труда, квалификации и занятости колхозников в общественном производстве — уровня оплаты их труда с уровнем оплаты труда работников государственных сельскохозяйственных предприятий. Одновременно намечено установить минимальную продолжительность ежегодного оплачиваемого отпуска для колхозников на уровне минимального отпуска для рабочих и служащих. В Продовольственной программе особо подчеркнуто, что надо активнее вводить рациональный режим труда и отдыха колхозников.

Продовольственная программа СССР на период до 1990 года предусматривает повышение размеров натуральной оплаты труда, прежде всего — зерном, плодоовощной продукцией и кормами. В одиннадцатой пятилетке для работников, занятых в животноводстве, будет введена надбавка к оплате труда за непрерывный стаж работы в данном хозяйстве и установлены дополнительные отпуска.

Одновременно предусматривается повсеместное внедрение в сельскохозяйственное производство коллективного подряда, обеспечивающего более высокие показатели труда, экономию ресурсов, расширение практики натуральной оплаты и поощрение за повышение рентабельности производства.

Примерный Устав колхоза активно содействует тому, чтобы профессия хлебороба стала одной из самых привлекательных и престижных. И это вполне понятно: решение новых и сложных производственных и социальных задач, поставленных XXVI съездом партии и майским Пленумом ЦК КПСС, во многом зависит от трудовой и общественно-политической активности сельской молодежи, от ее знаний, желания и умения применить эти знания на практике, от ее трудового энтузиазма и высокого чувства ответственности.

Продовольственная программа и постановления ЦК КПСС и Со-

вета Министров СССР, направленные на практическое осуществление выдвинутых задач, исходят из необходимости всемерно повышать престижность труда в сельском хозяйстве и осуществлять дополнительные мероприятия по привлечению молодежи к активному участию в реализации планов социально-экономического преобразования села, воспитанию у нее любви к родному краю, стремления связать свою жизнь с сельскохозяйственным производством.

Тридцатидвухлетний бригадир колхоза «Победа» Чердаклинского района Ульяновской области, кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени, лауреат Государственной премии СССР Ю. Додонов, говоря о своей дружной молодежной бригаде, работающей слаженно, увлеченно и добывающей стабильно высоких урожаев, отмечает: «...Чувство общего, согревающего родного крова для всех нас, работающих на полях и фермах, не только осталось, а еще больше возросло. Родным домом для всех нас стала наша колхозная земля с ее полями и лугами, садами и постройками... И как важно чувствовать себя и осознавать ветвью того мощного дерева, корни которого прочно укрепились в земле, что не зря издавна величают матерью, она дает нам жизнь, от нее получаем силу».

Конечно, надо всемерно воспитывать у молодых людей это чувство уважения к земле, к своей профессии. Но не менее важно и другое: создать колхозникам необходимые условия для полноценного труда, учебы и отдыха. Сейчас многое делается в этом направлении.

Колхоз заботится о повышении производственной квалификации и культурно-технического уровня сельских тружеников. Направляет их на учебу в высшие и средние специальные учебные заведения, профессионально-технические училища и школы, на курсы повышения квалификации. Тем, кто успешно учится в заочных и вечерних общеобразовательных и специальных учебных заведениях и добросовестно трудится в колхозе, предоставляются льготы, предусмотренные действующим законодательством (дополнительные отпуска и свободные от работы дни, сокращенный рабочий день или сокращенная рабочая неделя и другие). При многих вузах сейчас созданы подготовительные отделения для сельской и рабочей молодежи. Широко практикуется направление сельской молодежи на учебу в высшие и средние специальные учебные заведения с выплатой стипендии за счет средств хозяйств. Намечены и дополнительные льготы для молодых специалистов.

Колхозы оказывают помощь своим членам в строительстве и ремонте жилых домов, предоставляют жилую площадь нуждающимся в ней колхозникам. Продовольственной программой и постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР предусмотрен ряд существенных мер по расширению строительства на селе индивиду-

альных благоустроенных жилых домов усадебного типа с надворными постройками.

Важнейшая задача, указывается в Продовольственной программе,— создать условия для того, чтобы каждая семья, проживающая на селе, могла иметь приусадебный участок, содержать скот и птицу.

Устав обязывает правление оказывать колхозникам помощь в обработке приусадебных участков, в обзаведении скотом, зооветеринарном обслуживании, а также в обеспечении скота кормами и пастбищами. Чтобы повысить заинтересованность молодых семей в создании и развитии подсобного хозяйства, колхозам рекомендуется выдавать таким семьям бесплатно молодняк скота и оказывать помощь в строительстве надворных хозяйственных построек при условии, что члены этих семей работают в колхозах. Опыт многих хозяйств показывает, как благотворно сказывается забота об удовлетворении личных нужд колхозников на повышении производительности труда, на росте культуры села. И конечно же, это способствует закреплению в деревне молодежи.

Примерный Устав колхоза значительно расширил и укрепил гарантии трудовых прав сельских труженников. Так, колхозник может быть переведен правлением на другую работу временно в случаях производственной необходимости с оплатой его труда по выполняемой работе, но не ниже среднего заработка по прежней работе. Беременным женщинам — членам колхоза предоставляется более легкая работа с сохранением среднего заработка по прежней работе. Колхознику, необоснованно освобожденному от работы, выплачивается средний заработок за время вынужденного прогула, но не более, чем за три месяца.

В целях строгого соблюдения трудовых и других уставных прав и законных интересов членов колхоза пункт 35 Примерного Устава дополнен положениями о комиссиях по трудовым спорам.

«Трудовые споры колхозников,— говорится в Уставе,— рассматриваются комиссией по трудовым спорам, созданной из представителей правления и профсоюзного комитета колхоза, кроме споров по вопросам, отнесенным настоящим Уставом к исключительной компетенции общего собрания колхозников.

При несогласии с решением комиссии, а также в случаях, когда в комиссии не было достигнуто соглашения, колхозник вправе по своему выбору обратиться с заявлением о рассмотрении трудового спора к общему собранию членов колхоза либо в народный суд».

Введенный в колхозах новый порядок рассмотрения трудовых споров отражает рост массовости профсоюзных организаций в колхозах, повышение авторитета и расширение их возможностей в решении производственных, культурно-бытовых задач, стоящих перед колхозно-кооперативными трудовыми коллективами.

Комиссия по трудовым спорам образуется из равного числа постоянных представителей правления колхоза и профсоюзного комитета колхоза, выделяемых на срок полномочий последнего. Она рассматривает споры по вопросам: выплаты причитающегося колхознику заработка; перевода на другую работу и оплате при этом труда; освобождения от занимаемой должности (работы); выплаты среднего заработка за время вынужденного прогула; предоставления отпуска, его оплаты и выплаты денежной компенсации за неиспользованный отпуск при прекращении трудовых отношений; возврата денежных сумм, удержанных из заработка в возмещение ущерба, причиненного колхозу; применения утвержденных в колхозе норм выработки и отдельных расценок, а также условий труда, обеспечивающих выполнение норм выработки; наложения дисциплинарных взысканий; выдачи и использования спецодежды, спецобуви и защитных приспособлений, выполнения других предусмотренных в колхозе мероприятий по охране труда.

Колхозники могут обращаться в комиссию, если им не удалось урегулировать возникшие разногласия при непосредственных переговорах с правлением колхоза. Спор рассматривается в пятнадцатидневный срок со дня подачи заявления в присутствии заявителя (без его участия разрешение спора допускается лишь в том случае, если имеется на это его письменное согласие). Комиссия может вызывать на заседание свидетелей, поручать компетентным лицам проведение технических и бухгалтерских проверок, требовать от правления представления документов и расчетов. Принятое решение имеет обязательную силу и не подлежит какому-либо утверждению. Копии протокола заседания комиссии в трехдневный срок вручаются профсоюзному комитету и правлению колхоза. Выписка из протокола в тот же срок вручается заинтересованному колхознику под расписку или посылается по почте. Протокол вывешивается на видном месте для сведения колхозников.

Если в комиссии не достигнуто соглашение или колхозник не согласен с ее решением, он имеет право, по своему выбору, обратиться за разрешением трудового спора к очередному общему собранию либо в десятидневный срок со дня вручения ему выписки из протокола заседания комиссии — в народный суд.

Общее собрание рассматривает трудовые споры: по заявлениям колхозников, когда в комиссии не было достигнуто соглашение; по жалобам колхозников на решения комиссии; по вопросам, отнесенным Уставом к исключительной компетенции общего собрания. Прием заявлений и жалоб для рассмотрения их на общем собрании производится правлением колхоза. Собрание рассматривает заявление или жалобу в присутствии заинтересованного колхозника.

Если общее собрание членов колхоза (собрание уполномоченных),

к которому колхозник обратился с заявлением о рассмотрении трудового спора, вынесло решение, с которым колхозник не согласен, он вправе обжаловать это решение в исполком районного (городского) Совета народных депутатов. Исполком имеет право отменить противоречащее законодательству решение общего собрания колхозников собрания уполномоченных) и передать спор на повторное рассмотрение.

Решение комиссии по трудовым спорам и общего собрания колхозников (собрания уполномоченных) подлежит исполнению правлением колхоза в десятидневный срок со дня принятия решения, если в них не указан иной срок исполнения. Если правление отказывается исполнить решение комиссии, колхозник вправе обратиться за разрешением спора по существу в народный суд. Признав требования члена колхоза законными и обоснованными, суд одновременно с вынесением решения об удовлетворении иска в необходимых случаях частным определением доводит до сведения общего собрания колхозников (собрания уполномоченных) или исполнительного комитета районного (городского) Совета народных депутатов о допущенном нарушении Устава колхоза.

Всемерная защита трудовых и других уставных прав и законных интересов колхозников содействует всестороннему проявлению их способностей, талантов, творческой инициативы. Это является важнейшим условием успешного развития сельского хозяйства и совершенствования общественных отношений в деревне. И в конечном счете будет способствовать выполнению Продовольственной программы — важнейшей составной части экономической стратегии партии на ближайшее десятилетие.

СОБЕСЕДНИК

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

ПО ТРУДУ И ЧЕСТЬ

*Беседа с Героем
Социалистического Труда, народным
заседателем Верховного суда
Грузинской ССР К. М. Илуридзе*

ПРАВСТВЕННОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

*Опытом работы клуба трезвости
г. Клайпеды делится его президент
Э. Бояров*

***Почему, в силу каких
обстоятельств
несовершеннолетние совершают
противоправные действия...***

*С читателями беседует председатель
судебной коллегии по уголовным делам
Верховного Суда СССР А. М. ФИЛАТОВ*

НЕИЗБЕЖНЫЙ ФИНАЛ

Заметки из зала суда

КОНСТАНТИН ИЛУРИДЗЕ, КУЗНЕЦ

Общественно полезный труд и его результаты определяют положение человека в обществе.

Из статьи 14 Конституции СССР.

Живет в Тбилиси кузнец. Он начал ковать железо еще тогда, когда Тбилиси назывался Тифлисом. Два года назад друзья и знакомые отметили его семидесятилетие и пятидесятилетие трудовой деятельности на Тбилисском электровагоноремонтном заводе — и все пятьдесят лет в одном и том же цехе.

Зал Тбилисской филармонии, где чествовали Константина Михайловича, был полон. Пришли товарищи по работе, родные, друзья. На торжестве присутствовал кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК компартии Грузии Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе. Знатного кузнеца приветствовали представители различных городских и республиканских общественных организаций, в деятельности которых он принимал участие, его избиратели, руководители ведомств. Было сказано много теплых и хороших слов, потом показан фильм о трудовой и общественной деятельности Илуридзе и, конечно, состоялся концерт, по просьбе Константина Михайловича исполнялась народная музыка.

У него не раз спрашивали: как же так — уважаемый человек, депутат, член ЦК компартии Грузии — и все кузнец да кузнец. Давно пора уж если не директором завода, то хоть начальником цеха, ну, хоть мастером стать! Он отвечал: «Вы видели артиста, который хотел бы стать директором театра? Вряд ли. Счастье артиста в дру-

гом — в творческом успехе, в признании народа. И если это настоящий артист, он достигает своих вершин, и тогда его называют Заслуженным, Народным. Рабочий человек тоже старается, прежде всего, расти как специалист. Сегодня работаешь по пятому разряду, завтра по шестому, затем стремишься стать лучшим кузнецом, слесарем или токарем у себя в цехе, на заводе, настоящим мастером, артистом своего дела!

Четырнадцатилетним подростком привел Михаил Илуридзе своего сына Котэ в сельскую кузницу. Не сразу удалось ему кузнечное ремесло. Прошло более года, прежде чем парнишка окреп и сумел подчинить себе тяжеленный молот. В руках появились сила, сноровка, и стало радостно смотреть, как раскаленный металл на твоих глазах и по твоей воле из бесформенного куска превращается в лопату, мотыгу, топор, подкову. Это ощущение радости от результатов своего труда до сего дня не покидает кузнеца.

Юность Котэ совпала с бурным, полным важных в жизни Страны Советов событий временем. И молодой кузнец принял самое активное участие в строительстве новой жизни. В 1927 году он вступил в комсомол, организовывал колхоз в своем родном селе Ахалубани, создавал артель «Красный кузнец». А дальше жизнь сложилась так, что Котэ переехал в Тбилиси. Как ни жаль было покинуть родные места, желание совершенствоваться в профессии, лично участвовать в развернувшейся тогда по всей стране реконструкции народного хозяйства победило. Котэ поступил на Тбилисский паровозово-вагоноремонтный завод. Это было предприятие с большими революционными традициями. В 1887 году здесь был создан первый рабочий кружок, в котором участвовал А. М. Горький, в токарном цехе завода трудился М. И. Калинин и в 1900 году вместе с другими революционерами организовал стачку.

— Когда я пришел на завод, — вспоминает Константин Михайлович, — здесь были свежи в памяти многие события 1905 и 1917 годов. Коммунисты, комсомольцы делали все, чтобы славные революционные традиции развивались. То было насыщенное, горячее время, рабочие страны выдвинули лозунг «Пятилетку — в четыре года». Трудились с энтузиазмом, учились на курсах и кружках, соревновались между собой, выходили на воскресники, были непримиримы к лодырям и прогульщикам. Сдается мне, что сейчас этой непримиримости кое-где не хватает. И нам, старым кадровым рабочим, надо воспитывать ее у молодежи.

Есть у нас на заводе музей, где собраны материалы о его славных революционных и трудовых традициях. Такие же музеи имеются сейчас на многих предприятиях страны. Надо, чтобы они активно способствовали воспитанию рабочей смены.

Долгую, насыщенную жизнь прожил Илуридзе, есть что вспомнить, есть чем поделиться, опыта и знаний хватит на многих. В своем деле он достиг наивысшего мастерства. Выступив в 1945 году инцидатором соревнования за звание лучшего кузнеца цеха, он вскоре завоевал его, затем стал лучшим кузнецом завода, а в 1951 году ему было присвоено звание лучшего кузнеца паровозово-вагоноремонтных заводов всей страны. «Скорая рука» — так прозвали его товарищи по работе. О своей жизни, о трудовых буднях Константин Михайлович написал небольшую книжку. Вот как он объясняет в ней «секреты» своих успехов:

Долгую, насыщенную жизнь прожил Илуридзе, есть что вспомнить, есть чем поделиться.

Константин Михайлович Илуридзе с товарищами по работе, ветеранами Тбилисского электровагоноремонтного завода.

Фото В. Зимина.

«...Я вывел для себя несколько правил, которым потом следовал постоянно и следую по сегодняшний день. Прежде всего, это азбучная истина о подготовке рабочего места и нужного инструмента. Истина эта часто повторяется, тем не менее все еще встречаются рабочие, особенно молодые, которые о ней забывают. А забывать ее — все равно, что не умываться по утрам. Изю дня в день, из года в год вот уже много лет я не спешу после окончания работы в бытовку, под душ, а остаюсь ненадолго и привожу в порядок рабочее место, заготавливаю все, что нужно, на завтра. Утром те, кто поступают так же, сразу могут начать работать. К тому времени, когда начнут трудиться «неумытые», у таких, как я, уже изготовлено несколько деталей. Вторая истина еще проще — надо добросовестно работать всю смену, рабочее время должно быть полностью загружено без уходов «на перекур», без болтовни с товарищами и тому подобного».

«Государство, сочетая материальные и моральные стимулы, поощряя новаторство, творческое отношение к работе, способствует превращению труда в первую жизненную потребность каждого советского человека», — записано в Конституции СССР. За пятьдесят с лишним трудовых лет Илуридзе в его «карьере» никаких изменений не произошло, он как был, так и остался кузнецом. Но однообразной его работу назвать нельзя. Каждый раз, приступая к выполнению

пового заказа, он тщательно отыскивал наилучший вариант изготовления деталей, подбирал, изобретал штампы, вспомогательные приспособления. «Самое для меня привлекательное, самое волнующее — это процесс обдумывания, поиска», — утверждает Илуридзе. Его добросовестность, новаторство, мастерство были оценены по заслугам. Константин Михайлович — кавалер двух орденов Ленина и многих медалей за трудовую доблесть, он — Герой Социалистического Труда, Почетный гражданин города Тбилиси.

Честный и принципиальный человек, вдумчивый и рассудительный Илуридзе всегда пользовался огромным уважением товарищей по работе, односельчан, затем жителей города. В девятнадцать лет был уже депутатом сельского Совета. С тех пор его депутатская деятельность почти не прерывалась, Илуридзе выдвигали в районный, городской Советы, а в 1947 году в Верховный Совет Грузинской ССР, и этой высокой чести избиратели удостоивали Константина Михайловича четыре раза подряд. Коммунисты завода не раз избирали его парторгом кузнечного цеха, членом парткома, в разное время он был членом и райкома, и горкома партии, членом Центрального Комитета Компартии Грузии. К своей общественной работе Константин Михайлович относится так же добросовестно, как и трудовым обязанностям. Высокая гражданственность, чувство личной ответственности, умение давать оценки и решать вопросы с позиций государственных, в интересах народа характеризуют стиль работы Константина Михайловича как общественного деятеля.

«...Думаю, что ни одно обращение ко мне не осталось без внимания, ни один вопрос — неразрешенным, — вспоминает о своей депутатской деятельности Константин Михайлович. — Сейчас трудно даже припомнить все, чем пришлось заниматься. Помню, как однажды ко мне обратились и земляки из Ахалубани с просьбой помочь в строительстве моста. Я съездил в село, переговорил с председателем Ахалубанского сельсовета, с работниками райисполкома и, разобравшись в сути дела, обратился в Совет Министров Грузинской ССР, а потом не успокоился до тех пор, пока не были выделены средства и строительство не началось. Привел я этот пример потому, что хочу отметить: к обращениям депутатов наши советские органы неизменно относятся очень внимательно, и это понятно — ведь за депутатом стоят интересы тысяч людей, избирателей, облекших его своим доверием, наделивших широчайшими полномочиями.

Всегда, и я вовсе не считаю это своей заслугой — таким меня воспитали партия, мои мать и отец, мои товарищи по заводу, всегда я старался быть не только честным во всем, но и объективным, думать и говорить о людях по совести».

И сейчас, несмотря на возраст, Илуридзе продолжает свою общественную работу. Он народный заседатель Верховного суда Грузинской ССР. Накопленная с годами житейская мудрость, хорошее знание законов, которые он постоянно изучал, будучи депутатом, такие личные качества, как объективность, вдумчивость, высокое чувство ответственности перед народом, помогают ему на этом посту вершить правосудие.

КЛУБ ТРЕЗВОСТИ — ПЕРВЫЕ УСПЕХИ

Все началось в марте 1976 года. Именно тогда несколько человек, решившие навсегда покончить с употреблением алкоголя, организовали в Клайпеде клуб трезвости. С приходом в клуб Владимира Шупиниса, врача-нарколога, работа клуба стала более самостоятельной, получила широкий общественный резонанс. Сюда потянулись не только бывшие больные хроническим алкоголизмом, но и члены их семей, друзья, словом, все, кто решил сам навсегда покончить с вредной привычкой или помочь в этом деле своим близким. Клуб был переименован в клуб трезвости «Аве Вита» («Да здравствует жизнь»). «Алкоголизму не место в нашей жизни» — провозгласили члены клуба. Горздравотдел и наркологический диспансер всячески поддерживали инициативу борцов с алкоголизмом.

Устав «Аве Вита» был одобрен и утвержден на заседании горисполкома. Клубу было выделено хорошее помещение. Это дало возможность шире проводить мероприятия по антиалкогольной пропаганде, показывать преимущества трезвого образа жизни.

Только шесть лет существует клуб, но у него уже сложились свои традиции: безалкогольные банкеты, празднования дней рождений за чашкой чая. Это продуманные, хорошо подготовленные торжества, которые проходят всегда интересно с участием большого количества людей. Совместные поездки и культпоходы, диспуты и встречи с интересными людьми, участие членов клуба в антиалкогольной пропаганде, занятия в секциях — кино-фотолюбителей, спортивно-туристической, рыболовов, народного творчества — вот далеко не полный перечень занятий членов клуба в свободное от работы время.

В клубе не только, так сказать, «бывшие больные», в нем есть люди, которые вообще никогда не употребляли спиртное, особенно молодежь. Они охотно посещают клуб в вечерние часы: кто-то слушает музыку, репетирует на музыкальных инструментах, кто-то увлеченно сражается за шахматной доской...

Могут спросить, а как дела у молодежи с учебой? Мы всегда интересуемся успеваемостью студентов, учащихся, ибо деятельность клуба, и это наше твердое мнение, не должна мешать учебе. Что привлекло в клуб молодежь? Это и вечера отдыха, и туристические походы с ночевкой у костра, спортивные праздники — «Папа, мама и я — спортивная семья», хорошие пластинки и магнитофонные записи эстрадной и классической музыки. Но главное — это атмосфера дружбы, высокой культуры поведения, которые немыслимы там, где почитают алкоголь.

Прежде чем принять в клуб нового члена, ему дается трехмесячный «испытательный» срок. После этого человек на общем собрании, в торжественной обстановке принимается в члены клуба.

В клубе есть и почетные члены. Это люди, которые не употребляют спиртные напитки не менее десяти лет. Вот, например, Юрий Иванович М., он работает слесарем-сантехником на судостроительном заводе «Балтия». Прошло уже более тринадцати лет с тех пор, как он отказался от употребления спиртного, теперь сам активно борется с пьянством и алкоголизмом.

Как неузнаваемо изменилась жизнь тех, кто навсегда покончил с пьянством. Нравственное возрождение сопровождается и материальным благополучием. Многие приобретают свои автомобили, уже мечтают создать свою секцию автолюбителей. Летом мы все вместе выезжаем на рыбалку, за грибами.

В мае 1981 года в честь пятой годовщины клуба мы провели конференцию «Борьба с пьянством и алкоголизмом — дело каждого сознательного гражданина». К нам приехали в гости представители двадцати клубов трезвости из разных уголков страны: Москвы, Нижнего Тагила, Киева, Риги, Николаева. Более двухсот гостей было на вечере.

Радужные хозяева пригласили гостей за праздничные столы, на которых было много всякой вкусной снеди, в том числе и напитков, но отнюдь не алкогольных. А ведь кое-кто и представить не может, что можно весело отдохнуть без капли спиртного. Но им надо сказать, что в «Аве Вита» прошло немало семейных и других торжеств без винопития. А веселья на них не надо было занимать. Члены клуба скоры на выдумку, пишут сценарии, стихи, рисуют, поют и танцуют. Любой праздник должен запомниться людям своей красотой и легкостью, а не головной болью на следующий день.

Безалкогольная обстановка в клубе дает возможность провести время в нем вместе с семьей, с детьми.

Клуб «Аве Вита» уже накопил солидный опыт антиалкогольной пропаганды. Его члены много раз выступали с беседами и лекциями на предприятиях и в школах города. И, конечно, слово человека, испытывавшего горечь алкоголизма и сумевшего победить порок, всегда звучит убедительно. Деятельность клуба трезвости была одобрена комиссией по борьбе с пьянством и алкоголизмом при Совете Министров республики.

г. КЛАИПЕДА

Э. БОЯРОВ,
президент городского клуба
трезвости «Аве Вита»

А. ФИЛАТОВ,
председатель судебной
коллегии по уголовным делам
Верховного Суда СССР

Наша общая забота

С каждым годом наше общество предъявляет все более высокие требования к моральному облику и поведению подрастающего поколения страны. Мы не можем мириться с малейшими нарушениями нравственных и правовых норм, недисциплинированностью, распушенностью, потребительским отношением к жизни. А каждое преступление подростка или молодого человека — это наша общая боль.

Почему же, в силу каких обстоятельств несовершеннолетние совершают противоправные действия, какие причины толкают их на это. Каков, образно говоря, психологический механизм совершения правонарушений? Почему одни в 15-16 лет добиваются успехов в учебе, спорте, искусстве, а иных под конвоем приводят в суд.

Судебные дела наглядно показывают, что предпосылки преступного поведения подростков формировались и зрели исподволь и в то же время на глазах у всех и прежде всего на виду у родителей. От прогулов, двоек, дерзостей в школе, на улице и других, казалось бы, не столь уж крупных провинностей ребята переходили к избиваниям слабых, младших, а потом и любого, кто подвернется под руку.

Игорь Медведев, Борис Попов, Олег Хомутов, Сергей Бибнев предстали перед судом. Каждый из ребят дорого бы дал, чтобы все случившееся было дурным сном, чтобы из зала суда можно было уйти домой и начать жить сначала.

Игорь Медведев, недавно отпраздновавший 16-летие, считал, что ему все дозволено. Еще в школе он доставлял немало хлопот старшим. На уроках дерзил, отвечал грубостью на замечания учителей, младших ребят — бил, девочек — оскорблял, с четырнадцати лет стал выпивать, еще раньше — курить, с пятнадцати состоял на учете в инспекции по делам несовершеннолетних. В девятом классе Игорь перешел в вечернюю школу, поступил на работу. Однако поведения своего не изменил. В школу являлся пьяный, а вскоре перестал ее посещать совсем.

В тот вечер Игорь с дружкой пошел в кино, но стоять в очереди за билетами не пожелал, расталкивая граждан, пробирався к кассе. На замечания взрослых отвечал бранью. Когда один мужчина попытался урезонить разбушевавшегося хулигана, тот ответил ему «пер-

сональными» оскорблениями и несколько раз ударил. Свидетели этой сцены задержали Медведева, вызвали дружинников. Вскоре Игорь предстал перед судом и был осужден за хулиганство.

Учащиеся ПТУ Попов, Хомутов и Бибнев пьяные гуляли по городу. Около станции Москва — Киевская они встретились с двумя мужчинами: машинистом поезда и его помощником. Оба шли, чтобы отправиться в очередной рейс. Один из ребят попросил закурить. Помощник машиниста дал каждому по сигарете, в ответ на что получил удар кулаком в лицо. Затем хулиганы повалили обоих взрослых и стали бить жестоко, ногами по голове, лицу. Вместо рейса железнодорожники попали в больницу. Ребят задержали. Как и Медведев, эти подростки в свои 15 лет ни у кого не заслужили доброго слова. Выпивки, сквернословие, бесцельное времяпрепровождение, равнодушие к занятиям в ПТУ и будущей профессии — вот что отличало их от других сверстников.

У несовершеннолетних правонарушителей, как правило, отсутствуют здоровые интересы, любознательность (шататься по улице, торчать в подъезде — вот круг их занятий), они не дорожат честью ссмыи, добрым именем отца, матери, порою даже не понимают, что это такое, у них нет чувства сострадания и способности прийти на помощь слабому, а если такие качества проявляют другие, это вызывает насмешку, издевку; уличные «герои» на самом деле трусливы, потому держатся группой, менее всего они ценят такие качества, как организованность, ответственность за свои поступки, не умеют владеть своими эмоциями. Отсюда и сиюминутность принимаемого решения.

Десятиклассники выпили по случаю приобретения новой школьной формы. Увидели контейнеры с грузом. Приняли мгновенное решение — украсть. Позднее, в суде они заявляли: «Мы и сами не знаем, почему совершили кражу». В известной мере с этим можно согласиться. Действительно, за минуту до совершения преступления подростки не знали, что будут в нем участвовать. Но объяснить механизм преступного поведения можно. Подростки были подготовлены к такому срыву всем своим предшествующим поведением, не ведающим запретов, отсутствием иммунитета против зла, выработавшимися искаженными понятиями и взглядами на жизнь. Они считали дерзость и наглость — смелостью, скромность — забитостью, а честность для них — это честно делиться похищенным. Объясняя мотивы совершения преступлений, одни подростки ссылались на то, что хотели показаться смелыми, приобрести авторитет у сверстников своего круга, другие сказали, что просто не думали о последствиях, третьи — делали, мол, как все, или были пьяны. Короче говоря, полное отсутствие чувства ответственности за свои поступки, уважения к людям, пренебрежение принятыми в обществе нормами поведения, не говоря уже о таких качествах, как сила воли, самодисциплина. Где же причины нравственного брака в воспитании?

Никто не оказывает на ребенка такого сильного воспитывающего влияния, как семья, именно здесь формируются нравственные качества человека, складывается отношение к жизни, обществу, людям. И не число членов семьи, не материальный достаток, а здоровые нравственные принципы, на которых она зиждется, — вот что позволяет назвать ее благополучной. Таких семей у нас большинство. Но поскольку мы ведем речь об издержках в воспитании, разговор сейчас не о них.

Существуют семьи, в которых при полном материальном и ка-

жуемся моральном благополучии, внешних проявлениях любви и заботы о ребенке на самом деле происходит отчуждение родителей от сына или дочери, своеобразная девальвация родительского долга. Причем такое отчуждение начинается с первых лет жизни детей.

Воспитание здесь подменяется лишь заботой о физическом состоянии детей, материальном обеспечении и удовлетворении запросов, причем подчас в гипертрофированной форме. Лениость родительской души, своеобразный эгоизм, нежелание «тратить» себя, свое время на кропотливое взращивание в ребенке лучших человеческих качеств заменяются приобретением большого числа игрушек, аквариумов с рыбками, животных и тому подобного. А нравственный вакуум заполняется всем тем, что сумеет найти или перенять у кого-либо сам подросток.

Бывает, что безнравственные примеры дети видят в своей же семье. Если в семейном укладе нет уважения, доброты друг к другу и окружающим, процветает эгоизм, равнодушие, двойственность в поведении и отношении к людям, то такие же жизненные позиции могут занять и дети.

Судебная практика подтверждает эти выводы и показывает, что причины преступного поведения подростка обнаруживаются задолго до совершения преступления.

Вот один из примеров. В семье Федоровых внешне все хорошо. Один сын. Все атрибуты внешней культуры налицо: высшее образование у отца и матери, книги, журналы, приемники. Родители умели поговорить при случае о литературе, искусстве. Но все это было чисто внешнее и не свое, а увиденное, услышанное и прочитанное, не отложившее следа в душе, не ставшее убеждением. На людях изрекались хорошие истины, а когда супруги оставались одни (сын был не в счет, маленький), то обнажалось совсем другое лицо — обывателей, мещан, людей недобрых, завистливых, все и вся осуждающих и ничем искренне не интересующихся, кроме одного: чтобы внешние все было лучше, чем у других.

Володя, так звали мальчика, видел это. Родительское двоедушие, их истинное лицо были поначалу неприятны сыну, подрывали родительский авторитет. Потом он сам стал циничным, умел притвориться хорошим и одновременно был способен на злобную выходку, грубость.

Плохое поведение сына нарушало «гармонию» внешне благополучной семьи, поэтому родители, заявив, что на их отпрыска дурно влияют другие подростки, а учителя не могут пресечь это явление, перевели его в другую школу. Сын же, почувствовав защиту и покровительство родителей, в новой обстановке не только не изменил своего поведения, но стал вести себя еще хуже. Сначала он взял из дома деньги, потом приемник, продал его, уехал в Сочи «погулять». Когда его задержали, пообещал исправиться. Однако вместо этого связался с группой подростков, занимающихся ограблением прохожих, и тоже совершил преступление. Его осудили.

Нравственное воспитание детей далеко не частное дело родителей. Подростки, приученные с детских лет к тому, что их потребности и желания в семье главные, неизбежно становятся эгоистами и деспотами. «Из эгоиста в семье вырастает эгоист в обществе» — такова неразрывная связь семейного с общественным. Указывая на это, А. С. Макаренко страстно протестовал против самопорабощения некоторых родителей, чаще всего матерей, которые «за немением других самодуров и поработителей, сами их изготавливают из собст-

венных детей». Неудивительно, что когда родительские возможности почему-либо исчерпываются или просто оказываются недостаточными для удовлетворения не привыкших к самоограничению детей, последние легко пренебрегают общественными правилами и решаются на совершение преступления.

Родители 17-летнего Николая В. баловали сына и потакали всем его прихотям с раннего возраста. В семье обязанностей у него не было и он ни о чем не заботился. Отец и мать давали ему деньги на различные расходы, никогда не интересуясь, на что он их тратит. В результате бесконтрольности и баловства Николай, пристрастившись к выпивкам, рано бросил школу, проводил свободное время в ресторанах с сомнительными личностями. Он связался с группой спекулянтов, скупал вещи, а затем перепродавал их и был осужден за спекуляцию.

Бездумная, снисходительная любовь к детям в некоторых семьях ведет и к другому отрицательному последствию — всепрощению. Иногда родители всячески стремятся выгородить своих детей, скрывают их плохие поступки и даже преступления, упорно сваливают вину на кого угодно, только бы не винить свое чадо и себя. Столь настойчивая защита и покровительство наносят детям непоправимый вред — они свыкаются с мыслью, что вести себя можно как угодно, совершать аморальные поступки и правонарушения и при этом получать поддержку своих родителей.

Значение личного примера родителей для воспитания моральных качеств детей трудно переоценить. Какие нравственные качества могут выработаться у ребенка, если он видит в семье деспотизм отца, грубость, жестокость, бездумно-ленивое мещанство, или, еще хуже, прямое антиобщественное поведение. Часто первыми жертвами таких отрицательных качеств, привитых детям, становятся сами родители, затем окружающие, а обществу приходится заниматься перевоспитанием подростков.

Нельзя не обратить внимание и на такое отвратительное явление, как пьянство. Оно — одна из основных причин совершения преступлений несовершеннолетними. Анализ судебных дел показывает, что большинство краж совершается с целью завладеть деньгами, которые впоследствии тратятся на приобретение и распитие спиртных напитков. И часто все начинается с того, что подростку подносят рюмку в родительском доме.

За участие в разбойном нападении был осужден Георгий М., его родители честно трудиться не любили, а промышляли незаконным кустарничеством и спекуляцией, сами пьянствовали и давали выпивать Георгию. Наглядные уроки паразитизма и пьянства, полученные в семье, имели печальные последствия. В тринадцать лет Георгий бросил школу, связался с компанией взрослых парней, явно сомнительного поведения, стал пьянствовать, играть в азартные игры. Родители потворствовали ему, давали деньги «на различные развлечения», на выпивку. Это развращало подростка. Ему стало мало того, что давали родители, и он начал воровать.

Есть и такие родители, которые не только не пресекают неправильное поведение своих детей, но и потворствуют им, а иногда подстрекают, а порой даже и принуждают их к совершению преступления.

При рассмотрении в суде дела по обвинению Виктора А. выяснилось, что отец подростка систематически пьянствовал, постоянно издевался над матерью, сестрой. Когда у отца не было денег на

выпивку, он заставлял сына совершать кражи. Вместе с сыном осужден и отец: за подстрекательство к совершению краж и вовлечение сына в преступную деятельность.

Как показывает судебная практика, преступления в основном совершают безнадзорные дети. И вина в этом, в первую очередь, родителей.

Какую же ответственность несут родители Георгия, Володи и других, о которых здесь говорилось, за невыполнение ими своего родительского долга, гражданских и конституционных обязанностей?

Здесь, в первую очередь, следует сказать о моральном факторе. Как не понять душевное состояние родителей подростков, совершивших правонарушения. Осуждение детей — это порой как «операция на сердце» родителей. Но моральные потрясения не исчерпывают ответственности родителей.

Законом предусмотрено, что независимо от возраста детей, вплоть до достижения ими пятнадцатилетнего возраста родители несут полную материальную ответственность за вред, причиненный их детьми государству или гражданам.

Так, группа ребят в возрасте десяти — двенадцати лет из озорства сожгла мотоцикл соседа. Решением суда с родителей этих подростков была взыскана стоимость мотоцикла.

В случаях же совершения детьми антиобщественных действий их родители могут привлекаться и к административной ответственности. По решению комиссии по делам несовершеннолетних при исполкоме районного (городского) Совета народных депутатов они в таких случаях подвергаются штрафу.

При рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних суды выносят частные (особые) определения о плохом воспитании детей родителями, которые направляются в коллективы по месту работы последних для обсуждения их и принятия к ним мер общественного воздействия. Судебная практика знает и более строгие меры, применяемые в соответствии со статьей 59 Кодекса о браке и семье РСФСР и аналогичными статьями кодексов других союзных республик к родителям в случае уклонения их от воспитания детей или ненадлежащего воспитания. По решению суда такие родители могут быть лишены родительских прав.

Закон предусматривает уголовную ответственность взрослых, в том числе и родителей, за вовлечение подростков в преступную деятельность, в пьянство, в занятие попрошайничеством, азартные игры. За это виновные родители по статье 210 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик могут быть наказаны лишением свободы до 5 лет.

Безусловно, нравственное здоровье детей, подростков, выработка у них иммунитета, невосприимчивости к антиобщественному поведению зависят в первую очередь от родителей, содружества семьи со школой. Но нельзя сбрасывать со счетов самовоспитания подрастающего человека.

Было бы неправильно противоправное поведение несовершеннолетних объяснять лишь издержками в нравственном воспитании, говорить о подростках только как о «страдающей» стороне.

Наш закон считает подростка такой личностью, которая имеет определенные права и несет установленные законом обязанности.

Между тем, кое-кто заблуждается на этот счет. Почему-то некоторые подростки, а иногда и взрослые, считают, что закон предусматривает для несовершеннолетних всяческие поправки. Это опас-

ные заблуждения. Как и не на чем не основанное предположение, что несовершеннолетних, то есть не достигших восемнадцати лет, вообще не судят, не привлекают к уголовной ответственности.

Закон предусматривает уголовную ответственность самих подростков с шестнадцатилетнего возраста за все виды преступлений. А за тяжкие преступления, такие, например, как злостное хулиганство, грабеж — с четырнадцати лет.

В четырнадцать — шестнадцать лет человек способен осознавать значение правонарушений. И если он сам из многих вариантов поведения выбирает противоправный, то за это отвечает в соответствии с требованиями закона.

А как быть с теми подростками, которым нет еще 14 лет, а они совершают антиобщественные поступки, что называется, отбились от рук, не управляемы, не слушают родителей, бросают учебу, совершают мелкие кражи, а воспитательные меры, применяемые к ним школой, органами милиции, комиссией по делам несовершеннолетних, не дают положительных результатов? Может быть, надо ждать, когда им исполнится четырнадцать — шестнадцать лет, и тогда применить принудительные меры воспитательного воздействия?

Нет. В подобных случаях до достижения четырнадцатилетнего возраста подростки по решению комиссии по делам несовершеннолетних при исполкомах районных (городских) Советов народных депутатов могут быть направлены в специальные учебные заведения, специальные школы. А с четырнадцати до восемнадцати — в специальные профессионально-технические училища.

Если известно, кем, как и почему совершаются преступления, значит, преступные проявления можно предотвратить? Да, можно. В первую очередь, это в руках самих молодых людей, чье поведение оставляет желать лучшего. Им надо усвоить, что государство не только предоставляет подрастающему поколению все возможности для духовного развития, совершенствования, подготовки себя к полезной обществу деятельности, но и спрашивает с него по всей строгости закона за противопоставление себя обществу и антиобщественное поведение.

Очень важно, чтобы родители осознали, что нравственное воспитание детей является той силой, которая способна оградить детей от плохих поступков и противоправного поведения, влекущего неизбежно к конфликту с законом.

Наше государство заинтересовано прежде всего в том, чтобы не допустить преступлений, предотвратить их, сохранить для общества каждого человека. Поэтому главным в борьбе с правонарушениями среди несовершеннолетних является воспитательная, предупредительная работа. Она будет эффективной при условии комплексного подхода к ней, объединения усилий семьи, школы, всех общественных организаций, трудовых коллективов, органов внутренних дел, прокуратуры и судов.

жених напрокат

ИЗ ЗАЛА СУДА

Официантка обходила вагоны, предлагая пассажирам снесь и напитки. В одном из купе дверь открыл молодой человек приятной наружности, одетый «по фирме»: джинсы, батник, мокасины. Встретившись взглядом с юной работницей сферы обслуживания, он расплылся в очаровательной улыбке.

— Проходите,— пригласил приветливо,— присаживайтесь.

Пассажир купил бутылку шампанского, сигареты, бутерброд, небрежно отказался от сдачи.

Познакомились, Сергей Иванович пообещал Людмиле вскоре навестись в вагон-ресторан. Ждать себя не заставил. В ресторане засиделся допоздна. Угощал шампанским соседей по столику, шутил с официантками. А после закрытия предприятия путевого общепита, прихватив пару бутылок, пригласил Людмилу и ее подруг к себе в купе.

— Нам не помешают,— предупредил он их слабые возражения о том, что «неудобно»,— я оплатил оба места.

А если учесть, что места эти были в спальном вагоне, проезд в котором, как известно, стоит недешево, станет понятным, насколько солидными выглядели финансовые и другие возможности Сергея. Да и как же иначе мог путешествовать одинокий водитель международного агентства «Совтрансавто» Сушинский (так он представился), который исколесил всю Европу.

Людмила была польщена повышенным вниманием со стороны такого человека. Его акции возросли еще больше после того, как он продал ей по очень скромной цене кольцо с драгоценным камнем, а потом и подарил золотые перстень и цепочку. У Людмилы был день рождения, и в организации его празднования Сергей принял самое активное участие.

Но не всегда Сергей Иванович был весел и беззаботен, нередко тень печали опускалась на его младое чело — он грустил о прошлом. Тогда и без того повлажневшие от коньяка и шампанского глаза влажились еще больше, Сушинский вынимал из бумажника фотографии жены и сына — и следовали скупые, но ужасающие подробности того, как в результате автомобильной катастрофы он лишился семьи.

В общем, предложение руки и сердца прозвучало на третий день знакомства. Но для Людмилы оно не было неожиданным. Ведь кроме всего прочего Сергей ради нее отбыл из Москвы в обратный рейс. В родном городе Людмила познакомила новоявленного жениха с

мамой и приняла меры для ускорения развода с мужем, который ее не понимал и не ценил столь высоко, как Сергей Иванович. Свадьбу решили сыграть после того, как жених вернется из очередного заграничного рейса. А пока он вторично отбывал в Москву с Людмилой и не отходил от нее ни на шаг. Мама, в целом одобрявшая выбор 20-летней дочери, провожала молодых на перроне.

Когда подъезжали к Москве, Сушинский сообщил, что сможет через своих многочисленных знакомых приобрести, что кому надо. Заказы и деньги от работников вагона-ресторана посыпались, как из рога изобилия. Кроме того, Сергей предложил свои услуги в реализации кое-чего из носильных вещей невесты.

В городе Сергей в сопровождении Людмилы и ее подруги следовали в такси. Подъехали к какому-то дому.

— Подождите в машине, я забегу на минутку к приятелю, — сказал Сергей.

Ждали десять, двадцать, сорок минут — тщетно. Сушинский исчез. С собой он унес 1020 рублей.

Из материалов уголовного дела по обвинению С. И. Воробьева видно, что он, освободившись из мест лишения свободы, не трудоустроился и с июля 1980 года по ноябрь 1981 года совершил ряд преступлений. Он похищал личное имущество граждан, или завладевал им путем мошенничества. Разъезжая по территории СССР, заводил знакомства с молодыми людьми, в основном, женщинами, сообщал о себе ложные сведения: будто бы он обладает обширными связями и возможностями. Воробьев брал деньги и ценности у потерпевших «взаимы» — под предлогом устройства своих будущих семейных дел или для покупки дефицитных товаров. Совершил несколько краж из квартир.

Воробьев признал себя виновным в семнадцати преступных эпизодах. Установлено, что он похитил или выманил у граждан свыше восьми тысяч рублей.

Собственники некоторых вещей, украденных Воробьевым и найденных в ходе следствия, так и не объявились. Не заявляли они в милицию о «пропажах», видимо, боясь скомпрометировать себя связью с аферистом. И в этом попустительстве, боязни предстать перед людьми в неприглядном свете — одна из причин того, что преступник действовал довольно долго, не пытаясь даже искать новые способы войти в доверие. Чувствуя безнаказанность, он наглел все больше. Задержан Воробьев был тогда, когда «сватался» к девушке с предприятия, на котором работала одна из бывших «невест», вручившая жениху более тысячи рублей. Мать обманутой и заявила на преступника органам следствия.

Расследованием деяний Воробьева занималась оперативная группа, которой руководил заместитель начальника Донбасского управления внутренних дел на транспорте полковник милиции Д. Д. Хвостов. Чтобы допросить потерпевших и свидетелей, сотрудникам уголовного розыска пришлось немало поездить, связаться с коллегами из мест, помеченных на карте «гастролей» прыткого «жениха».

Что же это за личность такая, обладающая таинственным магнетизмом и способностью очаровывать, внушать доверие?

Воробьеву 33 года. Когда его ввели под конвоем в зал суда, он был поникший. Но на людях быстро приободрился. А вскоре начал даже обмениваться игривыми взглядами с молодыми и привлекательными женщинами из... потерпевших. Некоторые улыбались в ответ, правда, несколько смущенно, опуская глаза. Порой даже не

верилось, что этот молчаливый диалог ведется через барьер, отделяющий скамью подсудимых от зала суда.

Среди тех, кто поддался любовным чарам — женщины с несложившейся личной судьбой, разведенные или не ладящие с мужьями, или такие, что отчаялись найти достойного спутника жизни. Сам Воробьев в ходе следствия признался, что делил своих жертв на две группы: тех, кому нужны были положение и возможности ловкого и преуспевающего водителя «Совтрансавто», и тех, кому нужен был он сам, такой добрый, имеющий все, но несчастный из-за трагической гибели жены и ребенка. Быстро сориентировавшись, он и играл одну из двух выбранных ролей с небольшими вариациями. Кстати, обкрадывал и вымогал деньги он у женщин из обеих групп.

Не гнушался Воробьев и мелкими кражами, грошовым мошенничеством (у одного знакомого он занял «десятку» и взял «для продажи» рубашку стоимостью 15 рублей).

С разрешения суда беседую с подсудимым. Стараюсь выяснить: насколько серьезными были его попытки устроиться на работу, стремление начать честную жизнь после выхода на свободу (впервые Воробьев был судим в 1967 году за попытку изнасилования, вторично — в 1977 году — к трем годам лишения свободы за мошенничество).

— Ну, что, вышел, прописался к родителям, походил-походил: там водители не нужны, здесь не нужны. Пришлось обращаться в бюро по трудоустройству, меня направили на Московский железнодорожный вокзал. Там предложили: носильщиком или в камеру хранения. Ну не стану же я с жетоном по вокзалу бегать или чемоданы за стойкой принимать. Я оставил все и уехал...

— За год с лишним вы ни дня не работали. На что же рассчитывали?

— Я устраивался на рынке грузчиком, немного денег у меня было. И потом — столько девушек и женщин вокруг.

Последнюю фразу Воробьев произносит с шутилой небрежностью, начиная рисоваться. Впрочем, он быстро спохватывается и снова надевает маску жертвы обстоятельств. А между тем как раз обстоятельства были благоприятными для Воробьева. Его освободили условно-досрочно почти на год раньше определенного судом срока лишения свободы, дали возможность прописаться и жить в крупном городе, предложили работу. Да, видите ли, она ему пришлась не по вкусу. Еще и обиделся, недооценили. Забыл, что не из ответственной командировки он приехал, не мог похвалиться рыцарским поведением и благородством помыслов в прошлом. Проявить себя, доказать, что с прошлым покончено, можно на любой работе, становиться же в позу и разжигать болезненное самолюбие — проще всего. И разве для жены, которая согласилась попытаться возобновить с Воробьевым совместную жизнь, пожилых родителей, которым надоело погашать долги и краснеть за непутевого сына, честный труд его на любом месте не был бы радостью и избавлением от тяжести, бесчестия?!

Нет, не об этом думал Воробьев, оставляя дом и родной город и разъезжая по стране в поисках легковых. Даже на скамье подсудимых не было заметно в его словах и взглядах и следа раскаяния. Во всем он упорно винил кого и что угодно — окружающих, черствость должностных лиц, обстоятельства — только не себя.

Себя он крайне уважает и ценит, без тени скромности рассуждает о своих возможностях и талантах, наделяет себя правом су-

дить и наказывать, решать чьи-то судьбы. Многие из тех, кто встретился на его извилистом пути в период походов, вспоминают, как он любил, чтоб его величали с подчеркнутой уважительностью — Сергеем Ивановичем. Читать себе мораль не позволял. Вот как Воробьев рассказывает о встрече с другом детства.

— Пришел я к нему в гости, сидим — выпиваем. И тут Саша начал: «Вместе росли, а ты отсидел, и теперь тебя милиция разыскивает». Мне обидно стало: на мои деньги пьет и мне же мбей жизнью тыкает. Когда он уснул, я взял с вешалки два пальто, а из серванта — наборы мельхиоровых ложек. Пальто продал таксисту, не выходя из машины, а наборы ложек — у прилавка комиссионного.

За той кражей последовало мошенничество. Воробьев предложил достать джинсы командировочному из Якутии, с которым познакомился в ресторане. Привез его в поликлинику (здесь, мол, у знакомого все приготовлено), взял 800 рублей, попросил подождать — и ушел через служебный ход.

— Ясно, что десять пар джинсов — не для себя ему понадобились, — оправдывается Воробьев и намекает, что он наказал якобы потенциального спекулянта.

Получается — не мошенник, а Робин Гуд какой-то. Только благородный разбойник из английской народной легенды делился тем, что отбирал у богатых, с бедняками, а этот все тратил на себя. А виноваты, по Воробьеву, большинство обманутых были в том, что просто «хлопали ушами».

Как уж говорилось, действовал Воробьев, в основном, в поездках и на теплоходах. Мерный стук колес, речной простор и шелест волн настраивают на беззаботное времяпрепровождение, вынужденная праздность располагает к знакомству. Воробьев оставлял средства дальнего и неспешного передвижения лишь тогда, когда кто-то готов был его приютить, не спрашивая документов. Из протоколов допросов, показаний в зале суда вырисовываются подробности скоротечных завязок и однозначных финалов. Случалось, в одном городе (в Перми, например) у авантюриста было три женщины, с которыми он находился в близких отношениях. С дороги останавливался у одной, потом переходил к другой, а на вокзале провожала третья. «Жених» замечал: где и что плохо лежит. Не стеснясь, прибирал к рукам.

Прожив три недели у Надежды Г. в Макеевке, Сергей стал собираться, как обычно, в Москву для «подготовки к рейсу», на этот раз в ФРГ.

— Ты знаешь, нужны деньги, — сказал он любящей женщине, слегка смущаясь. — Купить международные талоны на бензин, еще кое-что, да и с собой взять.

— Сколько, Сережа?

— Да немного, рублей шестьсот.

У Надежды оказалось лишь триста шестьдесят, но вместо недостающей суммы она отдала любимому три золотых кольца, цепочку, золотую пластину для изготовления зубных протезов — всего на сумму около тысячи рублей. Уже через три дня Воробьев подарил два кольца следующей «невесте».

Выясняя обстоятельства дела, судья поинтересовался: на какой день подсудимый делал предложение.

— В разные сроки, — последовал уклончивый ответ.

— Ну, а в случае с К.? Когда она убедилась, что вы намерены жениться на ней?

— К 8.30 утра, к прибытию в Москву,— усмехнулся Воробьев (познакомились они вечером накануне).

Да, над некоторыми из потерпевших подсудимый явно и презрительно посмеивался. Больше всего над теми, кто стал жертвой не только его ловких хитросплетений, но и собственной жизненной позиции.

Уже после суда ко мне в редакционный кабинет пришла пожилая женщина.

— Вы были в суде и хотите писать об этом деле,— начала посетительница без предисловий.— Пожалуйста, не указывайте имя дочери,— продолжала она срывающимся от еле сдерживаемых рыданий голосом.

Я вспомнил Нину, за которую хлопотала сейчас мать. Из дела знал, что ей 21 год, в зале суда она отнюдь не выглядела огорченной.

— Но ведь ваша дочь взрослый человек, почему же за нее ходатайствуете вы?

— Взрослый-то взрослый, ребенок уже есть, да ветер еще в голове,— сетовала мать.— Вся эта история не столько по ней, сколько по мне ударила. Сергей-то денег у подруг Нины понабирал на разные покупки, так мне, чтобы избежать скандала, пришлось все шестьсот рублей вернуть... А парень этот сразу показался мне подозрительным, но Ниночка так легковерна. Она ведь такая интересная — и знает об этом, стремится произвести впечатление.

Не в стойком ли инфантилизме молодой женщины, убеждении в собственной неотразимости, которые создались не без влияния родителей, причина столь скорой победы мошенника? Кстати, и из этой истории сама Нина не вышла пострадавшей и выводов не сделала. Долги погасила мама, она же сделала все, чтобы избавить дочь от лишних неприятностей. Взрослая дочь лишь испытала некоторую неловкость перед подругами, выступив в роли незадачливой невесты.

Люди, подобные Воробьеву, встречаются еще среди нас, пытаются жить за счет излишней доверчивости, легкомыслия, а иногда и корыстолюбия других. И описали мы все так подробно не столько для того, чтобы подобные Воробьеву знали: финал в зале суда неизбежен, сколько для того, чтобы предостеречь легковерных от всемогущих «благодетелей», умеющих достать все, что надо.

Народный суд приговорил С. И. Воробьева к семи с половиной годам лишения свободы с отбытием наказания в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

г. ДОНЕЦК

С. КУЗИН,
сотрудник газеты
«Вечерний Донецк»

ТРИ КНИГИ О „БЛЮСТИТЕЛЯХ“ ИХ ПОРЯДКА

В издательстве «Юридическая литература» вышли три книги, в которых разоблачаются человеконенавистнические принципы эксплуататорских формаций и вскрываются связи политики и преступности в капиталистических странах. У книги писателя из ГДР Герхарда Файкса — интригующее название: «Большое ухо Парижа»*. Так метко именуют французы столичную полицию. Работа Г. Файкса охватывает внушительный исторический период — с XVII века и до 60-х годов нашего столетия. Богатый достоверными фактами рассказ о характерных для определенного времени преступлениях, политических скандалах, о том, как формировалась единая, всеобщая система безопасности во Франции, как совершенствовались методы работы полиции, увлекает сам по себе. Перед читателем пройдет галерея лиц, деятельность которых наложила отпечаток на сегодняшний облик Сюрте Насьональ — Генеральной дирекции национальной безопасности, в 1966 году преобразованной в Генеральную дирекцию национальной полиции. Это и каторжник Видок, впоследствии ставший первым шефом уголовной полиции; и Фуше, наполеоновский министр полиции, политический авантю-

рист, опутавший всю страну густой сетью шпигов и агентов; это и Бертильон, вначале неприметный писарь в парижской префектуре, создавший научно обоснованную систему идентификации личности. Кстати сказать, полезное начинание Бертильона долгое время оставалось непризнанным из-за консервативности высших полицейских чиновников Франции. Впрочем, как свидетельствуют факты, полицию больше интересовало не столько пресечение преступности, сколько выявление и подавление инакомыслия. Так, в 1848 году полицейские агенты не только проникали в революционные клубы и организации, но «действовали» даже на баррикадах, расшатывая изнутри и ослабляя рабочее движение. Именно поэтому полиция зачастую спустя рукава вела расследования уголовных преступлений, как, например, это было с лионским убийцей слуганок («Убийца слуганок из Лиона», «Ему не нужен фонарь»). Преступник обладал бросающейся в глаза внешностью благодаря шраму на лице и убогой фантазией: в течение шести лет (с 1855 по 1861) действовал по одному шаблону. Он предлагал девушке доходное место в окрестностях Монтлюэля, вызывался ее сопровождать, затем грабил и

* Файкс Герхард. Большое ухо Парижа. Французская полиция: история и современность. М., «Юридическая литература», 1961.

убивал. Причем дом его находился неподалеку от места совершения убийств.

Не только чрезмерное усердие в области политического сыска идет в ущерб исполнению прямых обязанностей сотрудников полиции — соблюдению законности. Кровно заинтересованная в служении финансовым и политическим законам, Сюртэ строила свою «правоохранительную» деятельность, ориентируясь на сильных мира сего. Характерен эпизод из практики французской полиции второй половины нашего века, о котором повествует очерк «Балет в розовом тюле». Полиции стало известно о существовании притона, «законспирированного» под балетную студию. В ней якобы обучались девочки из разных слоев общества в возрасте от 12 до 18 лет. Открылись обстоятельства, о которых полиция ранее не подозревала: финансировались эти «балетные представления» целым рядом богатых и влиятельных лиц общества. И следствие сразу зашло в тупик. «В конце концов, это ведь вовсе не пустяк — взять, да и выступить против людей, которые одного подоходного налога платят в сумме большей, чем годовой бюджет всей юстиции!» — с иронией восклицает автор. Замять дело не представлялось возможным — оно получило слишком широкую огласку. И тогда «беспристрастные» служители правосудия стали прилагать все усилия, чтобы, с одной стороны, усыпить взбудораженное общественное мнение, а с другой — отвести от себя немилость власти имущих. В итоге этих стараний сластолюбивые бизнесмены превратились в без-

винных мещанов, которых якобы бессовестно обманывали и обирали. А виноватыми во всем оказались «юные балерины», особенно из беднейших семей.

Подобный поворот событий отнюдь не случаен и вряд ли вызовет удивление у каждого трезвомыслящего человека: в странах капитала неписанный закон денег сильнее любого законодательного акта. Очевидную направленность деятельности буржуазных правоохранительных органов можно назвать одним из верных симптомов разложения капиталистического общества. Те, против кого по долгу службы обязанности бороться представители законности, берутся под защиту — это и пронирыливые толстосумы, получающие огромные доходы от сомнительного рода операций, и высокопоставленные особы с преступным прошлым и настоящим, и гангстеры.

Разумеется, Франция в этом отношении не представляет исключения среди других капиталистических стран. В книге известного немецкого писателя Гюнтера, Продля «Преступление без наказания» * анализируются истории из уголовной практики Западного Берлина, ФРГ и Великобритании, имевшие место в семидесятих годах нашего века. В остросюжетных очерках Г. Продль сумел выявить те общие черты, которые характерны для органов юстиции так называемого «свободного мира».

На благодатной почве свободного предпринимательства появилась и окрепла фигура Ганса Генриха Хельмке, пруспевающего представителя «индустрии запрещенных

* Продль Гюнтер. Преступление без наказания. Буржуазная юстиция на службе бизнеса. М., «Юридическая литература», 1981.

азартных игр, продажной любви и торговли наркотиками...» («Крах западноберлинского гангстера Хельмке»). Жизнь и карьера его оборвались не потому, что над ним был занесен карающий меч Фемиды. Богиня правосудия была к нему благосклонна — и не мудрено: ведь в числе постоянных клиентов заведений Хельмке было немало сотрудников правоохранительных органов. Он был убит конкурентами, что вполне закономерно для общества с главенствующей хищнической моралью. Закономерно и то, что тугие кошельки истинных убийц сделали их неуязвимыми для законов Западного Берлина.

Особенно рельефно воспроизведен облик защитников буржуазной законности в очерке «Преступление без наказания». На какие только ухищрения и уловки не шел адвокат, нанятый для того, чтобы выгородить сына магната сталелитейной и сталепрокатной промышленности Кристиана Ретцеля. Подтасовка фактов, шантаж свидетелей, подкуп ученых-экспертов — все пустил в ход предприимчивый адвокат, и старания его, само собой разумеется, увенчались успехом. С этим пашумевшим в прессе делом связан прокурор Шойтен, который прославился своей «твердостью» и «непримиримостью». Кто же он, прокурор Шойтен? Может быть, это один из немногих в буржуазном государстве честных и бескорыстных представителей законности? Отнюдь нет. Следующий очерк «Прокурор и святой Дмитрий» приоткрывает тайные мотивы, которыми он руководствовался в своей профессиональной деятельности. Будучи первым прокурором крефельдского земельного суда, основным обвинителем при рас-

смотрении тяжких уголовных дел, а также председателем особого политического суда, он одновременно состоял в международной гангстерской банде, занимающейся похищением и сбытом произведений искусства. Как квалифицированный специалист, Шойтен консультировал своих сообщников по юридическим вопросам. И вот преступник-прокурор за решеткой. Казалось бы, справедливость восторжествовала, но... прожженный босс гангстеров, «который держал в своих руках нити связи с преступным миром, тринадцать лет государственной службы использовал единственно для того, чтобы ограждать банду преступников от полиции, покрывать ограбления на миллионы марок и вуалировать убийства», был приговорен к смехотворному наказанию: неполным трем годам тюремного заключения, умело вывернувшись во время процесса не без помощи коллег-юристов. Оптимистично настроенный, Шойтен говорил репортеру после оглашения приговора, что в будущем он собирается использовать по возможности свои юридические знания. Что ж, очевидно, для подобного оптимизма у него были все основания.

Используя невероятные на первый взгляд, но достоверные факты, Г. Продль вскрывает внутренний механизм мирного сосуществования преступников и служителей правосудия в капиталистическом государстве, демонстрируя, так сказать, родство их душ. Недаром главарь банды громил Йостен, некогда приговоренный прокурором Шойтеном к пожизненному заключению, выслушав в тюремной камере исповедь прокурора, невольно причислил его к своим соратникам.

Тот факт, что преступники и «блюстители» порядка в буржуазных странах зачастую действуют в трогательном единстве, оспаривать уже не приходится. Подобное единение приводит к тому, что в раскрытии преступления не заинтересована ни та, ни другая сторона. Это обстоятельство и определяет сюжет книги шведского специалиста-криминолога Лейфа Перссона «Праздник на Майорке»*.

...Совершенно ограбление кассы. Через некоторое время одно за другим происходят два убийства. Полиции удалось установить личность преступника. Им оказался сотрудник службы безопасности Хедберг. Были достоверные улики, были показания свидетелей, но преступление все же осталось нераскрытым, и дело производством было прекращено. Объяснялся же этот внешне парадоксальный факт просто: с происшедшим был связан министр юстиции. Министр, или Достопочтенный Гарри, как за глаза называли его подчиненные, разумеется, огласки не желал. И все снова потекло своим чередом. Достопочтенный Гарри (прозвище, кстати сказать, он получил из-за своего внешнего сходства с известным в полицейских кругах мошенником), как и прежде, будет упиваться «красивой жизнью» и увеличивать за счет детских садов бюджетные расходы на укрепление полицейского аппарата, особенно службы внутренней безопасности. Можно ручаться и за дальнейшую карьеру Хедберга. А вот полицейскому Ларсу Йоханссону, проявившему при расследовании особое упорство

и настойчивость, к тому же при выборах в парламент отдавшему свой голос за коммунистов, пришлось уйти из полиции.

История, рассказанная Л. Перссоном, — художественный вымысел автора. Но сколько жизненной правды в словах одного из персонажей книги, который, словно подводя итог всему случившемуся, говорит: «Если бы у нас в стране была более разумная политическая и экономическая структура, таких, как Хедберг, просто не существовало бы». Не существовало бы и той поистине неразрешимой задачи, которая стоит сейчас перед полицией буржуазных стран, — бороться с пороками, порожденными самой системой капитализма. Будь то Великобритания или Франция, ФРГ или Швеция — в них действуют единые жестокие законы капитала вне зависимости от различий в конституциях и уголовных кодексах. Справедливо отмечает во вступительной статье к книге Г. Продля заслуженный деятель науки РСФСР, доктор юридических наук, профессор И. Карпец: «Капитализм и его человеконенавистнические принципы границ не знают, как не знают государственных границ жажда наживы, стремление к накопительству, пренебрежение к людям, находящимся на низших ступенях общественной лестницы, к их жизни, как не знает границ «круговая порука» эксплуататоров, оправдывающих любые преступления, совершаемые их коллегами, вплоть до подстрекательства к мировым войнам».

Ю. ВАЖЕНИН

* Перссон Лейф Г. В. «Праздник» на Майорке. М., «Юридическая литература», 1982.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

**В издательстве
«Юридическая литература»
вышли в свет новые
книги.**

**Советская прокуратура.
Цена 3 руб. 60 коп.**

В книге, иллюстрированной фотографиями, рассказывается о становлении, развитии и деятельности прокуратуры за 60 лет ее существования. Воспоминания ветеранов, документы и очерки повествуют о выполнении органами прокуратуры возложенных на них обязанностей по укреплению правопорядка и социалистической законности. В книге показывается профессиональное мастерство следователей и прокуроров, применение ими научно-технических средств при раскрытии преступлений, описываются различные судебные процессы.

Для широкого круга читателей.

**ПОЛЬСКОЙ Г. Н.
Рыцари фальшивых банкнот.
Цена 30 коп.**

Книга посвящена различным вопросам, касающимся фальшивомонетничества на Западе, его истории с древнейших времен до наших дней. Перед читателями проходит галерея людей, на которых общество чистогана оказывает разлагающее влияние, безжалостно уродуя их и превращая в преступников.

Автор рассказывает о случаях тайных диверсий одних буржуазных государств против других с помощью массового изготовления фальшивых денежных знаков, а также о нескольких предпринятых реакционными силами Запада попытках подорвать экономику первого в мире социалистического государства путем изготовления фальшивых денег.

Для широкого круга читателей.

**СЕРИЯ
«СОВЕТСКИЙ ЗАКОН И Я»**

ТЕР-АКОПОВ А. А.

**Добровольный отказ
от совершения преступления.
Цена 15 коп.**

В книге рассматривается одно из обстоятельств, исключающих уголовную ответственность за совершенные действия. Автор отвечает на вопросы, при каких условиях отказ от совершения преступления считается добровольным, в каких случаях виновный, несмотря на добровольный отказ, все же несет уголовную ответственность, как отличить добровольный отказ от сходных ситуаций, когда преступник совершает действия, устраняющие причиненный вред.

Для широкого круга читателей.

**СЕРИЯ
«БИБЛИОТЕЧКА НАРОДНОГО
СУДЬИ»**

**ЕМЕЛЬЯНОВА В. Г.,
ЗАСЛАВСКАЯ Л. А.**

**Судебное
рассмотрение дел
о нарушении
законодательства об охране
животного мира.
Цена 25 коп.**

В работе авторы рассматривают общие вопросы уголовной ответственности за нарушения законодательства об охране животных, касаются материальной ответственности за ущерб, причиненный нарушениями этого законодательства, излагается порядок рассмотрения жалоб на постановления о наложении штрафов за указанные правонарушения. Анализируется судебная практика по делам этой категории.

Для судебных и прокурорских работников, должностных лиц органов рыбоохраны и охотнадзора.

Расширение правового сотрудничества СССР и ЧССР

В Москве состоялось подписание нового советско-чехословацкого Договора о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. От имени Президиума Верховного Совета СССР Договор подписал министр юстиции СССР В. И. Теребилов, от имени Президента Чехословацкой Социалистической Республики — посол ЧССР в СССР Ч. Ловетинский.

Договор отражает и закрепляет достигнутый братскими социалистическими странами новый более высокий уровень в развитии правового сотрудничества государственных органов и правовых отношений между гражданами обоих государств. Он призван заменить ранее заключенный Договор между СССР и ЧССР об оказании правовой помощи от 31 августа 1957 года и, основываясь на принципах социалистического интернационализма, воплощенных в Договоре между СССР и Чехословацкой Социалистической Республикой о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 6 мая 1970 года, существенно расширяет рамки сотрудничества между обоими государствами в области правовых отношений.

В соответствии с Договором граждане СССР и ЧССР имеют право свободно и беспрепятственно обращаться в суды и другие учреждения этих государств, к компетенции которых относятся гражданские, трудовые, семейные и уголовные дела. При этом гражданам одной договаривающейся стороны на территории другой договаривающейся стороны предоставляются освобождение от судебных и нотариальных пошлин и издержек, а также бесплатная юридическая помощь на тех же условиях, как и собственным гражданам. Расширены льготы и гарантии, предоставляемые гражданам одного государства при вызове компетентными органами другого государства для опроса в качестве свидетелей и экспертов.

Новыми являются статьи, регулирующие вопросы дееспособности и правоспособности граждан и юридических лиц, личные и имущественные правоотношения супругов, родителей и детей, порядок заключения и расторжения смешанных браков, разрешения других споров, возникающих при осуществлении права собственности и заключении сделок в отношении движимого и недвижимого имущества, определения обязательств, вытекающих из причинения вреда, и другие.

Расширены рамки взаимодействия и сотрудничества органов юстиции и иных учреждений обоих государств в целях удовлетворения законных требований и интересов граждан одного государства на территории другого.

Более подробно урегулированы вопросы взаимного признания и исполнения судебных решений обоих государств, а также вопросы оказания правовой помощи по уголовным делам и выдачи преступников.

Новый Договор служит убедительным свидетельством расширения и укрепления сотрудничества между СССР и ЧССР в области правовых отношений на основе равенства, взаимного доверия, уважения государственного суверенитета и независимости.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Льготы животноводам

В Продовольственной программе СССР, одобренной майским (1982 года) Пленумом ЦК КПСС, одно из центральных мест отведено увеличению производства продуктов животноводства. В ней определены высокие задания по производству мяса, яиц, молока и молочных продуктов.

Выполнение этих заданий должно опираться на последовательно осуществляемые меры, обеспечивающие рост и сохранность поголовья, повсеместный переход к интенсивным методам животноводства и значительное повышение продуктивности всех видов скота и птицы. Многие здесь зависят от ускорения строительства новых и реконструкции действующих животноводческих ферм, перевода животноводства на промышленную основу.

Решающая роль в увеличении производства мяса, яиц, молока и молочных продуктов

принадлежит животноводам. Успешное выполнение поставленных задач зависит прежде всего от того, как обеспечены хозяйства кадрами животноводов, от уровня их квалификации.

Напомним, что в 1968 году для рабочих были установлены звания «Мастер животноводства» первого и второго классов с выплатой надбавки к заработной плате в размере, соответственно, 20 и 10 процентов. Это обеспечило заинтересованность животноводов в повышении квалификации и, следовательно, способствовало росту производительности их труда. Майский (1982 года) Пленум ЦК партии утвердил постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О дополнительных мерах по закреплению в колхозах, совхозах и других сельскохозяйственных предприятиях работников, занятых в жи-

вотноводстве». Этим постановлением для животноводов установлена надбавка к заработной плате за непрерывный стаж работы в данном хозяйстве.

Ранее такая надбавка была введена для трактористов-машинистов, что в значительной

мере способствовало закреплению их на работе в сельскохозяйственных предприятиях. Теперь порядок и условия выплаты надбавки за стаж работы, предусмотренные для трактористов-машинистов, распространены на работников животноводства. Удобнее всего показать это в виде таблицы.

**Надбавка за стаж работы
в процентах от суммы годового заработка**

Проработавшим непрерывно в данном хозяйстве	В районах Сибири, Даль- него Востока, целинных районах Казахстана, Урала и Поволжья	В других районах
От 2 до 5 лет	12	8
От 5 до 10 лет	15	10
От 10 до 15 лет	20	13
Свыше 15 лет	25	16

Надбавка начисляется по истечении третьего года работы от суммы заработка в этом (третьем) году.

Как показала практика, сама по себе надбавка к зарплате, без улучшения условий труда, культурно-бытового обслуживания, обеспечения рабочих и членов их семей жильем, детскими учреждениями не дает значительного эффекта. Поэтому нужно, чтобы в каждом хозяйстве были разработаны и осуществлялись все эти меры, необходимые для интенсивного развития животноводства и всего сельскохозяйственного производства.

В стаж, дающий право на получение надбавки, будет засчитываться все время предыдущей работы (до 1 января 1983 года) в качестве животновода, независимо от того, были ли перерывы в этой ра-

боте. В дальнейшем (с 1 января 1983 года) перерыв в работе в качестве животновода прерывает стаж, дающий право на получение надбавки. (Подробнее порядок учета стажа для получения надбавки определяется отдельным положением).

Кроме надбавки к заработной плате указанным постановлением на работников животноводства распространен и установленный для трактористов-машинистов порядок предоставления дополнительных оплачиваемых отпусков.

Это — два вида отпусков. В 1965 году был установлен дополнительный отпуск в связи с особыми условиями труда трактористов-машинистов. Его продолжительность — 6 дней.

В 1971 году для трактористов-машинистов введен также дополнительный ежегодный

оплачиваемый отпуск в зависимости от стажа непрерывной работы в данном хозяйстве в следующих размерах: в местностях Севера Европейской части страны, Сибири, Дальнего Востока, целинных районах Казахстана, Урала и Поволжья при непрерывном стаже свыше 3 лет — по 2 рабочих дня за каждый последующий год, но не более 6 рабочих дней, в остальных районах при непрерывном стаже свыше 3 лет — по 1 рабочему дню за каждый последующий год, но не более 6 рабочих дней. Теперь такие отпуска будут предоставляться и животноводам. При этом суммироваться они будут к 12 дням. Таким образом, общая продолжительность отпуска животновода может достигнуть 24 дней.

В стаж, дающий право на дополнительный отпуск за непрерывный стаж работы для животноводов, засчитывается период работы, начиная с 1 января 1981 года.

Введение указанных надбавок к заработной плате за непрерывный стаж работы и дополнительных отпусков для животноводов будет осуществляться: в районах Сибири, Дальнего Востока, Урала, Нечерноземной зоны РСФСР и в Центрально-Черноземном районе РСФСР с 1 января 1983 года; в других районах РСФСР, в Украинской ССР, Белорусской ССР, Казахской ССР, Литовской ССР, Молдавской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР с 1 января 1984 года; в остальных районах страны — с 1 января 1985 года.

Колхозам рекомендовано применять те же меры (предусмотренные указанным постановлением ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС) по закреплению кадров в животноводстве.

В. ЧУПЕЕВ,
начальник сектора отдела
сельского хозяйства
Госкомтруда СССР

ЧИТАТЕЛЬ

НА ПРИЕМЕ У ЮРИСТА

О СТАЖЕ РАБОТЫ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ И СПЕЦИАЛИСТОВ КОЛХОЗОВ

В. Шапарь из Камчатской области пишет: «Я работал с 1964 по 1977 год заместителем председателя, а затем председателем колхоза. В 1978 году был переведен в райком партии на должность инструктора. Будет ли зачтено время моей работы в колхозе в трудовой стаж, необходимый для назначения государственной пенсии? Прошу, кроме того, ответить, засчитают ли в такой же стаж период работы в колхозе моего знакомого — агронома, выдвинутого в районное управление сельского хозяйства на должность главного специалиста».

Аналогичные вопросы интересуют и многих других читателей журнала. Поэтому редакция попросила ответить на них начальника отдела управления пенсий и пособий Министерства социального обеспечения РСФСР Г. С. Шедерову.

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 20 июля 1964 года № 622 «О государственном пенсионном обеспечении и социальном страховании председателей, специалистов и механизаторов колхозов» (СП СССР, 1964, № 13, ст. 89) указанным лицам назначаются пенсии по нормам и в порядке, предусмотренном для рабочих и служащих. В их трудовой стаж засчитывается все время работы в колхозе. Однако следует иметь в виду, что это постановление распространяется на тех, кто к моменту обращения за пенсией является членом колхоза. При выбытии из колхоза (независимо от причин) право на государственную пенсию за председателями, специалистами и механизаторами колхозов не сохраняется. Исключение из этого правила сделано постановлением Совета Министров СССР от 19 января 1982 года № 40 (СП СССР, 1982, № 7, ст. 37) для председателей, заместителей председателей и специалистов колхозов в тех случаях, когда они избираются на освобожденную выборную работу в партийные, советские, профсоюзные и комсомольские органы, либо направляются на иную ответственную работу в эти органы или в государственные сельскохозяйственные предприятия и организации. Им время работы в колхозе засчитывается как в общий, так и в непрерывный трудовой стаж, дающий право на пенсии и пособия по социальному страхованию, установленные для рабочих и служащих.

Под ответственной работой в партийных, советских, профсоюзных, комсомольских органах и в государственных сельскохозяйственных предприятиях и организациях имеется в виду работа на руководящих и инструкторских (инспекторских) должностях, а также работа в качестве специалистов. В частности, действие постановления от 19 января 1982 года распространяется на специалистов колхозов, переведенных в управление сельского хозяйства исполкома районного Совета как на должность начальника (его заместителя), так и на должности специалистов.

К числу колхозных специалистов относятся лица, имеющие высшее или среднее специальное образование и работающие по специальности в колхозном производстве (например, агрономы, ветеринарные врачи и фельдшеры, зоотехники, инженеры, плановики, экономисты).

Перевод председателя или специалиста колхоза на работу вне колхоза может иметь место только с согласия колхоза. Поэтому документом, подтверждающим переход на работу в партийные, советские, профсоюзные и комсомольские органы или в государственные сельскохозяйственные предприятия и организации, является решение правления или общего собрания (собрания уполномоченных) колхоза.

Таким образом, время работы автора письма В. Шапаря с 1964 по 1977 год заместителем председателя и председателем колхоза должно быть включено в трудовой стаж для назначения государственной пенсии, поскольку он был переведен в райком партии на ответственную работу — инструктором. Так же решается вопрос и в отношении колхозного агронома, выдвинутого на работу в районное управление сельского хозяйства на должность специалиста.

На вопросы читателей отвечают юристы Е. Андреев и М. Карышев.

Б. Лукин из Орловской области просит рассказать, кто может быть награжден медалью «Ветеран труда» и каков порядок представления к этой награде.

Медаль «Ветеран труда» учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 января 1974 года (Ведомости Верховного Совета СССР, 1974, № 4, ст. 76). Этой медалью награждаются рабочие, колхозники и служащие за долголетний добросовестный труд в народном хозяйстве, в области науки, культуры, народного образования, здравоохранения, в государственных учреждениях и общественных организациях при достижении пенсионного возраста и уходе на заслуженный отдых в знак признания их трудовых заслуг.

Ходатайство о награждении возбуждается администрацией предприятия, учреждения, организации, правлением колхоза, партийной, профсоюзной организацией трудового коллектива. Это делается одновременно с представлением о назначении работнику пенсии по старости. В отношении работающих пенсионеров ходатайство может быть возбуждено и до ухода на заслуженный отдых.

После обсуждения и утверждения на совместном заседании администрации (правления колхоза) и общественных организаций кандидатур, представляемых к награждению, ходатайство подписывается руководителем предприятия, учреждения, организации, секретарем партийной организации, председателем профсоюзного комитета и направляется в исполком районного, городского Совета народных депутатов.

Награждение медалью «Ветеран труда» производится от имени Президиума Верховного Совета СССР Президиумами Верховных Советов союзных и автономных республик, исполнительными комитетами краевых, областных, а также Московского и Ленинградского городских Советов народных депутатов.

Медаль и удостоверение установленной формы вручаются награжденному, как правило, в трудовом коллективе, где он работает.

А. Макаревич из Гомельской области спрашивает, кому присваивается звание «Заслуженный работник сельского хозяйства СССР».

Президиум Верховного Совета СССР — в соответствии с решениями майского (1982 года) Пленума ЦК КПСС — Указом от 31 мая 1982 года (Ведомости Верховного Совета СССР, 1982, № 23, ст. 408) утвердил Положение о почетном звании «Заслуженный работник сельского хозяйства СССР».

Это звание присваивается Президиумом Верховного Совета СССР работникам колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий, организаций и учреждений за большой вклад в развитие сельскохозяйственного производства и проработавшим в сельском хозяйстве не менее 20 лет.

Присвоение почетного звания «Заслуженный работник сельского хозяйства СССР» производится по представлению Министерства сельского хозяйства СССР, других министерств, государственных комитетов и ведомств СССР, в ведении которых находятся сельскохозяйственные предприятия, организации и учреждения.

Лицам, удостоенным этого почетного звания, вручаются грамота Президиума Верховного Совета СССР и нагрудный знак.

М. Леонова из Омской области пишет: «Я хочу заверить завещание у нотариуса, но в нашем селе нет нотариальной конторы, а добираться до районного центра, где она есть, мне тяжело. Нельзя ли заверить завещание, не выезжая в райцентр?»

В соответствии с законодательством о государственном нотариате в населенных пунктах, где нет государственных нотариальных контор, многие нотариальные действия имеют право совершать исполнительные комитеты районных, городских, поселковых, сельских Советов народных депутатов. В частности, исполкомы удостоверяют завещания, принимают меры к охране наследственного имущества, свидетельствуют верность копий документов и выписок из них, подлинность подписи на документах и так далее.

Поэтому, чтобы нотариально удостоверить завещание, вовсе нет необходимости ехать в районный центр, в нотариальную контору. Это можно сделать в исполкоме сельского Совета по месту жительства.

А. Осадчий из Алтайского края просит разъяснить, вправе ли общее собрание членов колхоза установить перечень работников, которым могут предоставляться служебные жилые помещения, и можно ли выселить из таких помещений граждан, вышедших из колхоза.

В домах, принадлежащих колхозам, включение жилых помещений в число служебных (в том числе и в домах, заселенных до введения в действие Основ жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик) и установление перечня категорий работников, которым могут предоставляться такие помещения, производится по решению общего собрания членов колхоза или собрания уполномоченных, утверждаемому исполнительным комитетом районного, городского, районного в городе Совета народных депутатов.

Граждане, исключенные из членов колхоза или вышедшие из него по собственному желанию, подлежат выселению из служебного жилого помещения со всеми проживающими с ними лицами без предоставления другого жилья.

Выселение производится в судебном порядке. При этом некоторые категории граждан (перечисленные в статье 40 Основ жилищного законодательства) не могут быть выселены без предоставления другого жилого помещения. Это, например, инвалиды войны и другие инвалиды из числа военнослужащих, ставшие инвалидами вследствие ранения, контузии или увечья, полученных при защите СССР или при исполнении иных обязанностей военной службы, либо вследствие заболевания, связанного с пребыванием на фронте; семьи военнослужащих; пенсионеры по старости; инвалиды труда I и II групп.

Изложенные нормы предусмотрены Основами жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик, введенными в действие с 1 января 1982 года.

А. ВАСИЛЬЕВ,
кандидат юридических наук

ПРАВО НА ДОЛЖНОСТЬ

ЗАПИСКИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Осмотр места происшествия не занял много времени. Мы увидели недостроенное одноэтажное кирпичное здание с рухнувшими панелями перекрытия, часть обвалившейся стены. Из сломанных панелей торчала арматура. Потерпевших уже увезла «Скорая помощь». Следов крови обнаружено не было. Я составил протокол осмотра, записал фамилии очевидцев. Фотограф сделал несколько снимков.

Вернувшись обратно в прокуратуру, я позвонил начальнику строительного управления, которое вело строительство, и попросил временно приостановить работы на объекте. Затем связался с экспертом и попросил его немедленно выехать на место происшествия.

Дежурный врач больницы, в которую поступили пострадавшие, сообщил, что у одного из них положение тяжелое. Он находится в бессознательном состоянии. Первоначальный диагноз: сотрясение мозга, сильный ушиб правого бока, переломы ребер. Разговор с ним невозможен. У второго — перелом ноги. Состояние удовлетворительное. С ним можно встретиться.

А началось все это с тревожного звонка в прокуратуру. Гражданин Афонин П. К. сообщил, что обвалилось здание строящегося магазина, которое находится рядом с его домом. Пострадали студенты, работавшие на этом объекте. Один, наверное, погиб. Тогда, по указанию прокурора, я вместе с сотрудниками милиции выехал на место происшествия.

Традиционный вопрос, возникающий перед следователем: с чего начинать расследование? Строительные и другие дела, связанные с авариями, требуют обязательного установления причины случившегося. Поэтому необходимо установить, почему рухнуло перекрытие. Если положили не так панели и они сорвались — это одно. Возможно, попали бракованные конструкции — тогда другое. Могут быть и иные причины. В зависимости от этого необходимо планировать и следственные действия. Можно, конечно, начать с допро-

сов очевидцев. Но они расскажут только о том, как падало перекрытие. О причине происшествия вряд ли что сообщат. На этот вопрос может ответить только эксперт. Нужно ждать его заключения.

Эксперт позвонил через два часа и сообщил: потолочные перекрытия рухнули потому, что несущая балка была не того типа, который предусмотрен проектом.

Вот так. Оказывается, все дело в балке. Теперь необходимо выяснить, кто виноват в том, что для перекрытия была использована не та балка. Следует поговорить со строителями.

Первым пришел молодой черноволосый парень, одетый в зеленую форменную куртку, на рукаве которой была эмблема студенческого строительного отряда. Он рассказал, что на объекте работали студенты педагогического института, которые раньше никогда строительством не занимались. Стройкой руководил прораб Фокин. Он и дал указание класть эту балку. Сам принимал непосредственное участие в ее укладке.

В результате аварии тяжело пострадал Кашкин Сергей, который стоял внизу. Иванов и Кранов находились на крыше. Иванов при падении сломал ногу, Кранов отделался ушибами и ссадинами.

Аналогичные показания дали и другие студенты. Я пытался выяснить, почему положили эту балку, а не ту, которая предусмотрена проектом. Никто из них ответить на этот вопрос не мог. Они лишь недоуменно пожимали плечами.

— Мы не специалисты. Что прораб нам говорил, то мы и делали,— отвечали они.

После этого я съездил в больницу. Поговорить удалось только с Ивановым. Кашкин по-прежнему находился в бессознательном состоянии. Иванов и Кранов рассказали, что кровля обрушилась, когда на нее краном подали бадью с битумом для заливки крыши.

Итак, указание класть эту балку дал прораб и сам принимал участие в ее укладке. Необходимо выяснить, почему он это сделал? Почему уложил именно эту балку, а не ту, которая предусмотрена проектом? Нужно поговорить с ним.

В это время эксперт принес акт экспертизы. В нем было указано, что замена одной балки другой является грубым нарушением СНИПа — строительных норм и правил. Эксперт также сказал, что там были и другие отступления.

— Ведение строительных работ совершенно непрофессиональное. Студенты, что с них взять! Но куда смотрел прораб — вот вопрос. Ведь он отвечает за все.

На следующий день утром мне позвонил начальник строительного управления, соорудившего этот магазин, и попросил встречи. Я предложил ему приехать. Вскоре он был у меня.

— Товарищ следователь,— начал он разговор первым,— я понимаю, что допущено нарушение СНИПа, пострадали люди. Но поймите меня правильно, это же стройка. Кругом бульдозеры, краны, экскаваторы, огромные строительные детали. И все это движется, перемещается.— Он смотрел на меня темными, глубоко посаженными глазами.— Студенты же мало что смыслят в строительстве, а все норовят сделать сами. Вот и результат. Виноват, конечно, прораб, недосмотрел. С него мы спросим в первую очередь.

— Он давно у вас работает?

— Нет, в этом году пришел. Молодой специалист.

— И вы ему сразу доверили самостоятельный объект?

— Объект? — переспросил он. — Какой это объект: четыре стены и крыша. Стоимостью менее пятнадцати тысяч. А хлопот с ним — не оберешься. Все показатели нам испортит. Кроме того, он — неплановый. Хорошее дело хотели людям сделать: построить в этом микрорайоне небольшой магазин для торговли предметами первой необходимости. Большие магазины далеко.

— Строительные нормы и правила одинаково обязательны для всех объектов — и плановых и неплановых, — сказал я.

— Это так, вы правы. Но тяжких последствий нет: сломаны несколько панелей, балка. Ребята ушиблись. Мы сами разберемся, накажем виновных. У вас, наверное, и поважнее дела есть.

— Есть дела разные, — ответил я. — Но, не разобравшись до конца, прекратить расследование я не могу. Хорошо, что перекрытие упало во время строительства. А если бы когда магазин работал? Представляете, что могло бы быть? Поэтому надо все выяснить.

— Мы уже выяснили. Виновата бригада. Перепутали балки. Ее мы и накажем. Рублем. Наше СУ работает по новым показателям. Прораба привлечем и к дисциплинарной ответственности. Так что они будут наказаны, — закончил он.

— Дисциплинарная ответственность — это одно дело, я же проверю с другой точки зрения: нет ли здесь преступления. Если это будет установлено, я обязан виновных привлечь к уголовной ответственности.

— Надо доверять коллективу.

— Вашему коллективу доверены материальные ценности на миллионы рублей. А расследованием преступлений занимается прокуратура. Эта работа доверена нам. Кстати, в том, что для перекрытия использована не та балка, виноваты не студенты, а прораб. Он дал такое указание.

Начальник СУ внимательно посмотрел на меня.

— Не может быть. Прораб — дипломированный специалист. Чтобы дать такое указание, нужно быть совершенно безграмотным строителем. Может быть, ваши данные не точны?

Я ничего не ответил. На этом наш разговор закончился.

И эксперт, и начальник СУ говорят о том, что имело место грубейшее нарушение СНиПа. Такую ошибку мог допустить только неспециалист. Что из этого следует? Либо балку положили студенты без ведома прораба, и тогда их показания не соответствуют действительности. Либо Фокин по уровню профессиональных знаний не соответствует занимаемой должности. Это нужно установить точно. Я позвонил эксперту и спросил, не мог ли бы он побеседовать с Фокиным и выяснить, насколько он знает строительное дело. Тот согласился.

Во второй половине дня пришел Фокин. Открыв дверь, он бросил на меня быстрый и настороженный взгляд. Попросил разрешения войти, поздоровался. Я предложил ему сесть. Он осторожно прошел к стулу, сел, положил руки на колени. Я попросил его рассказать о том, как случилось, что использовали не ту балку.

— Студенты перепутали. Я им дал указание положить одну, а они положили другую, — спокойно сказал он, глядя на меня.

— Вы присутствовали при укладке балки?

— Не помню. Кажется, нет. Студенты сами ее укладывали.

Были проведены очные ставки Фокина со студентами. Они подтвердили, что указание класть эту балку дал Фокин. Он говорил,

что не помнит. Не мог он дать вразумительных объяснений и по поводу других нарушений СНИПа.

Если Фокин говорит «не помню», значит, он не оспаривает показаний свидетелей. Остается одно: он — безграмотный прораб, думал я, заполняя последний протокол очной ставки. Передав его для ознакомления Фокину, я позвонил эксперту. Вскоре он вошел в кабинет.

Его разговор с Фокиным носил чисто профессиональный характер. Назывались виды балок, перекрытий, арматуры, сорта цемента. Эксперт задавал вопросы, Фокин настороженно смотрел на него.

— Похоже, что не учился в институте. Либо, если учился, ни разу не заглянул ни в один учебник, — сказал эксперт после того, как Фокин ушел. — Как ему могли дать диплом инженера? Он не знает самых элементарных вещей. — Я записал показания эксперта. Он их прочитал и подписал.

На следующий день я был в отделе кадров строительного управления, изучил личное дело Фокина. Оказалось, что он, окончив десять классов, служил в армии, затем три года работал лаборантом в НИИ. В текущем году получил диплом. Выходило, что учился в те годы, когда служил в армии. Возможно ли такое? Это необходимо проверить в институте.

В отделе кадров института мне показали приказ, в котором были перечислены фамилии студентов, успешно защитивших дипломный проект и окончивших заочное отделение института. Среди них была и фамилия Фокина.

— Скажите, — обратился я к начальнику отдела кадров, — может ли человек служить срочную службу в армии и учиться заочно в вашем институте?

— Практически это невозможно. В случае призыва в армию мы предоставляем студенту академический отпуск. После службы многие продолжают учебу.

Может быть, по роду службы Фокин мог учиться и не прерывал связи с институтом. Нужно посмотреть, как он учился. Оказалось, что ни в одной экзаменационной ведомости Фокина не было. Тогда я попросил начальника отдела кадров дать мне приказ о зачислении Фокина в институт.

— Сейчас найдем, — сказал он. Через некоторое время приказ был у меня в руках. Я несколько раз прочитал список фамилий. Фокина среди них не было.

Начальник отдела кадров взволнованно вытер пот со лба.

Ничего не понимаю. Наверное, какая-то ошибка.

Я долго сидел в его кабинете, изучая приказы и другие документы о студентах. Мне удалось найти еще одну фамилию, некоего Попова, которая фигурировала только в приказе об окончании заочного отделения института, и тоже в текущем году. На дневном и вечернем отделении таких случаев обнаружено не было.

Видимо, это дело рук кого-то из работников заочного отделения. Я поехал туда. На месте оказался один декан. Это был пожилой человек. Вместе с понятыми, приглашенными мною, я вошел в его кабинет, представился, разъяснил цель моего прихода. Он удивленно смотрел на меня.

— Пожалуйста, смотрите. Вот здесь все документы, — он показал на полку, где стояли папки. — Это — рабочий стол методиста.

При обыске был обнаружен черновик списка лиц, обучающихся

на последнем курсе, в который были внесены фамилии Фокина и Попова. Личных дел на них не было. Не проходили они и по ведомостям приема экзаменов и защиты дипломных проектов.

Вскоре был составлен протокол, и, подписав его, понятия ушли.

— А теперь,— обратился я к декану,— скажите, пожалуйста, почему в приказах об окончании заочного отделения есть фамилии людей, которые не были студентами и не учились у вас?

Он испуганно посмотрел на меня:

— Такого не может быть.

— К сожалению, оказывается, может,— сказал я. И мы вместе стали смотреть изъятые мною приказы, другие документы. Он, навалившись грудью на стол, долго и внимательно читал фамилии, проверял визы, перебирая бумаги толстыми короткими пальцами, шумно дышал и потел. Пот капельками блестел у него на лбу и на кончике носа. Я подробно допросил его о том, кто ведет личные дела студентов, составляет их списки, проекты приказов и другую документацию. Он сказал, что этим занимается методист Новикова Елена Павловна.

— Ума не приложу, как это могло случиться. Елена Павловна очень аккуратный и добросовестный работник. У нее никогда ничего подобного не было. Я ее давно знаю и доверяю ей. Я думаю, что она объяснит все. Фамилии в списке дописаны ее рукой. Это она сделала. Но почему? — Он вопросительно смотрел на меня. — И я как-то недоглядел, хотя всегда проверяю. Но мы все исправим, допущенные ошибки устраним.

— Теперь исправлять будем вместе,— сказал я. — Мне необходимо встретиться с Новиковой.

— Она будет завтра. Я ее к вам пришлю.

— Хорошо,— сказал я и, попрощавшись, вышел.

В прокуратуре я подготовил представление о немедленном отстранении от занимаемой должности прораба Фокина и направил его начальнику строительного треста. Я также позвонил в больницу, где находились пострадавшие студенты. Мне сообщили, что состояние Кашкина критическое. Врачи делают все, чтобы спасти ему жизнь.

После этого я сразу поехал на квартиру Фокина и в присутствии понятых изъял его диплом. Дома в это время находилась его мать, которая и выдала мне документ. Она очень удивилась, обнаружив его в столе сына. Я ее допросил. Она рассказала, что ничего не знает об учебе сына и окончании им института.

— Он хотел поехать в Сибирь на стройку в этом году, но его девушка заканчивает техникум, и они отложили поездку на будущий год. Сейчас он трудится рабочим на стройке, набирается опыта,— сказала она.

В тот же вечер, когда я уже хотел уходить домой, в дверь кабинета осторожно постучали. На пороге стояла молодая женщина.

— Я — Новикова. Вы меня вызывали?

— Да, проходите, пожалуйста. — Она осторожно прошла к столу, села, бросила на меня быстрый взгляд. Я молчал, обдумывая, с чего начать разговор. Она заговорила первой.

— Мне Петр Леонидович все сказал,— она заплакала, закрыла лицо руками, отвернулась, затем достала платок, приложила его к глазам. — Во всем виновата я. Сейчас я все расскажу, сейчас,— слезы непрерывно текли из ее глаз. — Извините, пожалуйста, я немного успокоюсь. — Она вытерла слезы, перестала плакать. — Восемь

лет назад я вышла замуж за Мешкова Михаила Сергеевича. Тогда мне было девятнадцать лет. Через год родился ребенок, девочка. Муж вначале вел себя хорошо. Потом начал выпивать. Связался с какой-то компанией, с которой совершил разбойное нападение: ограбили пьяного мужчину. Его посадили. Мы с дочкой жили одни. В прошлом году он освободился. Пришел к нам. Я с ним, правда, развелась, когда его осудили. Но он все-таки отец девочке: я по думала, что с ним будет легче. Сначала он вел себя нормально, но потом опять начал выпивать. Однажды пришел ко мне на работу выпивши. Я в это время заполняла дипломы. Он увидел их, взял один бланк и не отдал. Куда он его дел, я не знаю. А на следующий день сказал, чтобы я выписала два диплома — один на Фокина, второй на Попова. Сказал, что нужно внести их фамилии в список студентов последнего курса, а затем в приказ об окончании института. Откуда он все это узнал, я не знаю. Я отказалась. Он словно сошел с ума. Схватил меня за горло и стал душить. Я думала, что он меня убьет. Вообще после отбытия наказания он очень изменился, стал грубым, вспыльчивым, несколько раз бил девочку. Она учится в первом классе. И теперь, как только он начнет ее ругать, она вся дрожит от страха и плачет. Жить с ним совершенно невозможно. Без него у нас было все тихо и спокойно. Мы с ней ладили. Я ему предлагала уйти. Он не хочет. Я сказала, что заявлю в милицию. Он мне пригрозил, что удавит и меня, и дочь. Я его боялась. — Она опять беззвучно заплакала, вытирая платком слезы. — Когда он меня схватил за горло, я потеряла сознание. После того, как пришла в себя, он сказал, что если я не сделаю эти два диплома, то мне не жить. Он отсидит еще один срок — и все. Мне было очень жаль девочку, дочку, я боялась, что она останется сиротой. — Слезы непрерывно бежали из ее глаз. — Я согласилась. Внесла эти фамилии в список студентов последнего курса, а затем в приказ об окончании института. Петр Леонидович мне доверял и завизировал не глядя. Я выписала дипломы, расписалась в ведомости об их получении от имени этих лиц и отдала ему. Что он с ними сделал, я не знаю.

— Вы не видели их больше у него?

— Нет.

— А где он сейчас?

— Когда я уходила, дома его не было. Может, он у матери. Он часто там бывает. — Она сообщила ее адрес.

— Прочитайте и подпишите. — Она осторожно взяла протокол, положила его перед собой и стала читать.

Если все это так, а не верить ей пока нет оснований, то ее бывший муж получил от нее два диплома заполненных и бланк. Один диплом передал Фокину, второй, видимо, Попову. А может быть, еще не передал. Возможно, и бланк где-то он хранит. Скорее всего, на квартире матери. Необходимо срочно произвести там обыск и после этого допросить его.

Новикова прочитала протокол, подписала его, подала мне.

— Идите домой. Если он дома, ничего ему не рассказывайте. Завтра я вас вызову.

— Хорошо, — ответила она и, попрощавшись, тихо вышла.

Сразу после ее ухода я позвонил дежурному районного отдела внутренних дел, попросил оперативную машину и одного сотрудника милиции для производства обыска и задержания Мешкова. Через несколько минут мы уже ехали на квартиру матери Мешкова.

На наш звонок дверь открыла пожилая женщина. Я сказал, что нам нужен Мешков. Она молча показала рукой на дверь слева от входа. Я постучал.

— Входите,— послышался мужской хриплый голос. Мы вошли. На диване лежал молодой мужчина. Это был Мешков. Увидев сотрудника милиции, он быстро вскочил с дивана, подбежал к шкафу, открыл его и стал что-то торопливо искать на полке. Сотрудник милиции схватил его сзади за руку, оттащил от шкафа, прижал к стене. Мешков пытался вырваться, но ему это не удалось.

— Мешков, успокойтесь,— сказал я.— За сопротивление работнику милиции существует уголовная ответственность. Если будете продолжать сопротивление, наденем наручники.

— Не буду. Пусть он отпустит.— Работник милиции посадил его на стул и встал рядом. Мешков был бледен, с трудом сдерживал дыхание. Я пригласил двух соседей в качестве понятых, прочитал вслух постановление о производстве обыска, осмотрел шкаф. Там среди белья лежали диплом на имя Попова и незаполненный бланк. При обыске была также обнаружена записная книжка с номерами телефонов. Мешкова мы доставили в милицию.

— Откуда у вас диплом на имя Попова и бланк?

— Нашел,— с вызовом ответил он и посмотрел на меня.

— Почему хранили у себя?

— Не успел сдать в стол находок.

— Почему бросились к шкафу, когда мы вошли?

— Чтобы не пришли дело за эти корки. Вы же на это мастера.

— Если вы действительно нашли бланк и диплом, никакого «дела» не будет. Но у меня есть другие данные. А пока вам придется остаться здесь.

На следующее утро по телефону, указанному в записной книжке Мешкова, я вызвал в прокуратуру Попова. Он осторожно вошел в кабинет, поздоровался. Я спросил, знаком ли он с Мешковым и какие у него с ним отношения. Он сказал, что знает его давно, отношения нормальные.

Попов рассказал, что чуть больше месяца назад они случайно встретились в пивном баре. Мешков был сильно пьян, показал ему бланк диплома, предложил купить. Попов отказался, тогда он сказал, что может достать диплом на его имя. Попов, как он выразился, по пьяной лавочке согласился. Разговору этому он не придавал значения. Примерно через неделю Мешков позвонил, предложил встретиться. При встрече показал диплом. «Заяц трепаться не любит,— сказал Мешков.— Гони деньги».

— Я понял, что дело приняло серьезный оборот, и отказался,— закончил свой рассказ Попов.

— Сколько Мешков просил за диплом?

— Две тысячи.

Попов также опознал диплом, изъятый у Мешкова. Сказал, что именно его показывал ему Мешков при встрече.

Все это Попов повторил на очной ставке. Мешков не сказал ни слова. Он сидел, отвернувшись, и смотрел в окно.

Вскоре состоялась очная ставка с Новиковой. Мешков следил взглядом за каждым ее движением. Новикова от этого взгляда ждалась. Тихим голосом она повторила все сказанное ранее.

— И это на родного мужа,— сказал он.— Давить таких надо.

— Ты мне не муж. Мразь, подонок,— вдруг посмотрев прямо на него, громко сказала она срывающимся голосом и, закрыв лицо

руками, зарыдала. Я посмотрел на Мешкова. Взгляды наши встретились. Он отвернулся. «Да, ты действительно мразь и подонок, испортивший жизнь не только себе, но и этой женщине, которая даже не хочет называть тебя мужем. И своему ребенку. Дочь вырастет, так и не узнав отцовской заботы».

Вызванный в тот же день Фокин признался, что с Мешковым он познакомился в пивном баре. Они разговорились. Фокин рассказал ему, что думает поехать куда-нибудь на стройку, но не хочется там «вкалывать простым работягой». Тогда Мешков предложил ему достать диплом инженера-строителя за две тысячи рублей. Фокин сказал, что таких денег у него нет. Они договорились, что Фокин отдаст одну тысячу, а вторую — вышлет со стройки. Через некоторое время Мешков передал Фокину диплом, а тот — тысячу рублей. Свои показания Фокин подтвердил и на очной ставке с Мешковым. Тот выслушал его молча и спокойно. Но вдруг негромко сказал:

— Дурак, ты мне что говорил?

— Не мог я уехать.

— Теперь увезут за государственный счет.

Фокин вопросительно взглянул на меня.

Вечером, перед окончанием работы, позвонил дежурный врач больницы и сообщил, что Кашкин скончался.

Вот так, дело приняло очень серьезный оборот. Не просто подделка диплома, не просто нарушение строительных правил: оно привело к гибели человека. Теперь спрос со всех участников преступления иной.

Несмотря на все собранные доказательства, Мешков не признавал себя виновным. На допросах он, как правило, молчал и смотрел в окно. Только однажды во время очередной встречи он, вдруг обратившись ко мне на «ты», сказал: «Давай, давай, клепай за какие-то корки».

— Не только за корки, — ответил я, глядя прямо на него. — Вы фактически виновны в гибели человека.

Я вспомнил пустые, обезумевшие глаза матери студента — пожилой женщины-учительницы. Она смотрела на восковое лицо сына и, видимо, никак не могла понять случившееся. Наша встреча состоялась во дворе больницы, откуда начиналась похоронная процессия.

— Какое еще убийство? — в глазах Мешкова мелькнул испуг. — Говори, да не заговаривайся, следователь. Я никого не убивал.

— Да, Мешков, вы сами никого не убили. Это — правда. Но в результате преступления, совершенного вами, погиб невинный человек.

Он молча смотрел на меня.

— По вине «дипломированного» Фокина на стройке произошла авария и погиб человек.

— А при чем я? Фокин виноват, пусть и отвечает.

— Он ответит. Но вы, предоставив ему поддельный диплом, создали условия для совершения этого преступления. Поняли?

Мешков посмотрел на меня, но ничего не ответил.

Через некоторое время у меня состоялась еще одна встреча с начальником отдела кадров института. Меня интересовал вопрос: почему Новиковой удалось так легко подделать два диплома и никто этого не заметил.

— Такое возможно потому, — сказал он, — что всю документа-

цию об окончании студентами вуза и выпуску дипломов ведет один человек — методист. Подделка дипломов и утрата бланка безусловно были бы вскрыты через некоторое время при проверке, но пресечь сразу злоупотребления в этих условиях довольно трудно. Если методист захочет сделать что-нибудь нечестное, он это сможет. На дневном и вечернем отделении это исключено. Здесь в составлении документов участвуют много людей, которые осуществляют взаимный контроль. Проекты приказов готовит один работник отдела кадров, выписывает дипломы — другой. Их проверяю я, деканы факультетов. А почему вас интересует этот порядок? Случаи утраты бланков и дипломов не часты, хотя и случаются. И не только у нас, но и в других вузах. Особо страшного в этом ничего нет: обычные издержки производства. — Я понял, что он пытается выгородить себя как ответственного за кадровые дела и ведение связанной с ними документации, обелить институт.

— Как это ничего страшного. Эти, как вы называете, «издержки производства» влекут тяжкие последствия. — Начальник отдела кадров смотрел на меня. — Дело в том, что человек, имеющий поддельный диплом, общественно опасен. Ему могут доверить выполнение самых сложных дел, передать в его распоряжение людей, материальные ценности, управление которыми требует специальных знаний. Все это чревато самыми непредвиденными последствиями. Что и произошло с Фокиным, у которого оказался один из поддельных дипломов вашего института. Он допустил аварию, погиб человек. Еще двое получили телесные повреждения. — Начальник отдела кадров молчал.

Вскоре расследование было закончено и дело направлено в суд. Мешков был осужден к длительному сроку лишения свободы. Фокина суд также приговорил к лишению свободы. Одновременно с него была взыскана стоимость пришедших в негодность по его вине строительных материалов. Новикова была осуждена условно.

При окончании расследования мною было направлено представление ректору строительного института, в котором я указал на необходимость увольнения с занимаемой должности Нозиковой, а также передачи отделу кадров ведения личных дел на студентов-заочников и подготовку приказов на них. Отметил халатное отношение к выполнению служебных обязанностей со стороны декана заочного отделения Морозова П. Л. Через некоторое время был получен ответ, в котором сообщалось, что Новикова уволена, ведение всех дел заочников передано отделу кадров, Морозов наказан в дисциплинарном порядке.

В строительное управление я также направил представление, в котором указал, что работники отдела кадров недостаточно внимательно относятся к изучению документов лиц, принимаемых на работу. Так, при приеме Фокина К. Г. они не заметили, что даты его службы в армии и учебы в институте совпадают. Этот факт оказался непроверенным. В результате строительство магазина возглавил человек, не имеющий специального образования, что привело к аварии с тяжкими последствиями. Просил руководителей СУ принять соответствующие меры. Вскоре из СУ сообщили, что начальнику отдела кадров объявлен выговор, проведено дополнительное инструктирование его подчиненных.

ПОВЕСТЬ

ОЛЕГ КОЗОПОЛЯНСКИЙ

ВЫСТРЕЛ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

В понедельник с утра я сижу в нашем кабинете тихо, как мышь. Вишу на телефоне всю первую половину дня. Задаю вопросы разным людям. Но итогов пока что-то не видать. И не слышать. Кроме одного: с телефонной станции только что сообщили, что по домашнему номеру Краснова А. П. шестнадцатого марта в 21 час 30 минут состоялся междугородный разговор. Звонили из Олялино. С райпочты. Заказывал разговор Краснов А. П. Пять минут.

Так что билетик, который я привез с дачи вчера, оказался к делу. Туда я его и подшил. Еще я успел выяснить, что по служебным делам Краснову в Олялино делать было совершенно нечего. Никаких дел у его ведомства с Олялинским леспромхозом никогда не было. И не намечалось. Родственников в пределах этого леспромхоза у покойного тоже не установлено. Даже дальних. В его служебной переписке это самое Олялино тоже не фигурирует. Пришлось-таки еще раз побеспокоить синеокую Танюшу. На сей раз она была любезна и исполнительна. И давала мне необходимые справки заговорщицким шепотом. По-моему, она даже выгнала всех из приемной и говорила, прикрывая трубку рукой. И все норовила соединить меня со своим грозным шефом. От беседы с ним я уклонился.

Теперь я сижу и битый час пытаюсь уговорить девушек с междугородки дать мне Олялино. Я уже и пресмыкался. И умолял. И даже грозил. Последнее — зря, потому что я имею только проигрыш во времени. В отношениях с фирмой О7. Знаю ведь, что их на испуг не возьмешь. Только лаской. Но — сорвался. Уж больно надо мне поскорей узнать, что же делал в этом Олялино покойный.

Степаныча, конечно же, нет. Сейчас у него период беготни. Это через день-другой он засядет за стол — и потянутся к нему нескончаемым потоком люди. Сначала в качестве свидетелей. Уверенные в себе. Снисходительные к нему — такому скучному, незаметному, немного нудноватому в своих почти одинаковых вопросах. Потом-то многие из них поймут, как они ошибались в этом человеке. Но все это будет потом. А пока он носится где-то по Москве. Но пачка сигарет на его столе и записка на моем неоспоримо свидетельствуют, что враг жулья не дремлет.

Записка лежит с пятницы. «Звонила девушка Инна. Ты ей нужен сегодня. Смотри, завтра может быть поздно. Позвони ей. Убегаю до вечера понедельника. Будешь должен мне десятку. Девушке передай привет и купи ей букет. Степаныч».

К записке скрепочкой прикреплена пятерка. Добрейшей души человек мой Степаныч. Когда работает. И за что только его жулики не любят? Я его люблю. Совершенно бескорыстно.

А телефон молчит. Девушки с междугородной, как я заметил, очень не уважают такие заказы. Какой-нибудь Южно-Сахалинск или Магадан дают чуть не сразу. Уважают расстояние. А Олялино — чего в него звонить? Всего пять часов езды на поезде. Рядом. Кому надо — и съездить может. Лично пообщаться с абонентом, а не перегружать телефонную связь. Мне надо. И я туда съезжу. Непременно. Но для начала и по телефону неплохо бы поговорить. Я опять набираю 07 и прошу старшую.

— Занята,— сердито говорит девушка. «Ту-ту. Ту-ту». Песня без слов.

Вдыхая, снова кручу диск. Но меня перебивает голос Самого. Когда он вошел в кабинет, я не заметил.

— Подождите-ка с телефоном...

Я покорно кладу трубку.

— Как дела? Что нового с Красновым?

Я рассказываю.

— М-да! Кое-что — и ничего. Темнота. Между прочим, по воскресеньям положено отдыхать. Но тебе, видимо, два выходных в неделю много. В следующую субботу будешь дежурить. Вместо Сырова. А в Олялино это звони. И, коль надо, слетай туда. На денек-другой.

Ну, вроде бы все ценные указания даны. Он мог бы и уйти. Но он присаживается за стол Степаныча, берет из его пачки сигарету, просит:

— Дай-ка прикурить.

Вообще-то он курит редко. Только когда доведут. Что еще стряслось в нашем беспокойном доме?

— С этим твоим буфетчиком. Дело уже в суд передавать бы можно. А он затыкал.

— Как это? — удивляюсь я.

— Натурально. По-собачьи. В февральки подался, как ты выражаешься...

Я, действительно, иногда так выражаюсь. По поводу всяких придурков. У которых в голове не хватает. Как дней в феврале. Но откуда он это знает? Работает у нас разведка...

— Тянет на психа. Посылаем в институт Сербского. А сроки летят...

Это, конечно, досадно. Но из-за этого он не закурил бы.

— Да. С Красновым. Этот твой приятель из министерства уже раззвонил где надо и не надо. Дело «там», — он поднял глаза к потолку, — на контроль взяли. Так что гляди.

Да. В нижних чинах ходить не сахар. А и генералам несладко...

— Ну, работайте.

Пригасив сигарету, Сам уходит.

День заканчивается. Степаныч так и не появился. Ограничился звонком.

В прокуратуре уже пусто. По-моему, остались только мы вдвоем. Сам и я. Каждый в своем кабинете. Чего сидит Сам, я не знаю. А я жду. Минут двадцать назад позвонил Маркелыч и велел ждать: «Сейчас прибуду».

Я придвинул свое любимое кресло к окну: теперь ворота у меня под наблюдением. Сажу. И думаю. Что же все это значит? То, что я узнал. Не от Маркелыча, естественно. От него я что-нибудь узнаю, когда он пожалует. А вот от разных товарищей из неизвестного мне Олялино я кое-что узнал. В частности, к кому ездил Краснов.

— Мы тут выяснили. Был такой. Жил три дня в гостинице лес-промхоза. Зачем приезжал — сказать не можем. Но только интересовался очень одним нашим товарищем. Шварцем Владимиром Алексеевичем. Это механик. С верхних складов. Даже дома у него вроде побывал. И так — расспрашивал. С самим хозяином не виделся. Тот в больнице был. Не пускали к нему. Инсульт у него, что

ли, или инфаркт. Сейчас еще на бюллетене. А вот с женой его виделся. Говорит — все о муже выяснил. О жизни его. Зачем — не знает. Да мы с ней еще толком и не говорили... Сами приедете? Ну и ладно. Тогда мы их пока тревожить не будем. Что за люди они? Она — ничего. Хорошая женщина. Поваром в столовой леспромпхоза работает. Дети у них. Двое парней. А он... С ним тут посложней. Сейчас-то он у нас передовик. Мастер что надо. Изобретатель даже. Сучкорезку изобрел — шведы даже приезжали смотреть. И человек вроде хороший. А только он из этих. Ну, понимаете, сидел он. Не по уголовному. По пятьдесят восьмой. С войны. Десять лет. Вроде бы — как немецкий пособник. А подробно-стей пока не знаем. Уточним...

Они-то уточнят. А вот мне что делать? Что могло понадобиться Краснову от Шварца? Что могло связывать ветерана войны, офицера, крупного инженера с каким-то Шварцем, отсидевшим срок за предательство? Ничего не понимаю. Все еще темнее. В голову лезут всякие дурацкие предположения. Но голове от этого не легче.

Отвлекает меня от всей этой путаницы Маркелыч. Точнее, не сам он, а его автомобиль. Здоровый такой синий фургон с надписью «Союзавтотранс». Фургон этот сейчас нахально подкатывает к нашему главному подъезду и останавливается. Гаишники забыли повесить соответствующий знак — и этот нахал пользуется их упущением. По-моему, Сам собирается домой. И будет несколько удивлен, увидев у подъезда вместо своей черной «Волги» этот голубой экспресс. Спешу к дверям, чтобы предотвратить конфликт. Маркелыч даже своего начальства не боится. А чужому-то может такое брякнуть...

Маркелыч препирается у подъезда с шофером Самого.

— Ты что, обалдел? — спрашиваю я.

— А чего такого? Тут знака нет. Мое право.

С ним, как я уже отмечал, спорить бесполезно.

— Чего тебя принесло?

— Да вот, в командировку еду. В Таллин. Гроши получил.

И мы уезжаем.

Эх, Андрей Петрович, Андрей Петрович... Что ж это вы наделали... И зачем? У вас такая семья. Жена. Дочь-красавица. У вас такие друзья. Дело, которому вы посвятили жизнь. И недаром. Жизнь щедро одаривала вас за труд, ум. Уменье. За щедрость души, которую вы держали распахнутой. Что вдруг произошло? Что могло так сломать его — Андрея Петровича Краснова? Не знаю. Не могу понять. Хотя и знаю теперь о нем все. Странно, пока он жил, и даже рядом, тут вот, на Арбате — я и не подозревал о его существовании. И, наверное, никогда бы и не услышал о нем. Может — сотни раз мы встречались бы с ним на улице. Или в метро. И шли бы каждый своей дорогой, вовсе не задумываясь — а что это за человек такой встретился мне... Человек как человек. Обыкновенный. Наверное, хороший. Хороших ведь все же больше, чем плохих.

В этом я убежден, хотя по роду работы мне чаще приходится сталкиваться с плохими. Но ведь не они строят дома. Сажают сады. Запускают спутники. Лечат. Пекут хлеб. Изобретают машины. Пишут книги. А ведь в этом суть жизни. Исток ее. И секрет вечной непрерывности. И делают все это хорошие люди. Хорошие. Пло-

ние только мешают. Но помешать не могут. Их все-таки меньше. Хотя осложнить жизнь — могут. Вот и ему, покойному, кто-то осложнил жизнь. Даже помешал жить. И по тому, что я теперь знаю, этот кто-то имеет фамилию, имя и отчество. И место жительства. Шварц Владимир Алексеевич. Из Оляино, Калининской области... Так получается. И не получается. Потому что я знаю уже достаточно много об этих двух людях — и не могу найти никаких точек соприкосновения. Никаких линий или мгновений этих двух жизней, которые пересекались бы между собой. Что же я знаю?

Андрей Петрович Краснов. Русский. Год рождения 1920. Из рабочих. Родился на Урале.

Владимир Алексеевич Шварц. Родился в крестьянской семье, в Калининской области, в 1929 году. Русский, несмотря на фамилию. Просто когда-то, еще до реформы 1861 года, купил их деревню со всеми людьми немец Шварц. И стали они все Шварцевыми. И Шварцами.

Краснов. Воевал с первого дня. Офицер-разведчик. Потом — командир батальона. Был дважды ранен. Имеет награды. Даже представлялся к званию Героя. В плену не был.

Шварц. В сорок первом был еще сопливым деревенским мальчишкой, до войны ходил в школу — в пятый класс. Во время войны оставался на оккупированной территории. В своей деревне. Есть сведения, что в 1942—1943 году работал при каком-то немецком штабе. И числился в полицейских. При отступлении немцев пытался бежать. Но был задержан нашими. При задержании оказал вооруженное сопротивление. Осужден военным трибуналом как немецкий пособник. С учетом малолетства дали десять лет, которые он и отбыл от звонка до звонка. И еще пять пробыл в ссылке.

Краснов. После войны окончил геологический факультет МГУ. На последнем курсе женился и уехал с семьей на Север. В Якутию. Участвовал в поисках и открытии алмазов. В числе других отмечен Государственной премией. Проработал на Севере более пятнадцати лет. Вырос до главного инженера крупнейшего комбината. Построил немало поселков, рудников, городов. Награжден. Отмечен. Пять лет назад переведен в министерство на должность главного специалиста. И снова — награжден, награжден...

Шварц. После войны (с сентября 1943 года) — сидел. В 1953 году отбыл свой срок и остался на поселении в Красноярском крае. Работал в леспромхозе. На лесоповале и сплаве. Сначала рабочим, потом бригадиром. В год освобождения — женился. Заочно окончил десятилетку. Потом техникум. В 1958 году перебрался на родину, в Калининскую область, в Олялинский леспромхоз. С тех пор работает там. Проявил себя ценным работником. Вырос до начальника участка. Выдвинут на должность главного механика. Имеет патенты на изобретения. Наград не имеет. В Якутии никогда не был. Деловых и личных контактов с Красновым и его ведомством не имел. Родственных связей между ними — никаких. Образ жизни, интересы, круг знакомств, да просто жизни — совершенно различные. И ни в чем не соприкасались. Даже не могли соприкасаться.

Но ведь Краснов-то ездил в Оляино. Тайно. Даже от семьи. И разыскивал там Шварца. И интересовался им. Почему? Зачем?

Я верчу эти «зачем» и «почему» на все лады. Делаю я это в кабинете у Самого. Он мне помогает. Если можно назвать помощью тот погром, который он учиняет моим версиям. Но они того, ве-

роятно, стоят. Ибо ни одной более или менее правдоподобной я выдвинуть не могу. Нет ее у меня. Так. Один бред...

— Ну давайте-ка еще разок пройдемся по последнему месяцу жизни и того, и другого. Что мы знаем? — предлагает Павел Иванович. — И не торопись. Подробненько.

Мы уже «проходились». И «подробненько». И не раз. Мне уже скучно. Но против начальства не попрешь. «Начальство нельзя обижать», — как говорит Маркелыч, от которого его начальство «слезьми обливается». Это я знаю от его напарника дяди Пети. «Но не в рабочее время. И не по личным поводам — обрати внимание», — всегда добавляет правдолюбивый Маркелыч. «И потом, я же его не принуждаю, оно само...» Маркелыч мудер. Не по годам. «Профессия такая», — скромно говорит он. — ГАИ обязывает.

Поэтому я следую его совету. И, чтобы не огорчать начальство, уныло тяну:

— Краснов. Последний месяц жизни ничем особым не примечателен. Разве что в начале месяца вместе с группой товарищей получил очередной орден — по итогам пятилетки. В образе жизни, привычках, настроении никаких заметных перемен. До поездки в эту «командировку». Или чуть раньше.

— Стоп. Стоп. А почему «или»? Есть факты? — перебивает Сам. Но он забыл, что ли, что уже перебивал меня в этом самом месте. Тем же вопросом.

— Нет фактов. Предположение, — повторяю я.

В первый раз он это пропустил мимо ушей. Сказал: «Ладно. Дальше». А сейчас уставился на меня, как кот на протоквашу: с интересом, но неодобрительно. И служебным голосом проскрипел:

— Предполагать вам дозволено в пределах добытых фактов. Извольте их добывать... — Потом, слегка смягчившись, задумчиво говорит: — Тут бы поискать надо, а? Вот в этот период: от награждения до его этой поездки. Где-то тут должен быть повод для нее. Может, письмо какое, а?

— Предполагать могу только в пределах известных фактов, — ехидничаю я. — А такого факта не имею.

— Так ищите, — строго ставит он меня на место. — За это вы и зарплату получаете.

«И выговоры!», — мысленно добавляю я. А вслух — иду дальше.

— Будем искать... Теперь — Шварц. У этого — тоже все обычно. Ничего интересного. Кроме одного — за неделю до приезда Краснова в Олялино у Шварца — инсульт. Вполне «доброкачественный». Без подделки. Он попадает в больницу. И Краснов лично с ним встретиться не может. К нему не допускают врачи. Хотя — может, он и не собирался с ним встречаться. Этого мы тоже не знаем.

— А должны бы знать, — говорит Сам.

— Я и прошусь у вас для этого в Олялино, — обиженно говорю я.

— Ладно, поедешь... Только сначала давай-ка поинтересуемся насчет письма. Не было ли чего незадолго до поездки Краснова ему из Олялино.

Сам перешел на «ты». Значит — сменил гнев на милость. И то хорошо...

— Конечно, поделикатней. Постарайся обойтись без изъятия всей переписки... У тебя, кажется, сложились отношения с дочерью покойного?

Ну и ну! «От людей на деревне не скроешься. Нет секретов в деревне у нас», — хочу я спеть.

— Ты через нее и попробуй узнать. Ну, а нет — трогайся в это самое Олялино. А я тем временем тут кое-что сам попробую выяснять. Есть одна мыслишка...

Я вопросительно гляжу на него. Может, поделится?

— Нечего глазеть. Не скажу. Это тебя только отвлечет. Своим умом жить надо, юноша, — добродушно зудит он. — Вот когда будут факты — поговорим. А пока — иди с богом. И отрабатывай версию с шантажом. Из всего, что ты тут мне наплел сегодня, эта хоть на версию похожа. Хотя — тоже...

Я и сам чувствую, что «тоже». Но есть у меня такая версия: шантаж. Кто-то, как-то запугал Краснова. Хотя чем его можно было запугать — ума не приложу. И какое ко всему этому имеет отношение Шварц — тоже.

...И нашему брату иногда везет. Я сидел и ломал голову, как бы это поделикатней поговорить с Инной о переписке ее отца — то ли сюда вызывать, то ли свидание назначить, когда зазвонил телефон. Трубку взял Степаныч. Он начал периодически появляться в кабинете. Сегодня сидит с утра — и целый день разговаривает с какими-то людьми о лоскутах. И какие они. И сколько. И где. И почему. В печенках уже у меня эти его лоскуты. Тряпишник несчастный. Хоть бы уж об отрезах говорил. С утра у него были первые посетители. Из числа тех, кто поначалу снисходительно объясняет ему высокие и недоступные простому человеческому уму таинства производства и сбыта галантереи. Это они уверены в недоступности. Ох, как же он их разочарует, этот меланхолик. И, полагаю, скоро...

Но пока он разочаровывает только меня. Торчит весь день перед глазами, хотя именно сегодня он мне и не нужен. Вчера нам выдали зарплату. И деньги у меня еще есть. Так что без Степаныча бы обошелся. Мне телефон нужен. А к нему не подступишься...

Вот и на этот звонок поспешно откликается он.

— Да-да. Кто спрашивает? А! Здравствуйте, здравствуйте. Тут. Вы бы забрали его куда-нибудь, а? Только мешает работать, — он протянул мне трубку. — Тебя...

Это я ему мешаю! Нахал...

Я беру трубку. И слышу голос Инны.

— Здравствуйте...

С радости я чуть не брякаю: «На ловца и зверь...»

Но спохватываюсь. И, косясь на Степаныча, который показывает мне большой палец — и конец пятерки, — говорю. Почти строго официально. Но только — почти:

— А я как раз собирался звонить вам.

— Правда? — она вроде бы как обрадовалась, что ли?

— Да. Нам с вами надо бы поговорить. К нам сюда? — это она спрашивает, можно ли ей зайти. Кажется, и она всерьез не воспринимает мою должность. И служебное положение. Как подопечные Степаныча — его. Мне бы положено сказать: «Нужно, а не можно». Но я говорю: — Конечно же. Буду рад. Жду. — Победно гляжу на соседа.

— И с такой девушкой ты до сих пор на «вы»? Гусь. Ты зачем ее

сюда позвал? Другого места нет, что ли? Бери пятерку — и умятывай.

— Не нуждаюсь, — гордо говорю я.

И усаживаюсь демонстративно в кресло.

— Ну-ну, — ворчит Степаныч. — Сиди. Последние штаны просидишь. — И теряет ко мне всякий интерес. Потому что к нему, сияя доверчиво-снисходительной улыбкой, уже входит очередной импозантный мужчина. Поговорить о лоскутах. Между прочим, насколько я понял, лоскуты эти — отечественного происхождения. А на-визитере все импортное. Но Степаныч встречает его как родного. На меня ему теперь наплевать...

Когда приходит Инна, Степаныч прерывает свою увлекательную беседу и сердечно ее приветствует. Его собеседник при виде Инны весь распекается восторгом и, кажется, приподнимается, чтобы уступить ей место.

«Ишь, джентльмен. Сиди уж, где посадили. У нас каждый сидит на своем месте», — мысленно говорю я. А Степаныч почти то же произносит вслух:

— Сидите, сидите. Дама к нам на минутку. Так что представляться не обязательно. — И ко мне. — Ну, я вас больше не задерживаю. Вы свободны. До свидания.

Тоже мне, начальник.

Но кабинет, да и стены присутствия я все же покидаю.

— Какой-то неприятный тип, — говорит Инна, когда мы выходим.

— Степаныч? — радостно осведомляюсь я.

— Да нет, что вы. Этот — у него...

— А-а! У него вечно такие. У него просто тяга к таким. Дурной вкус к дурным знакомствам, — по инерции зубоскалю я. Но сегодня мне не до зубоскальства. Кое-что мне придется объяснить Инне. И кое-что попросить.

Я не хочу требовать.

А это «кое-что» не слишком приятно. Для нее.

Мы сидим на лавочке в нашем скверике. Почти под окнами Самого. У меня такое ощущение, что завтра он осведомится о моих моральных устоях. И взглядах на соотношение личного и общественного. Чувства и долга. И поди — убеждай его, что это я просто исполняю свой долг. С чувством.

Инна выслушивает меня, слегка закусив верхнюю губу. От этого лицо ее делается немного жалобным. И сердитым. Или мне так кажется...

— Значит, все-таки... — она замолкает.

Я опять разглядываю носки своих ботинок. И они опять не очень-то блестят... Она сглатывает комоч, подступивший к горлу. Сделав усилие, говорит. К моему удивлению, очень спокойно.

— Я тоже думала об этом. И о командировке. Я ведь знаю, что папа тогда не был в командировке.

Я несколько ошеломлен. Это еще что такое?

— Как — знаете? Откуда?

— А я поняла это, когда потом, дома, вспомнила ваши вопросы. Тогда. Ну, когда мы ездили на дачу. А вчера узнала в министерстве. У папиной секретарши. Мы знакомы...

...Здравствуйте! Еще один Шерлок Холмс. Милый домашний частный сыск. Метод индукции и дедукции. Интересно, что еще она узнала у своей знакомой? И других, не известных мне лиц?

— Он тогда брал отпуск. На два дня. И куда-то ездил по своим

делам. Видимо, неприятным, раз не сказал ничего. Ни маме. Ни мне. Он нас никогда не обманывал...

Я немного сержусь.

— Инна! Вам не следует заниматься этим. Вы только запутаетесь. И, еще чего доброго, наломаете дров. Предоставьте уж мне разобраться во всем.

— Но ведь я тоже должна знать. Не сердитесь. Поймите меня.

Я ее стараюсь понять. Но лезть ей самой во все это — совсем ни к чему.

— Я вам обещаю: все, что узнаю — узнаете и вы. Если будет что знать.

— Но ведь вы-то уверены...

— Ни в чем я пока не уверен, — перебиваю я ее. — И ничего не знаю. Но узнаю. Постараюсь. Только для этого мне нужна и ваша помощь. Только помощь. А ни в коем случае не вмешательство.

Я немного резок. Но так надо. И она это, кажется, понимает. Она умица.

— Хорошо. Что нужно... от меня?

Я объясняю ей, что ищу письмо, которое мог получить ее отец. Незадолго перед последней поездкой. Она опять удивляет меня:

— Из Олялино?

— Откуда... — начинаю я. Но осекаюсь. И так ясно. Но она по-ясняет:

— От вас. Тогда, в электричке вы спрашивали про какое-то Олялино.

А мне показалось, что я это сделал ловко и тонко. Ну — женщины!

— Да. Может быть — из Олялино. От некоего Шварца. Владимира Алексеевича, — сдаюсь я.

— А кто это? — ясно, что про него она слышит впервые.

— Пока еще не могу сказать. Не знаю. Очень может быть, даже скорее всего, что он никакого отношения к делу не имеет. Кстати, категорическая просьба, — спохватываюсь я. Этот термин насчет «категорической просьбы» я заимствовал у Самого. — Не вздумайте звонить в Олялино и узнавать про Шварца. Можете запутать невинного человека.

Она смотрит на меня с укором.

— Я же обещала.

Звучит это приблизительно так: «Если сам дубина, то не считай за таковых всех». Ну, может, не в тех выражениях. Помягче.

— Вот что, — она решительно встает с лавки. — Идемте к нам. Прямо сейчас. Во-первых, я познакомлю вас с дядей Колей. Он с папой дружит уже лет тридцать. Все время вместе работали на Севере. Вы же хотели узнать... про папу. А потом мы посмотрим папины бумаги.

Это меня устраивает. Я этого и добивался, в общем-то. Но я спрашиваю:

— А как же мама?

— А я представляю вас как своего приятеля. Это можно? Ей же не обязательно знать, для чего вы пришли?

Я киваю головой.

— Значит, мы с вами старые приятели. Вы — юрист. И мой поклонник. Вам не трудно будет немного поухаживать за мной? Для

отвода глаз,—она лукаво сверкнула глазами.—Только уж давайте перейдем на «ты». Вас ведь Толей зовут?

— Да...

На «ты» тоже ведь не просто...

Мы выходим из ворот. И нос к носу сталкиваемся с тем малым, которого я видел с ней тогда. В дождь.

— Инна, я... тут...—говорит он. Видимо, он пришел с ней. И ждал ее с самого начала. Между прочим, сегодня дождя нет. Прекрасная погода. И зонта у него нет. Так что мог бы и не ждать.

— А ты...?—Инна чем-то удивлена.—Я же сказала тебе—не жди...

— Я, знаешь, на всякий случай,—он с подозрением косится на меня. Парень он и впрямь здоровый. На полголовы выше меня.

— Вы полагали оказать помощь гражданке в случае ее задержания нами? Применить силу?—осведомляюсь я сухо.

Он меряет меня взглядом, прикидывая, убить ему меня или только покалечить. И что ему за это будет. Это он тоже прикидывает. Это заметно. Инна решительно устраняет его колебания.

— Иди домой, Володя. Нам нужно с товарищем поговорить.—И добавляет. С чисто женской жестокостью.—Без тебя. Один на один.—Она демонстративно берет меня под руку и поворачивается к нему спиной.

— Я тебе позвоню?—жалобно лепечет он вслед.

— Позвони... в понедельник,—милостиво разрешает она. А сегодня у нас четверг... Сурово...

— А ведь он, по-моему, очень нравится вашей маме?—великодушно вступаю я за пострадавшего собрата.

— И пусть нравится. Я не возражаю,—улыбается она. Я с грустью думаю о незавидной нашей мужской доле...

Мой полуофициальный визит затянулся почти до одиннадцати. Я бы, честно, посидел и еще. Но это было бы уже нахальством. Хотя никто меня и не гнал. Просто совесть во мне еще не умерла.

Письмо мы с Инной нашли. Точнее—конверт с обратным адресом. Самого письма не оказалось. И что в нем было—я не знаю. Нашла этот конверт Инна. Пока она перерывала бумаги в ящике стола в кабинете отца, сославшись на то, что хочет показать мне семейные фотографии, я развлекал разговорами ее маму и дядю Колю. Рассказывал всякие криминальные истории без крови и со счастливым концом. И слушал их. Мать, если и говорила, то, в основном, о горе, которое пришло в их дом. О своем покойном муже. И о нелепости смерти. Она буквально пришиблена ею.

Дядя Коля оказался здоровенным детиною с совершенно лысой головой, но зато обильно заросший с лица.

Моя донкихотская поросль терялась рядом с джунглями его скиперской бородищи. Так что я даже, глядя на него, потихоньку щупал собственный подбородок, желая удостовериться, есть ли у меня там что-нибудь. Мужик он могучий и телом. И духом. И здоровым юмором, который применял с успехом для отвлечения вдовы от мрачных воспоминаний. Он хранил столько всяких смешных историй о происшествиях, которые были в его жизни и жизни покойного, и так умело и вовремя их рассказывал, что вызывал улыбку даже у Нины Петровны. Так ее зовут—маму Инны.

Как я понял, этот дядя Коля—классный механик. Работяга. Всю жизнь на бульдозере.

— Я, брат, на пятачке—свободного ходу метр туда-назад—

бывало, такие откосы чистил — со стороны страх смотреть. Даже самому. На Вилуе было. Скалу надо убрать с рабочего канала. Взрывать разом — нельзя. Рядом электростанция. Техника. Люди. По проекту ее чуть не вручную надо было растаскивать. Это — десятки рабочих месяца два вкалывали бы. А нас паводок жмет. Нет времени. Я походил, поглядел: если втащить на бугор этот мой бульдозер — я бы один скорее управился. Риск, конечно, есть. Свалиться там было откуда. Но игра стоила свеч. Предложил начальнику стройки. Он руками замахал: «Не хочу из-за тебя садиться! Да еще всю жизнь твоих сирот кормить». Пошел я к Петровичу. Я за ним на ту стройку приехал. Его только что главным сделали. Он меня с собой повсюду таскал. Весь Север мы с ним прошли. Объяснил идею. Сходил со мной. Вместе на скалу слазили. Все измерили. Он расчеты сделал. «Рисково», — говорит, — но заманчиво. Почти невозможно. Для всех. Кроме тебя, Нилыч. Попробуем?» Взял на свою ответственность. Теперь, как туда машину затаскать?

Придумал он. Поднимали по частям на блоках. А я там собирал. Он мне подсобничал. Еще придумал — рыхлить скалу мелкими взрывами. Бульдозер мой каждый раз щитами укрывали. Взорвут взрывники — мы с ним на пару лезем наверх. Как скалолазы. Ремонтируем, что надо. Я за рычаги. Он командует. Страхует. Месяц так. Начальник стройки аж поседел, бедолага. Пару раз, действительно, чуть не сыграли мы с ним вниз. Но к концу месяца спустился я вместе с бульдозером на дно канала. Как не было скалы. А как раз паводок пошел. Еле успели с этой скалой. А то беда. На год пуск затянули бы. Мне тогда орден Ленина за это дали. А надо бы Петровичу. Его риск больше был. Я бы все одно успел спрыгнуть. А ему бы аварию не простили... Лихой был мужик. Золото.

Видно, крепкая дружба их связывала. Потому что Николай Нилович, узнав о смерти Андрея Петровича, все бросил, взял отпуск и прилетел к ним. Чтобы поддержать семью в горе.

— Эх, не поехал я с ним сюда. В столицу. А он звал, — корил он себя, когда Нина Петровна ушла отдыхать в комнату. — Не дал бы я ему так пропасть. Такой человек! У нас его вся Якутия оплакивает. Вот он какой!

Потом мы помянули покойного. Пока Нилыч на кухне готовил стол — «по-нашему, по-северному», — сказал он, отклонив помощь и мою и Инны, мы с ней переговорили о конверте. И о письме, которого она не нашла.

— Это теперь неважно. Что в нем было, я узнаю и так. От автора, — утешил я ее.

— А вы туда сами поедете?

— Да, завтра.

И вот я еду в Оляино. Поезд тот же. Москва — Рига. Приходит туда в четыре утра. Вряд ли в это время я попаду в гостиницу. Так что надо бы поспать. Но — не спится. Я привожу в порядок свои мысли. И ощущения.

Одно из них — не служебное. Странное. Виновник его — Нилыч. Дядя Коля. Вчера, когда я уходил, он пошел меня проводить до дому. Вышли на Арбат, уже пустой и темный. Я протянул руку.

— Погоди-ка, — он прижал меня к углу дома. Навис надо мной —

огромный и грозный.— Ты вот что. Послушай. Я человек простой. И битый. Никого и ничего не боюсь. Так что гляди! — он поднес к моему лицу кулачище размером в футбольный мяч.— В землю вкочу!

— Да вы что? — удивился я. Вроде и выпил-то он одну рюмку. Трезвый.

— Не что, а слушай. И вникай. Я вижу — у вас с Инной складываются, ну, отношения, что ли... Это, конечно, дело ваше. Ты ей, видно, нравишься. Да вроде ты парень и впрямь ничего. Она ведь девка с глазом. Плохого не выберет. Но — ты гляди. Если ее обидишь — ей-ей — убью. Понял?

Объяснять ему, что у нас за отношения с Инной и почему я сегодня был в их доме, я не стал. Сработал инстинкт самосохранения. И потом — то, что он сказал, меня как-то обрадовало. Хотя я и понимал, что ничего такого нет. Со стороны Инны. И быть не может.

Это он сделал ложный вывод из того, что она, поинтересовавшись, когда я думаю вернуться из командировки, сказала: «Я тебе утром тогда в воскресенье домой позвоню. Можно?»

Телефон я ей записал. А уж позвонит ли и о чем и как мы с ней будем говорить — не знаю. Но вспоминать Нилыча и его угрозы мне приятно. Как-то тепло и беспричинно-радостно на сердце. Хотя — нечему радоваться. Что я привезу из этого Оляино? Да, скорее всего — ничего хорошего... Для нас обоих...

Перед отъездом Сам беседовал со мной.

— Как и что делать там — ты и сам знаешь. Факты интересные у тебя. Надо теперь их дополнить и разложить по полочкам. Кое-что я тебе на дорожку еще подкину. Вот: первое — Краснов, оказывается, в 1942—1943 годах воевал как раз в тех местах. Выполнял особое задание командования в тылу врага. Их было в разведгруппе человек тридцать. Задание они выполнили. Но к своим вышли только двое. В августе 1943 года. Краснов и еще один. Данные о нем выясняют. За этот рейд все участники были награждены. Большинство посмертно.

Второе. Шварц был взят нашими тоже в августе 1943 года. Маловероятно, чтобы пути их скрещивались, но проверить надо. Остороженько. Местные товарищи тебе помогут. Я просил. Ну, езжай. И, главное, узнай все о Шварце. И о том, что же делал там Краснов в эти три дня. Поподробней. А я пока тут еще кое-что проверю. В понедельник жду.

Итак, у меня впереди трое суток. Не густо. Но и не мало.

Поезд подходит к станции Оляино. Из вагона я выхожу один. Хорошо, что ночь теплая. Можно до утра пересидеть на перроне. Потому что зала ожидания тут нет. Только будка кассы.

Но, к моему удивлению и радости, меня окликают по фамилии. Дежурный старшина.

— Приказано встретить и проводить в леспромхозовскую гостиницу. Номер заказан. Машина ждет.

Вот это сервис. Спасибо Павлу Ивановичу. И местным товарищам. До девяти можно и поспать...

В девять ровно меня будит осторожный стук в дверь. Я вскакиваю, влетаю поспешно в спортивный костюм и говорю: «Войдите». Как я заметил — запоров на дверях тут нет. Живут на взаимном доверии...

— Начальник милиции майор Косолапов, — представляется со-

шедший.— Извините, что разбудил. Но у нас столовая только до девяти. Потом до обеда покушать нигде будет. А сейчас там ждут...

«Не дали поспать — так хоть дадут поесть», — утешаю я себя, одеваясь.

— Помоеетесь тоже в столовой. Тут воды нет. Чинят систему... Могу и в столовой. Мне все едино.

В пустом зале мы сидим одни. Тут чисто, даже уютно. Кормят меня блинами, стаканом сметаны и яичницей. Пока я насыщаюсь, майор сидит рядом и полощется густым по цвету чаем. И вежливо молчит, не мешая мне трапезничать.

— Чем запивать будете? — спрашивает меня, выглядывая с кухни, круглолицая, немного скуластенькая женщина.

— Чайку бы. Покрепче.

Она приносит два стакана крепчайшего чаю.

— Сибирский чифирик, — рекомендует майор. — Галя у нас мастер заваривать.

— Обедать когда гостя приведешь, Сергеевич? — мягко раскатывая «о», спрашивает Галя. — У нас, правда, нынче рыбный день. Ущицу завариваем...

Рыбу я, признаться, терпеть не могу. Во всех видах. Кроме плавающей в речках. И аквариумах. Потому поспешно говорю:

— После такого завтрака до ужина бегать можно. Да и дела, знаете...

— Дела — делами, а обедать все одно надо. Непорядок, — недоброжелательно строго произносит она. — Ты, Сергеевич, давай-ка часа в три приходи. А то они, я чувствую, привыкли по-московски кушать. От зари до зари. У нас — другие порядки. Нечего голодными бегать... — она уносит со стола посуду в кухню. Слышно, как сама ее моет.

— Это вот и есть жена Шварца. Галя, — тихо говорит мне майор. — Соседка моя...

Милиция почти напротив столовой. Мы сидим в кабинете майора и со вкусом покуриваем. Он терпеливо ждет моих вопросов. А я болтаю о погоде. Какая она нынче необыкновенная, теплая стоит. Уже целую неделю... Из окна кабинета видна улица, сейчас совершенно пустынная. Только у домика напротив вялое шевеление: три-четыре фигуры топчутся у крылечка, над которым красуется вывеска: «Закусочная».

— Горячая точка? — киваю я.

— А, это? Да не особенно. У нас обычно тихо. Разве что в дни получки разгуляются. А это — охотники за пивом. Сегодня вроде обещали привезти. Вот — ждут.

Беседа, на его взгляд, входит в профессиональное русло. Поэтому он решается спросить:

— Вы к нам насчет Шварца?

Я поправляю:

— И насчет Шварца тоже...

— Если не секрет — в связи с чем вы им интересуетесь? Не по жалобе ли Курдюмова?

Эту фамилию я впервые слышу.

— А что за жалоба?

— Да есть тут у нас такие. Два брата. Браконьеры отпетые. Володя, то есть Шварц, их тут в лесу опять поймал. С ружьями.

На боровую дичь шли. Отобрал ружья. Они его побить хотели — да где им. Он им маленько накостылял. А ружья нам сдал. Вот они все жалобу грозились на него написать... Это еще до болезни Володи. Вот я и думал...

Я успокаиваю его. Не по жалобе.

— А что же тогда, если не секрет? Не по старому ли делу? — майор, видимо, немного волнуется.

— Какой же может быть секрет от вас. Мы ведь с вами солдаты одного фронта, — шучу я. — А вот к какому делу причастен Шварц — сказать не могу. Сам еще не знаю. Может, и вовсе он ни при чем.

Майор смотрит на меня недоверчиво. Пожимает плечами. Дескать — ваша воля. Не хотите говорить — не надо. Мы службу понимаем.

— Да нет. Я вам, конечно же, все, что сам знаю, расскажу. Но сначала вы меня познакомьте со всем, что у вас есть по Шварцу... Кто он. Что. Как. Ну — все, что у вас есть...

— Та-а-ак, — майор поднимает трубку. — Кузнецов! Это я. Давай-ка со всеми бумагами по Шварцу ко мне. Ничего нет такого? А и не надо. Что есть, тащи. Минут через десять.

Он вешает трубку. Задумчиво смотрит на меня. Потом, видно решив что-то, будто стряхивает оцепенение.

— Ладно. Что у вас есть — не знаю. По Шварцу. Бумаги, какие есть, вам сейчас покажем. А от себя скажу. Я его знаю уже лет пятнадцать. Как он у нас тут появился. Что там у него раньше было — слышал. Может, оно все так и было. И отсидел он не зря. Да он и сам считает — правильно. Подробности я у него не спрашивал. Зачем бередить. А только что ж. Пацаном он тогда был. Мог по глупости. А сейчас — нет. Сейчас он — человек честный. Хороший. На подлость какую не способен. Это я ручаюсь...

Я не перебиваю. Только напоминаю:

— Я же ни в чем его пока и не обвиняю. Не в чем.

— Ну да. «Пока». Но ведь зачем-то он вам понадобился? Значит, сигнал получили. Я, конечно, не знаю. Могли на него чего-нибудь написать. Очень он человек неудобный для кое-каких наших... жуликов, что ли. Даже не жуликов — так, барахла всякого. Не терпит он их — на дух не выносит. Очень уж прямой. Кого на обмане поймает и тут же в лицо правду режет. Не стесняется. Хоть ты и начальник какой. А это не все любят. А его не уймешь. Он в своем деле мастер. Руки золотые. Да и голова не хуже. И живет — не подкопаешься. Что на работе, что в быту, что с людьми. С честными он лучший друг. А болтунов всяких, да подхалимов, тем более жуликов — не выносит. Спуску не дает. Они на него не раз уже жаловались. Все хотят его со свету сжить. Да пока не выходит...

— Значит, хороший, говорите, он человек? — переспрашиваю я.

— Поручиться могу. Я ведь в органах уже двадцать лет. В людях разбираюсь. А еще — соседи мы с ним. Дома рядом. Его жизнь — вся у меня на глазах. Мы, можно сказать, дружим. Почти как родные. Конечно, может, я вам это и зря говорю. Не по службе. Но это так. А по службе, конечно, что надо — говорите. Все сделаем. Сами знаете: дружба — дружбой...

Не знаю почему, но этот майор мне симпатичен. И я ему верю. Хотя бы потому, что ему вовсе не обязательно было бы все это мне говорить. Про дружбу со Шварцем. Не каждый вот так ска-

зал бы о человеке, которым интересуется приезжий следователь прокуратуры. Да еще о человеке с далеко не безупречным прошлым. Для этого одной уверенности мало. Смелость нужна. Даже если он и ошибается, этот майор, в отношении Шварца — человеческого уважения он заслуживает. Другое дело — служебного...

В дверь, постучав, входит молодой еще капитан. Заместитель майора. В руках — тощая папочка. С любопытством смотрит на меня. Майор представляет нас друг другу. И объясняет:

— Товарищ интересуется, что у нас по Шварцу. Владимиру Алексеевичу. В порядке проверки.

Капитан кладет передо мной папочку.

Поясняет:

— Мы собрали что есть. Никаких компроматериалов, за исключением старого, военного дела. Конечно, если надо, можем еще покопать, — он косится на майора. — Но вряд ли чего найдем. Если только у вас что? — осторожно щупает он меня.

— Да нет. Пока ничего. Вот разве — помогите выяснить, что у вас тут делал некто Краснов Андрей Петрович. Был тут в гостях у вас 14—16 марта. Возможно, знакомый Шварца. Со Шварцем о нем говорить пока не надо. И с его женой. С ними я сам поговорю. Когда познакомлюсь. Где бы это сделать потактичней? Без вызовов и повесток?

— А в клубе. Володя уже начал ходить. После болезни. Он еще на бюллетене, но дома сидеть надоело. Так он в клуб ходит. Помогает оформление к празднику делать. Он ведь художник хороший... Сегодня уже с утра там, я видел. И пока жена на обед не загонит — будет там. Рисует чего-то.

Что ж. Вариант удачный. Но до этого я хочу поговорить немного о нем в конторе леспромхоза. Послушать, что о нем скажут другие. Так сказать, народ, руководство и общественность. Маленькая формальность. Но необходимая...

Договорились с майором, что в клуб на свидание со Шварцем он пойдет вместе со мной. Познакомит нас на правах старого друга. Почти родственника. Часа через два.

Через два часа я знал о Шварце не намного больше, чем когда выходил от майора Косолапова. На мои осторожные вопросы о Шварце все отвечали приблизительно одинаково. Слова, по крайней мере, были одинаковые. «Человек хороший. Специалист редкий. Честен. Прямо. Немного замкнут в личной жизни — но человек на людях веселый. Отзывчивый. Резковат иногда — но всегда справедлив. И с подчиненными. И с начальством».

Различия были только в оттенках.

Начальство, повторяя те же слова, в отличие от рядовых работников морщилось, говоря: «Хороший работник. И человек. Но — резковат».

Остальные же подчеркивали: «Резковат бывает. По делу. Но — золотой человек».

И так — все, кого я расспрашивал. Исключение составил только один. Местный профсоюзный деятель. Как выяснилось — бывший главный механик, на место которого прочили Шварца. Беседовал он со мной, когда я ему представился, на полном «серьезе», с сознанием важности момента и своей должности.

Я объяснил, что интересуюсь Шварцем В. А. как членом профсоюза и человеком. Конечно, в пределах того, что известно о нем лично ему, Ивану Константиновичу.

— Это значит, я должен дать на него характеристику? — строго переспросил он.

— Ну, если хотите — да. Только сначала устную. Но может понадобиться и письменная. Потом.

— На него поступили материалы? — осведомился он. — Хотелось бы знать, какие.

Я удовлетворить его интерес отказался, ссылаясь на преждевременность его любопытства. И неуместность.

— Но как же я могу дать характеристику Шварцу, если не знаю, зачем она вам? — искренне удивился он.

Я понял: Иван Константинович из тех, кто не любит делать опрометчивые шаги. И четко определяет свое мнение, только согласовав его с обстоятельствами. Ох, и трудно бывает с такими. Это я уже знаю по опыту. Их точка зрения всегда неколебима. И целиком обоснованна. Беда только, что много у них этих точек зрения. И одно и то же событие или человека они видят «со всех сторон». И осветят так, как это нужно вам. Если вы — начальство. Для моей профессии — это опаснейшие люди. Через их свидетельства добираться до истины бывает труднее, чем при полном отсутствии доказательств. И, по-моему, вреда от них больше, чем пользы. Не только нашему брату. Наверное, всем.

Но они зло, с которым приходится мириться. Ибо они существуют. И их немало — таких Иванов Константиновичей. Лично у меня нет сейчас времени на борьбу с ним как явлением. Поэтому я терпеливо и осторожно объясняю ему, что мне нужно узнать о Шварце. Стараясь при этом уверить его, что прокуратура интересуется не только потенциальными преступниками. Бывает — и хорошие люди становятся объектом нашего внимания.

Но Ивана Константиновича на мякине не проведешь. У него «чутье натерто», как он сам выражается.

— Ясно, что не для наградного списка вам это, — хитро блеснит он глазами, стараясь сделать их пронзительными. Но они у него мутноватые. Да и близорук он, видно. Почувяв, что взор его в душу мне не проник, он цепляет на нос очки и, поглядывая из-под них сурово — так ему хочется, — начинает изобличать Шварца. Он убежден, что Шварц только притворяется хорошим. А что у него за душой — неизвестно. В деле, конечно, разбирается. Даже слишком хорошо. И изобретает. Но, позвольте узнать, как у него это выходит? Вот — с сучкорезкой! Целые институты бились. Какие головы! Доктора, кандидаты наук! А тут вдруг — какой-то Шварц. Самоучка. Раз — и изобрел! И сделал! И работает. А как говорят — сейчас не время одиночек. Сейчас вон целые коллективы ученых двигают науку. И технику. И то с трудом. А тут какой-то Шварц. Он, Иван Константинович, когда еще был его непосредственным руководителем, неодобрительно к этому относился. И даже запрещал Шварцу отвлекаться от насущных нужд производства на всякие авантюры. — Но меня не поддерживали. Хотя я предвидел. Более того. Тут даже после того, как из-за происков Шварца меня пересадили в этот кабинет, пошли слухи о том, что мое место займет этот горе-Кулибин. Но я считаю эти слухи вздорными. Потому, что не говоря уже об авантурном складе характера

Шварца, его тяге к «изобретению велосипедов», надо же помнить — кто такой этот Шварц. Кем он был прежде...

— А кем он был прежде? — интересуюсь я.

От удивления Иван Константинович минут на пять замолк. Снял очки и пристально разглядывал меня.

— Да-а! — тяжело вздохнул он. — Вы же, конечно, войны не помните. Вас, наверное, и на свете-то тогда не было...

Произнесено это было с таким сожалением, что мне стало даже не по себе. Я не понял, сожалел ли он о том, что меня тогда не было на свете, или что я появился... Но отрицать свою очевидную ошибку я не стал. Что же поделаешь. Не все и не всегда рождается вовремя. Как и умирают...

Он перешел на доверительный шепот.

— В войну, пока мы сражались с фашистами в тылу и на фронте, Шварц (не зря фамилия у него немецкая) оставался здесь. В оккупации. И служил немцам.

— Где? Когда? Как? Что и откуда вы про это знаете? Вы тоже были здесь? — перебиваю я его.

— Нет. Что вы. Я сам с Камы. Сюда перевели шесть лет назад. Я попросился поближе к Москве. У меня там дочь с мужем. Он — начальник треста.

— А о Шварце — все это — откуда знаете?

— Так ведь — личное дело. Он даже был судим за это. По моему, десять лет отсидел. Но это можно уточнить.

— Уточним, — говорю я, чтобы не дать ему возможности фантазировать дальше на эту тему. О прошлом Шварца я знаю побольше его. Мне от него не это надо.

— Так вы полагаете, с этим изобретением Шварца — не все чисто?

Вот он — его камень преткновения, его «ахиллесова пята». Идея фикс. Глаза его загораются. Как у kota при виде мыши.

— Вот-вот. Я чувствовал, что это вредная затея. Не может же какой-то механик изобрести то, что и ученым не под силу. Ясно — туфта. А меня не слушали.

— Хорошо, — сухо говорю я. — Мы проверим ваше заявление, товарищ Семенов. Только вам придется все это изложить в письменной форме. И подписать.

Он и глазом не моргнул. Надо — он напишет. И подпишет. А потом в случае чего извинится: «Ошибся. Но из лучших побуждений».

Я спешу прервать нашу беседу. У входа в клуб меня уже поджидает майор.

...Ну вот и все. Закончилась моя командировка. Через час — мой поезд. А пока я сижу в кабинете майора Косолапова и жду разговора с Москвой. Время — половина десятого, 21 час 30 минут, как написали бы в справке телефонисты, если бы я запросил их о времени междугородного разговора, состоявшегося между Олялино и Москвой. Один раз они так и написали. У меня в деле есть такая справка. Был такой «переговор». Тоже в субботу. По тому же московскому телефону. В квартиру Красновых. Только тогда заказывал разговор Краснов А. П. И было это в марте. А сейчас — конец апреля. И говорить буду я. Печальное совпадение — и только... Хотя не совсем.

Теперь, когда я точно знаю, зачем приезжал сюда Краснов и что он здесь делал, меня такие совпадения не удивляют. Ведь мы оба приезжали сюда за одним и тем же. И делали почти одно и то же. Только с разными результатами. Мы оба приезжали узнать все о Шварце. Оба сомневались — то ли это лицо, которое мы ищем. Оба узнали о нем все, что можно было узнать. Я — больше его. Он — меньше.

Потому что ему не удалось увидеться и поговорить с самим Шварцем. Он пытался — это точно. Но не получилось... Видимо, к несчастью. Хотя не знаю...

Но и того, что он узнал, оказалось достаточно для него. Так, по крайней мере, решил он... И тут уж ничего не поделаешь.

Я узнал больше — но мне этого недостаточно. Вот поэтому я и звоню Инне. По межгороду. И еще потому, что мне хочется услышать ее голос. А может, и наоборот. Звонок этот — глупость. Надо бы обойтись без него. Но я уже заказал Москву — и теперь терпеливо жду. И неторопливо обмениваюсь с не по-служебному грустным Косолаповым одним нам понятными фразами. Он — отличный мужик. И мне приятно, что он со мной на «ты».

— Да-а... Шварцу я верю. Такое не выдумашь... — задумчиво говорит он, — но чем ему помочь?

Я Шварцу тоже верю. И тоже не знаю, чем ему можно теперь помочь.

— Зря он это — застрелился. Нехорошо получилось... — рассуждает Тихон Сергеевич.

Конечно, зря. И получилось — хуже некуда. Он не должен был так поступать. Права не имел. Краснов А. П. Но с него теперь какой спрос? Спрос с меня. А я не вижу, как исправить эту его ошибку. Есть у меня одна маленькая надежда. Крохотная. Ее даже надеждой не назовешь. Так. Мимолетная мысль. Почти мираж.

Поэтому я и звоню Инне.

— Интересно, он пришел бы к Шварцам, если бы Володя не лежал в больнице? Как думаешь? — спрашивает майор.

Я точно знаю — пришел бы. Но я сейчас думаю о другом. О том, что я, кажется, докопался до истины. Но доказать этого не могу. И смогу ли?

Протяжный звонок перебивает нас. Сергеич снимает трубку: — Слушаю.

Передает ее мне. И деликатно выходит из кабинета, сказав:

— Я в дежурке. Проверить надо.

Чудак. Секретов нет. Интима тоже не будет.

У телефона Инна.

— А я догадалась, что это ты. Когда возвращаешься? Очень хочу увидеть.

Я прерываю ее, понимая, что все это говорится скорее для мамы, чем для меня.

— Я приеду завтра. А пока у меня такой вопрос: не было ли на имя отца каких-либо официальных писем? В последнее время. Очень прошу поискать. Позвоню завтра днем из дома.

— Что... там? — полушепотом спрашивает Инна.

— Ничего особенного. Приеду — расскажу. Буду рад увидаться. Привет Нилычу. И маме. До завтра.

Я вешаю трубку. Потом снимаю ее и прошу девушку с междугородки:

— Нельзя ли сразу дать и другой номер?

Она дает. Это — мой домашний. Сегодня ведь тоже хоккей. И вся компания, конечно же, сидит у цветного телевизора. Трубку берет Маркелыч. Странно — и как это он оторвался от экрана? Перерыв там, что ли?

— Это ты? Ну чего? Деньги кончились? Нет? Так чего звонишь? Не знаешь, что ли, хоккей! Наши проигрывают. — Потом в трубке раздается многоголосый рев. И так — с минуту. Девушка со станции недоуменно спрашивает:

— Говорите?

— Говорим, говорим, — слышу я. Это уже голос Женьки. — Маркелыч тут в истерике катается. Наши еще шайбу пропустили. Из-за тебя, он считает. Когда вернешься?

Я объясняю, что в четыре утра приходит поезд.

— Другого для тебя не было? — недовольно осведомляется он. — Разбудишь всех ни свет ни заря.

Так. Уходить они, конечно, не намерены...

— Ну ладно. Поесть мы тебе оставим. На большее не рассчитывай. С собой вези. Деньги-то есть? А то бери такси — выкупим. Ну, пока.

Ну что же. Домой теперь я попаду беспрепятственно. Пора и на вокзал...

...Билет майор взял мне в купейный вагон. Надо бы вздремнуть... Но какой там сон. Все-таки у меня слишком богатое воображение.

Мы познакомились со Шварцем в тот самый первый день моего пребывания в Олялино. Косолапов привел меня в клуб. В пустом фойе на разграфленном квадратами полотне, занявшем почти половину пола, лежал человек и закрашивал эти квадратики разными красками, время от времени заглядывая в эскиз яркого плаката, срисованного с какого-то журнала. Я этот плакат, кажется, где-то видел. А вот в каком журнале — не помню.

— Володя! Владимир Алексеевич! — позвал Косолапов. Художник обернулся к нам. — К тебе тут товарищ из Москвы...

Художник посмотрел на нас. Потом заглянул в ведро с краской. Почему-то насунился. Сухощавое лицо его, не по сезону загоревшее, как мне показалось, отразило секундное замешательство. Он макнул кисть в ведро, достал ее, оглядел и повернулся к нам.

— У вас очень срочное ко мне дело? Минут десять можете подождать, а? А то краска засохнет, а по новой разводить — целая морочка. Могут не успеть сделать плакат. А обещал. Подождете?

Я и сам-то не знаю — срочное ли у меня дело к нему... Поэтому киваю головой:

— Работайте. Мы на крылечке покурим...

К нам он вышел минут через двадцать, уже переодетый, умытый. Представился, смущенно и виновато улыбаясь:

— Шварц Владимир Алексеевич, инженер. А сейчас, по случаю болезни, художник-общественник. Уж извините за задержку. Слушаю вас.

Я сообщил, кто я и почему здесь. Признаюсь, при этом следил за его лицом. Что подделаешь! И мы, юристы, читаем детективные романы. И хоть подсмеиваемся над ними в своем кругу, но кое-какой след от чтения их все же остается, видимо.

Не скажу, чтобы взгляд мой был пронзительным. И сразу насквозь увидеть, что за человек передо мной, мне в тот раз не удалось. На классического детектива не тяну, наверное. Но заметить, что лицо моего нового знакомого как-то вроде построжало, — я все-таки заметил.

— По поводу Краснова? — переспросил он. — А что же он сам не приехал? Вроде — хотел увидаться. Как мне передавали — даже очень.

Для меня это было уже кое-что. Значит, знает он Краснова? И ждал его приезда?

Но превращать наш первый разговор и знакомство в официальный допрос я не тороплюсь. Тут же на крылечке в присутствии Косолапова показываю Шварцу фотографию покойного и спрашиваю:

— Знакомы?

Тот берет ее. Внимательно разглядывает. Потом, возвращая мне, говорит задумчиво:

— По правде, и не знаю... То есть видел я его раз. По телевизору он выступал. Даже письмо ему написал тогда. Потом, жена рассказывала, приезжал он к нам. С месяц назад. Повидаться не удалось. Болел я. В больницу ко мне его не пустили... Жене моей он сказал, что хотел бы со мной встретиться. Адрес оставил. Да вот пока еще меня дальше околицы доктора не пускают. И жена. Так что лично познакомиться пока не довелось. Но, надеюсь, познакомимся. Очень для меня это важно. Потому что похож он очень на одного человека. Правда, лет-то прошло уже больше трех десятков. А все ж, вдруг это он? — вроде бы спрашивает Шварц у меня.

Ну, вот. К старым загадкам прибавляются новые. Но хорошо хоть прибавляются. Есть что разгадывать.

— Ну, а поподробней можно? — говорю я. — Может быть, потом я и сам вам что-либо смогу рассказать. А пока, уж извините, я буду спрашивать.

— Поподробней можно. Но это длинная история. Да и не то беда! Рассказать-то я вам все расскажу. А вот подтвердить — что было так, а что не так — и сам не смогу. И никто не сможет. Кроме него — если только это он.

Шварц смотрит на меня пристально и прямо. Глаза у него серые, глубокие. Очень спокойные и... печальные, что ли? Или усталые? Не пойму. Но взгляд их не утомителен. В них нет надсадности. Скорее — мягкие, добрые даже глаза. Что-то мне в них нравится. Я даже начинаю сердиться. И на них. И на себя. Не хватало еще — определять свое отношение к свидетелю по его глазам...

— Давайте-ка присядем где-нибудь тут и поговорим поподробней, — произношу я сухо. Почти официально. — Вы, товарищ майор, можете идти. Я к вам, как и договорились, зайду к обеду.

Косолапов уходит. А мы начинаем наш долгий-долгий разговор. Сначала прямо тут, в клубе. А потом — в разных других местах.

В присутствии разных людей. И так: один на один. От всех этих разговоров, и от других тоже, которые вел я в Оляино, у меня в портфеле, что лежит сейчас под головой на жесткой полке купейного вагона, остались протоколы допросов свидетелей. В них — суть. Выжимки. Факты. Словом — то, что остается в протоколах после допросов. Соответствующим языком изложено. И скреплено личной подписью свидетелей. Эмоций в них нет. Или почти нет. Они все остались за протоколами. Во мне. И они-то и не дают мне спать. Прав Сам. Вместо голых фактов передо мной целые картинки. Я живо представляю, как это было. То, что я узнал...

...Кончался 1941 год. В тылу у немцев вот уже почти два месяца пришибленные, придавленные оккупацией исконные русские земли. Они не покорились. Нет. Спокойно немцам на этой земле не было. Не бывает спокойно на этой земле захватчикам. В каждой деревушке могли они ожидать смерть. А потому держали в них целые гарнизоны. Тем самым распыляя свои силы. Но в Коромыслове — до войны глухой и дальней от дорог деревеньки на берегу лесистой речушки Лучесы — немцев не было.

В сорок первом они даже и не заглянули в нее. Она осталась в их тылу, незамеченная, не тронутая войной. Мужики — душ сорок — ушли по мобилизации в армию. А бабы и старики остались с детьми дожидаться их — и продолжать свое крестьянское дело. И так и не знали, что они уже «под немцами», когда вознамерились по установившейся зимней дороге — в осеннюю непогоду по болотистым лесам из деревеньки и не выедешь — отправить обоз с подарками для воюющих где-то мужиков.

Радио в то время на селе не было. Собрали на десяти подводах хлеб и сало, полушубки и скатанные в каждой избе по паре, да чтоб размером побольше, валенки. Отрядили деда Антипа Шварцева в начальники обоза. У него еще с той войны в сундуке сохранились два Георгия, которые он и нацепил прямо на свой дряхлый тулуп. Деда — для представительности. Для «ума» ему в помощь выделили молодую и разбитную солдатку Катерину Шварцеву, комсомолку, которая раньше, то есть до войны, бывала даже в Москве — не то, что в районе. В деревне почти пополам жили две фамилии: Шварцевы и Шварцы. Чтобы не обижать вторую половину населения, в ездовые определили двух баб — Шварцев. И Володьку Шварца — сына ушедшего на фронт председателя сельсовета.

Володя рассказывал об этом обозе еще в первый день нашего знакомства. Все-таки я удержался тогда от официального тона. И потому, наверное, Володя довольно легко превратился в рассказчика, а я — в слушателя. Рассказывал он подробно. Словно прочитывал книгу о собственной жизни. Наверное, он не раз и не два все это вспоминал. Жило это в нем. Но вот так выплескивал он эту свою жизнь постороннему человеку впервые. Мне просто повезло. Видимо — это надежда на Краснова, на то, что он сможет помочь ему, пробудили у Володи эти воспоминания, которые он десятилетиями таил в себе. Он их не раз, наверное, переживал и во-

становливал в эти последние два месяца — с тех пор, как отправил письмо Краснову...

Голос у него глуховатый. Привычка смотреть в глаза собеседнику вначале даже как-то смущала меня. Но уж больно живые они у него, глаза. И они рассказывают не меньше, чем голос. В них — то боль. То лукавинки. То ненависть. То надежда. Они помогают мне слушать. Понимать. Верить. Хотя и мешают иногда вести протокол. И перебивать его вопросами...

— Тогда деревенские пацаны завидовали мне. Но понимали мои преимущества. Во-первых, председателев сын. Во-вторых, я уже тогда умел рисовать всякие картинки и плакаты. Отец меня к этому приучил. Я у него и за художника при сельсовете был. И за писаря. Он перед каждым праздником привозил краски и материю. И мы с ним на пару рисовали лозунги. Или еще чего, для клуба и сельсовета. В тот раз, для обоза, я помню, тоже нарисовал всякие там транспаранты и плакаты. Старался очень. Помню, деду Антипу по его просьбе и подсказке нарисовал фрица, проткнутого штыком. А на моих санях был плакат: красноармеец кулаком расшибает немецкий танк. Красноармейца я рисовал по фотографии своего дядки Ивана Шварца. Тот силен был.

Иван — танк-не танк, а быка одним ударом пришибить мог. Был такой случай в устной летописи села. Кузнец был матерый.

Вроде и посдавали все, согласно приказу, огнестрельное оружие вместе с приемниками. Отец еще перед уходом на фронт со мной обходил избы: предупреждал о сдаче. Ружей-то в каждой избе до войны было хоть по одному: места-то лесные, глухие. Но когда обоз тронулся с места поутру, скрипя полозьями по белому первопутку, и дед Антип, и я, и даже Катерина приладили к передку ружьишки. И опоясались патронташами.

Приказ — приказом — его, конечно, выполнили, отдав, что получше. Но кое-что все ж припрятали. От волков. Да и вообще: время-то военное. Тревожное. Русский крестьянин — припасливый.

До ближайшей деревни — а это как раз и был райцентр — проехали лесом верст тридцать. И ни души не увидели.

Даже следа человеческого за весь путь не было. Видно, не до леса людям. Война. И где-то она сейчас идет — обсуждали между собой. Последние вести получили еще в конце сентября — до дождей. Немец пер аж на Смоленск. Но вроде там его остановили. Да и понимать так надо, что должны были остановить. Куда ж его дальше-то пускать?

На местный большак — грунтовую дорогу — выбрались в километре от районной околицы. Большак весь был изъезжен гусеницами.

— Ишь, разбаловались, — ворчал дед Антип. — На тракторах по большаку ездить стали. Всю колею искорежили.

— Дак ведь это ж от танков, — догадалась Катерина. — Должно быть — часть какая-то проехала. Может, еще в райцентре и увидим. Давай скорее погоняй. Садись, бабы, по возам. Хватит калечить!

Расселись каждый в свои сани. Лошадок подхлестываем.

Поехали скорее.

— Бабы, а вдруг и мой Андрюха тут? — размечталась на весь лес Катерина. Андрюха был трактористом и вполне мог попасть на танк.

Дорога делала крутой зигзаг у Лучесы — и вдоль ее берега

вырывалась из лесу прямо у первых изб. Но их не было — изб. На месте их торчали обугленными пенками полуразвалившиеся от огня печи. Без стен. Без крыш. Черные тени на белом снегу...

— Батюшки! Да у них, никак, пожар был,— изумился дед Антип и спрыгнул с саней. И только тут заметили, что к ним, зло ухмыляясь, с трех сторон подходят какие-то люди в незнакомых длиннющих шинелях, держа перед собой направленные на них короткие ружья со странными рожками снизу.

— Немцы,— первой догадалась Катерина и, выхватив из передка ружье, переломила его, чтобы зарядить картечью.

Дед Антип, видно, свое зарядил раньше. Потому что Володька, шедший за санями Катерины, почти одновременно услышал оклик: «Хенде хох! Хальт!» И выстрел дедовской берданки.

— Тикайте! — заорал дед. И тут же ударили из автоматов.

Я шарахнулся в сторону, споткнулся и полетел в кювет.

Это, видимо, и спасло...

Стрельба стихла так же быстро и внезапно, как и началась. И почти в тот же миг кто-то больно ударил меня ногой в бок. «Ауфштейн» — услышал я. И выпростал лицо из сугроба. Надо мной, чуть раскачиваясь на носках, стоял здоровенный солдат в пилотке, натянутой на уши. Не дожидаясь, пока я поднимусь, солдат одной рукой взял меня за воротник шубы и легко, рывком, приподнял над землей. Забросив автомат за плечо, обыскал карманы. Ничего в них не найдя, осклабился и, встряхнув как куль с картошкой, поставил на ноги.

— Комм,— солдат ткнул меня коленом под зад. Я снова упал в снег лицом. Вокруг заржали чужие голоса: «Ну, ну, вставай. Иди»,— почти добродушно сказал солдат. Я встал. «Туда — марш!» — показал рукой на телегу деда Антипа солдат.

У телеги, придерживая под уздцы лошадь, стояли другие солдаты и, что-то лопоча по-своему, разглядывали лежащего на снегу деда. Удары пуль опрокинули его навзничь. Лицо так и застыло в удивлении и порыве что-то сделать. Но — не успел дед. Судя по всему, его дробь никого не задела. Один из солдат поднял его берданку. Осмотрел. Что-то сказал и, хохоча, забросил ее на вель. Она застряла в густых лапах. Потом солдат нагнулся над телом и, достав ножик, отрезал вместе с лоскутом шубы дедовские кресты. Положил в карман. Меня это почему-то потрясло даже больше, чем все, только что происшедшее здесь. До сих пор мне было обидно. У нас с последним кутенком так не обращались, как они со мной. А тут вдруг стало страшно. Я заплакал.

— О-о! Кляйне киндер! — вроде бы удивился немец. — Садись! — он посадил меня на дедовский воз и сунул в руки вожжи.

— Но-о! — он причмокнул губами. — Поехалы!

Лошадь послушно тронулась с места. Володька оглянулся. На остальные возы уже уселись с хохотом солдаты — и обоз поехал по сожженной улице села. Сзади, на снегу, в разных позах застыли четыре тела: деда и троих женщин...

— Я тогда думал — они все мертвые, — тяжело вздохнув, сказал Шварц. Я, честно говоря, после его рассказа тоже был уверен, что живых из того обоза, после встречи с немецкими автоматчиками, кроме Володи, остаться не могло. Поэтому удивился вслух:

— А что, кто-то еще уцелел?

Володя усмехнулся. Глаза на миг потеплели. В них вроде бы пробежали синие искорки.

— Уцелела Катерина. Тетка моя. Комсомолка наша, коромысловская. Ранило ее тогда. А потом — очнулась. Уползла к хуторам — это верст двадцать ползла. Как Маресьев. Подобрали ее потом. Поправилась. Ничего. И сейчас по селу бегают, как молодая. Что жива осталась, я еще во время оккупации узнал. Приходила она за мной. Все звала сбежать из штаба этого. Да не мог я тогда...

— Ну, а сейчас-то она где?

— Как — где? Тут рядом со мной живет. Я, как вернулся, помог ей избу поставить. Она же одна осталась. Кроме меня да ее — никого ведь из Коромыслова не уцелело. Все в войну сгинули. Кто на фронте. Кто дома. Так что мы уж так друг за дружку и держимся. Она мне с пацанами помогает — с женой-то мы оба работаем. Я ей — чего по хозяйству. Она — бабка еще хоть куда...

— Ну, ладно. С ней вы меня познакомите. А теперь, если не очень устали, рассказывайте, что дальше было. Когда вас немцы забрали...

— Дальше, — Володя задумался. — Дальше поехали мы в село. В бывший райцентр. Спалили его немцы начисто... Оно им было не нужно. Жителей, кто уцелел, разогнали по окрестным деревням. Сохранились лишь строения бывшей барской усадьбы, стоящей в стороне, в лесу. До войны тут была райбольница. Теперь здесь располагался какой-то немецкий штаб. Видимо — особенно важный. Потому что население было все изгнано. А вокруг — усиленная охрана.

Обоз пригнали в усадьбу. Встречать его вышли на крыльцо какие-то офицеры. Они разглядывали мои плакаты — и хохотали, тыча в них пальцами. Им было страшно весело. Кто-то уже щелкал фотоаппаратом. Немец, который срезал дедушкины кресты, что-то доложил высокому улыбающемуся офицеру.

Тот поманил меня пальцем:

— Комм хир!

— Иди туда! — подтолкнул в бок солдат.

— Ты кто есть? — на довольно правильном русском языке спросил офицер. — Не плакай. Говори: кто ты есть? Как твоя фамилия?

— Шварц...

— Как? — переспросил немец удивленно.

— Шварц Володя.

— Немец? — еще больше удивился офицер. — Почему Шварц?

Вопрос показался мне таким глупым, что я даже перестал плакать.

— Какой немец! Русский я! У нас все Шварцы!

— Русский Шварц! — расхохотался офицер. И что-то пояснил стоящим рядом. Те тоже захохотали.

— А я — немецкий Шварц. Смешно?

Мне смешно не было. Насмевшись, немец вдруг сказал:

— Русский Шварц — это глупо. Но смешно. Кто это рисовал? — он кивнул на плакаты. Мне было уже все равно. Ответил ему:

— Я.

— Ты? О-о! Шварц — Рембрандт. Знаешь, кто есть Рембрандт? Я не знал...

— Но ты вот там правильно рисовал, — он показал рукой на плакат, где дядя Иван крушил кулаком танк. — У Ивана нечем бить наши танки, только кулаком!

Он опять что-то сказал немцам. Те с любопытством оглядывали плакат и меня — и ржали.

«И откуда этот длинный узнал, что это дядя Иван!» — удивился я.

— Ну, вот что, русский Шварц. Тебе повезло. Тебя надо бы расстрелять. Но ты мне нравишься. Будешь работать на кухне. Колоть дрова. Топить печи. Не воровать. Не разговаривать. Иначе — сразу смерть.

Так оказался Володька Шварц на службе у немцев...

Немцы не простили односельчанам Володьки красного обоза. А может, просто, с их точки зрения, это был непорядок — что где-то есть деревня, в которую еще не дошла их власть. И война. Они снарядили целую карательную экспедицию — и сожгли всю деревню, перебив население.

— Больше нет русских Шварцев, — сказал Володьке улыбочивый офицер. — Это был абсурд. Есть только ты. Но ты — не Шварц. Ты — Швайн. Свинья. Поэтому ты жив...

Прошла зима. Володька исполнял при штабе всю черную работу. И горел ненавистью.

— Ох, как я их ненавидел! Особенно этого полковника Шварца. Хотя он-то почти и не бил меня. Били солдаты. Особенно — его денщик, у которого я был на побегушках. Бил за всякую провинность: не так дрова поколол, воды мало натаскал, не так поглядел на него. За то, что плохо понимал его лай. Это он называл «урок-ком». А себя велел звать «Герр Лерер» — учитель. Обычно после обеда он выходил на крыльцо и звал меня. Я должен был натаскать к этому времени охапку прутьев толщиной в палец. На представление собирались солдаты. Сам полковник, если бывал свободен, садился у окна и с интересом следил за нами. Курт — так звали эту скотину — тыкал пальцем в какой-нибудь предмет — и называл его по-немецки. Я должен был повторять. За первую ошибку полагалось три удара — по голой спине: он заставлял меня раздеваться. За повторную — в два раза больше. Если я долго не ошибался — а вколотил-таки он в меня этот проклятый язык, — он начинал злиться. Полковник хохотал, кричал из окна: «Гут!», — а потом произносил целую фразу — громко и звучно. «Переведи!» — требовал Курт, почтительно выслушав полковника. Я не мог. Тогда полковник сам переводил. Он хорошо говорил по-русски. Это были стихи Гёте. Полковник очень любил Гёте. А я его возненавидел на всю жизнь. Курт считал количество слов.

— Ну вот, Курт! Теперь ты вправе высечь этого неуча, как сидорову козу, — заklучал полковник под хохот солдатни. — И добавить ему за неуважение к великому Гёте!

— ...И доставалось мне за этого Гёте! — Шварц передернул плечами. Мы стояли с ним на лесной опушке перед огромной, заросшей редколесьем и кустарниками ежевики поляной. Из-под первых нежных листьев кустарника проглядывала многолетняя гарь — промытая дождями, присыпанная кое-где прошлогодней жухлой листвой. — Тут вот и была когда-то усадьба, в которой стоял тот немецкий штаб.

Потом огонь выжег и усадьбу, и лес вокруг. И остался на теле леса огромный лишай. Их много, оказывается, еще сохранилось в этих местах — таких лишаях — зарубок на теле векового леса. На

их месте были когда-то деревни. Усадьбы. Жизнь была. Война выжгла.

— Где люди живы остались — там снова обстроились. Опять деревни стоят. А где так-то вот, — Шварц кивнул на поляну, — значит, некому было восстанавливать. С людьми вместе война все выжгла...

За два дня, что я провел у Шварца, много он мне показал и рассказал такого, о чем я, сказать по правде, и не знал. То есть знал, конечно. Слышал. Из газет. Из книг. В кино видел. Но, как, наверное, для всех нас, кто родился после войны — она все же воспринималась нами как событие историческое. Далекое. Вне нашей жизни. А тут столкнулся с ней лоб в лоб. И не как с историей минувшей. А как с причиной сегодняшних событий, в которых мне надлежит разобратся. Вовсе не так уж она далека от нас, эта война, если и спустя столько лет влияет на судьбы людские. Даже на жизни. По тому, что я узнал здесь, в Олялино, очень может быть, что выстрел там, на даче, связан с войной. И смерть Краснова пришла из тех лет.

Всякие мысли и картинки лезут в голову. Мешают спать. И перестук колес, под который, говорят, хорошо засыпается, для меня сливается в четкий, ритмичный и раздражающий гомон чьих-то голосов: «По-че-му? По-че-му?»

Заснуть не удастся. Я сползаю с полки, с трудом нахожу свои ботинки в крошечной тьме, потихоньку приоткрыв дверь, вылезаю в тамбур. Закуриваю. И, глядя в слепую чернь за окном, думаю: «Почему?»

Теперь я, пожалуй, знаю, зачем приезжал сюда покойный. Знаю и что было в письме. Оно у меня — это письмо. Покойный оставил его жене Шварца, когда уезжал. Оно было написано Шварцем только на одной стороне листа. На другой Андрей Петрович записал свой домашний адрес и номер телефона — и отдал Гале, сказал: «Когда муж поправится, пусть напишет мне. Или позвонит. Нам обязательно надо увидеться». А в письме, которое было отправлено, оказывается, в адрес московского телецентра, а уж от туда попало к покойному, рукой Шварца было написано:

«Уважаемая редакция! В среду, 5 марта, в вашей передаче «Наука — сегодня» выступал Андрей Петрович Краснов. Может быть, я и ошибаюсь, но он очень похож на командира того отряда, с которым я вместе переходил линию фронта в августе 1943 года после выполнения трудного задания в тылу у фашистов. Тогда я был совсем парнишкой. Было это под Ржевом, в Олялинских лесах. Нас тогда всего трое осталось от отряда в сорок человек. Но при переходе и мы потерялись. И больше не виделись. А. П. Краснов, который так здорово рассказывал об открытии алмазов, очень похож на моего командира. Того тоже звали Андреем. Если это он — очень прошу связать меня с ним, ибо это мне крайне важно — найти хоть кого-нибудь из нашего отряда. Если можно, перешлите ему мое письмо. Может, он вспомнит Володьку из немецкого штаба?.. Он еще хотел отправить меня самолетом через фронт, а я убежал. Прилагаю к сему свой адрес. Остаюсь с надеждой — Владимир Шварц».

Вот оно как бывает в жизни. Через тридцать лет после войны человек, может, впервые в жизни выступил по телевидению. А другой его узнал. И — вот...

А что — вот? Что?

«...Поменьше воображения, побольше фактов. И помни — даже факты, если они не закреплены, это еще не доказательства. А ты обязан оперировать доказательствами. И только ими», — напутствовал меня Павел Иванович. Послезавтра, с утра, я могу вывалить ему кучу фактов. А вот доказательства... с этим хуже. И то, что я сам в эти факты верю, старика не смягчит, когда он начнет снимать с меня стружку за чувствительный рассказ о поездке.

«Ваши собственные впечатления можете заносить в личный дневник. Хотя, как все современные лентяи, вы его не ведете», — скажет он. Сам уже не раз излагал мне свои мысли о моей впечатлительности. — «Давайте только то, что я не могу опровергнуть. Доказательства!»

Так. Ладно. До Москвы еще часа три-четыре. Спать расхотелось: мешает впечатлительность. Завидую толстокожим. Маркелычу, например. Тот, вернувшись из рейса на Кавказ, в котором чуть не свернул себе шею, пришел ко мне, сказал: «Ну, брат, такого еще со мной не было. Чудом жив остался! — и тут же добавил. — Я у тебя пересплю до вечера. Придешь с работы — разбуди. Мои, видно, на дачу укатили...» И все. И спал, как сурок, до моего прихода. Когда я его растолкал и стал расспрашивать о поездке, он отмахнулся: «Да чуть не гробанулся из-за одного психа. Кавказ? Дорога — муть. Но нервы щекочет. Дай пожевать чего-нибудь».

И все эмоции. Ну да хватит. Займемся фактами...

Тогда в первый же вечер я побывал у Шварца дома. Вместе с Косолаповым ели пельмени, которые ухитрилась сделать все-таки жена Володи, Галя. За то время, что мы, мужики, по ее команде таскали воду для полива огурцов из колодца в бочку на огороде. А затем с азартом резались в футбол на поляне перед домом, играя втроем против целого кагала деревенских мальцов, возглавляемых отпрысками Шварца и Косолапова. Особого почтения к старшим и даже к собственным отцам мальцы не проявляли. Обыграли нас с астрономическим счетом. Мы уже давно хотели сдаться, но мальчишки желали сражаться дальше. Выручила нас Галя. Высокая, с округлыми чертами лица и мягким распевным голосом, характером она обладает довольно властным и решительным. И ей беспрекословно подчинились не только мы, взрослые, но и ребята.

— Прошу мыться, и к столу! А вы, мелюзга, идите к тётке Кате. Она вас ждет...

В столовой, как, впрочем, и в других комнатах у Шварцев, где я побывал, на стенах висело много картин. Копии работ Левитана, Шишкина и даже Куинджи. И несколько пейзажей, мне неизвестных.

— Володины работы, — шепнул мне Косолапов. — Талант у человека. Любит это дело он...

Талант-не талант, судить не могу. Но картины неплохие, на мой взгляд. К началу ужина пришли еще две женщины: жена Косолапова, с которой он меня познакомил днем, — тихая, даже какая-то робкая брюнетка. И еще одна — уже пожилая, очень подвижная и неумная тетя Катя. Та самая, ради которой я и пришел сегодня сюда. Единственная уцелевшая односельчанка Шварца.

— Я всю ораву к себе загнала. Вчера квасу наварила — окрошку им сделала. Сидят, трескают. Ты им потом пельмешек занеси,

Гая. А то ведь сюда припрут, покоя не будет. Еще конфет я в магазине взяла — в сенях спрятала. Сказала: найдете — лопаите. Теперь при деле — ищут. Ну, будем знакомы. Мне Володька про вас говорил. Катерина Шварцева. Тут все тетей Катей зовут. И ты можешь! — она вытерла руку о подол юбки и протянула мне. Рука твердая, в мозолях, но еще сильная. — Мы с тобой что: секретничать будем или как? — она сразу брала быка за рога. И видно: ей самой любопытно донельзя — чего от нее надо приезжему начальнику. С такими свидетелями поди — выработай тактику допроса.

— Да уж чего секретничать. Тут все свои люди. Чего надо — спрашивай. Врать не буду. Не приучена, — она и рта мне раскрыть не дает. — Я вот с тобой рядом сяду. А вы — давайте делом занимайтесь. Ешьте, пейте, мы вам не помеха. Но и про нас не забывайте. Мы, чать, тоже гости, — командовала она, усаживаясь рядом со мной.

— Ты бы, тетя Катя, поесть сперва человеку дала, — попробовала было вмешаться Гая.

— А чем я ему мешаю? Кушай, дорогой. А я тебе, чего надо, рассказывать буду. Ты только скажи, чем интересуешься. Я, знаешь, какая памятливая. Про все помню.

Что она памятливая, я очень скоро убедился. И что врать она не приучена — тоже. Все-таки мне удалось сначала поесть вместе со всеми, слушая ее болтовню обо всем и обо всех. Незлобивая болтовня. Даже добрая. Худого слова ни о ком тетя Катя не сказала. Но сыпала словами этими обо всех и о каждом с такой легкостью, что я уже перестал отличать — о ком и о чем она сейчас рассказывает. И хорошо это или плохо?

Все-таки толком поговорить с ней мне удалось только тогда, когда мы вышли с ней в сад и устроились вдвоем на лавочке под яблонями. Забавная тетка. И узнал я от нее немало. В том числе — и про нее саму. Прежде всего то, что она уже давала показания о Шварце. Тогда. Вскоре после освобождения.

— Тогда в погонах ко мне приезжал один. Постарше тебя был. Тоже о Володе все расспрашивал. Очень строгий был. Грозил даже статьей мне какой-то, если чего утаю. А чего мне утаивать? Я как тогда сказала, так и теперь повторю. Володька — он парень хороший. Только несчастный. Отец, мать — все погибли тогда. Из родных — я у него одна осталась-то. Чего с него за те дела спрашивать — ему лет-то было, когда нас немец забрал, меньше, чем его Сережке сейчас. Я постарше была, а и то жуть берет, как вспомню, как немец в нас стрелял. Я-то уползла после. А его в плен взяли. При штабе каком-то он и работал. Чего делал — не знаю. Но раз немец его не забил до смерти, значит, приказы их исполнял. А как не исполнишь? Малец ведь...

Я тогда от раны-то на хуторах оклемалась, спасибо тетке Агафье, выходила меня, царство ей небесное, узнала, что немец спалил наше Коромыслово. И всех извредил, проклятуший. Тогда там, на хуторах, кто-то слух пустил, что Володька наш немца-то навел. Я не поверила. А сомнения остались. Уж я следующее лето-то даже тайком к этому штабу пробралась. В лесочке рядом несколько дней караулила. Укараулила Володьку-то. Его какой-то офицер немецкий вроде как усыновил, что ли. Люди говорили, от смерти его этот офицер спас. Сжечь его ироды хотели. Он не дал. Вот, я так понимаю, Володька через это и привязался к своему офицеру. Гулять с ним даже в лес ходил. Картинки вместе рисовали. Я, однако, ука-

раулила, когда Володька один в лесу остался. Вышла к нему. Он ко мне кинулся. Плачет. Обнимает. Я говорю: «Бежим, Володька, на хутора, там спрячут». А он... «Не могу,— говорит.— Нельзя мне убежать». Я уж его и так, и этак. Силком увести хотела. Ведь это же не дело — наш мальчонка с немцами чтобы жил... Так он вырвался — и убежал. Не пошел со мной. Уж я на него рассердилась, ужас. А что сделаешь? Видно, прикипел он к немцу-то этому, спасителю. Глупый был. Ребенок почти что. На ласку податливый. Оно, конечно, тот дядька, что меня допрашивал, кричал: «Изменщик он!» Я уж и не знаю... Всегда ведь хороший был. И семьи лишился. И всего. Конечно, зря он тогда со мной не ушел. А так, видишь ты, как обернулось. Изменщик, сказали. И посадили. Почитай, лет пятнадцать про него и слуху-то не было. А сейчас — ничего. Выправился. Опять хороший стал. И ко мне — добрый. Отзывчивый.

Я смотрю на нее. Неяркий свет от лампы у крыльца сглаживает морщинки на ее лице, делает его мягким, трогательно добрым. У нее, как и у Володи, тоже серые глаза. Только у нее они глубже. И в них больше какого-то безмятежного сияния. Или пустоты?

— И все это вы тогда и рассказали следователю? — спрашиваю я. Она почти радостно кивает головой. Похоже, даже гордится своей памятью.

— Слово в слово. Как все было.

Я иду дальше. Хотя ни мой вопрос, ни ее ответ для протокола не нужны.

— А Володя знает?

Она удивляется.

— Про что? Про допрос? А чего ж. Я ему и рассказала.

— Ну, и что он?

— А что? Ничего. Не обижается. Чего ему на правду-то обижаться.

Я вот сейчас вспоминаю эти ее слова и думаю: точно. На правду чего обижаться? И кто на нее обижается? За нее разве что страдают. Случается... Ведь эта героическая тетя Катя, сама доброта, сказав когда-то свою правду, усадила собственного племянника, единственного в мире родного человека, на много лет за решетку. И не сомневается в своей правоте. Но это я сейчас так думаю. Когда уже позади эти три дня командировки. А тогда — тогда у меня только прибавилось сомнений. И вопросов к Шварцу. И я их задавал ему. И получал ответы. Часть из них — в протоколах. А часть, и большая, вертится в голове. И не дает мне уснуть.

Так что там у меня с фактами? И с доказательствами? Факты — вот они. Если без эмоций и воображения, то я могу изложить их в двух словах: они встречались. Шварц и покойный. Судьба, или, если хотите, война свела их. В конце июля 1943 года. Пятнадцатилетнего Володю Шварца, служившего при каком-то штабе особых частей немецкой армии кем-то вроде истопника и мальчика для битья при денщике полковника Шварца. И командира разведгруппы Красной Армии старшего лейтенанта Андрея — скорее всего, им был покойный Андрей Петрович Краснов. Это еще надо проверить. И доказать. Хотя я в этом уверен.

На всякий случай, вспомнив Самого, я мысленно поправляю себя: «Почти уверен».

Нет: мог быть Краснов...

Вопросы, которые у меня возникли к Шварцу после рассказа его тетки Катерины, я задал ему на следующий день. Когда мы втроем с Косолаповым на его машине выехали в лес. Туда, где был когда-то райцентр... Я спросил Шварца и о его спасителе. И о том, почему он не ушел тогда от немцев. Теперь, когда я знаю это, мне легче выстраивать все в одну цепочку — и по ней добираться до правды. Легче? Не очень-то легче...

Зима и весна 1942 года слились в памяти Володи в один мучительный и однообразный кошмар. После провала наступления на Москву юмора у немцев поубавилось. А злости прибавило. Особенно у Курта. Он, наверное, забил бы Володьку до смерти. А то и просто сжег бы заживо. Случай для этого у него был. В конце января Володька попробовал сбежать. У околицы бывшего райцентра он нарвался на патруль: охрана штаба была плотная. Пройти мимо не было никакой возможности. Володька успел нырнуть в развалины русской печи, оставшейся от крайнего дома, и, скрутившись калачом, спрятался в уцелевшей ее пасти. От страха, усталости и охватившего вдруг безразличия ко всему на свете уснул. Проснулся он от удушья и жары. И с ужасом увидел, что жерло печи заложено горящими дровами. И услышал хохот солдатни и голос Курта, обещающего кому-то приготовить хорошо зажаренную «кляйне русишь швайн».

На счастье Володи, немец не умел разжигать русскую печь — и не догадался выдвинуть заслонку, которую когда-то закрыла аккуратная хозяйка спаленной избы. К тому же в трубу плотно набился снег — и поэтому печь плохо разгоралась и дым валил наружу. Курт отчаянно ругался. Потом приказал кому-то: «Принести бензин». От ужаса Володька даже не попытался вытолкнуть дрова, а забился в самый угол. Кто-то снаружи, наверное Курт, тут же задалвинул дрова еще глубже, больно притиснув Володьку к задней стенке печи. Курт что-то сказал, видимо, смешное, потому что снаружи опять раздался хохот солдат. От страха и боли, от дыма, который начал заполнять печь, Володька зажмурился и почти потерял сознание. И вдруг хохот внезапно оборвался. Послышались какие-то команды. Кто-то быстро раскидал дрова. Потом чья-то рука схватила Володьку за ногу — и через мгновение он уже лежал на снегу. Кто-то закидал снегом его тлевший валенок и телогрейку. Он открыл глаза — и увидел ослепительно черные, сияющие глянцем офицерские сапоги. И необыкновенной белизны снег под ними.

Та же рука подняла его, встряхнула и поставила на ноги.

— Паршивый мальчишка, — проскрипел чей-то голос. Володька даже не сообразил, что автоматически переводит вслух то, что говорит по-немецки обладатель сухого, скрипучего голоса. — Щенок! Маленькое дерьмо! — Голос срывался почти на крик. Только теперь Володька разглядел, что держит его за воротник майор Цухт. Заместитель полковника Шварца. Володька видел его много раз. Но тот никогда не замечал его. Просто не обращал никакого внимания. Интуитивно Володька боялся его даже больше, чем полковника. Лицо майора было бледнее обычного, а глаза излучали такое бешенство, что ноги у Володьки подкосились, он повис на руке майора и истерично закричал: «А-а-а». Весь ужас пережитого — и предчувствие чего-то еще более страшного — захлестнули горло криком и удушьем. Володька потерял сознание...

— Очнулся я в кровати. Это было так необычно. И непонятно. Кто-то раздел меня, уложил в кровать и укутал чем-то теплым и тяжелым. Над головой золотистым пятном застыл крашенный под ясень потолок. Такие потолки были и дома. Я даже подумал: «Неужели весь этот кошмар — сон?»

Я позвал тихо: «Мама». Потом, боясь, что сон вернется, закричал с надрывом: «Мама!» И попытался сбросить одеяло и вскочить с кровати... И тут же оцепенел от страха: вместо голоса мамы услышал уже знакомый скрипучий голос, по-немецки сказавший что-то. Что — я не понял. Потом кто-то подошел. Я зажмурился. И вдруг почувствовал, как ко лбу осторожно прикоснулась чья-то рука. Она была холодной — и неожиданно мягкой. Почти ласковой.

— О! Совсем больной мальшик! Надо немного эссен.— Тот же скрипучий голос поправился, старательно выговаривая по слогам.— Ку-шать. И бай-бай. Страх — не надо. Надо шляфен киндер.

Значит — все это было не во сне. Все — было.

Но я устал думать. Вспоминать. Слышать. Даже плакать. Все снова поплыло куда-то. Осталось только тусклое золотое пятнышко над головой. Но вот и оно затянулось дымкой. И снова все исчезло... Ох, как же я запомнил этот день...

Подвижное сухощавое лицо Володи вдруг застыло. И словно стало оплывать, превращаясь в неподвижную мертвенную маску отрешенности и боли. Он словно покинул все настоящее — и меня, и, по-моему, даже себя, свою оболочку — и ушел куда-то далеко в прошлое. И живет сейчас там. И ему страшно, как тогда.

Мы молчим долго... Наконец он словно страхнул с себя неимоверной тяжести груз — и вернулся ко мне. Ожил и заговорил вновь.

— Кто его знает — этого майора Цухта: почему он вдруг спас меня тогда. Хотя они, конечно, тоже не все же звери были. Но майор-то этот вовсе не был ангелом-спасителем. Я потом не раз видел, как он присутствовал при казнях пленных. Их много прошло через штаб. Доставляли туда, как правило, только наших командиров. Допрашивали. И майор допрашивал, я знаю. Тех, кто что-то сообщал, отправляли от нас куда-то. Кто молчал — расстреливали тут же. Во дворе. Чаше — расстреливали. Пражда, сам майор ни разу не стрелял. Но присутствовал. Видел. И это его ничуть не трогало. Это, как я понял, он считал частью своей службы. Долга перед «фатерляндом». Вообще-то он был высокомерен со всеми, сух и необыкновенно строг. Его боялись даже больше, чем полковника. И солдаты. И офицеры. По-моему, даже полковник не очень-то любил связываться со своим заместителем. И был с ним предельно вежлив. В общем, я и сейчас не очень понимаю, что заставило майора не только вытащить меня из той печи. Это-то еще понятно. То, что солдаты собрались вокруг печи и хохотали над затеей Курта, вместо того чтобы исправно нести караульную службу, было нарушением дисциплины. И этого майор так оставить не мог. Да и то, что хотел сделать Курт, не могло ему нравиться — это было самовольством, недопустимым во вверенной ему части. К тому же «весь этот балаган», как он потом объяснил полковнику, зашедшему узнать, за что майор посадил под арест его Курта, «демаскировал расположение части».

Я тогда еще лежал больной за печкой в избе майора и слышал их объяснение. И кое-что сумел понять.

— А этого мальчишку, если он виноват в побеге, я прикажу рас-

стрелять. Но я думаю — он просто прятался от вашего Курта. От побоев. Допускать же самовольство в армии, особенно в такой части, как наша, мы не можем позволить. Тем более — денщикам...

Полковник тогда только что вернулся из командировки, кажется из Берлина. И привез майору посылку и письмо от родственников — видимо, больших шишек. Потому что сам зашел к майору и уж очень быстро согласился с ним и стал рассказывать о том, как прекрасно приняли его в Берлине эти родственники и как все они любят майора Цухта.

Так что из печи меня выдернул майор, так сказать, для укрепления дисциплины. А вот почему он потом возился со мной, лечил, выхаживал и не приказал расстрелять, когда я выздоровел, — вот это для меня загадка. По сей день...

Шварц подбросил в костер сушняка. Вспыхнувшее снопом пламя рыжей тенью отразилось в тихой, почти стоячей воде речушки и осветило его лицо — какое-то задумчиво-горестное и удивленное. Сидевший по другую сторону костра Косолапов достал из огня головешку и, прикурив от нее, протянул огонек Шварцу.

— Прикури, Володя. И черт с ним, с этим майором. Может, разольем по маленькой, для сугрева? Ушица-то опять убежала.

Мы сидели на берегу Лучесы, куда привез нас на своем служебном газике начальник милиции. Собственно, все мое официальное расследование было закончено еще днем. Отказаться от приглашения на «мужскую уху» в такой странной компании — начальник милиции, следователь прокуратуры и свидетель по делу, ради которого этот следователь сюда приехал, — я, наверное, формально был обязан. Но — не мог. Не хотел.

Ухи у нас, скорее всего, не получится. Потому что мы уже дважды за разговорами прозевали ее: дважды костер заливала эта самая уха.

— Эх, весь навар упустили, — сказал Косолапов. — Ну, да ладно, я тут кое-что из дома прихватил. Да и Галя твоя чего-то сунула. Знает, какие мы рыболовы... Пойду, достану из машины припасы.

Косолапов поднялся и направился через прибрежные кусты к машине.

Володя поглядел ему вслед. Как-то виновато улыбнулся. Пояснил:

— Это он меня отвлекает. Бойтся, как бы меня опять «кондрагий» не хватил от этих воспоминаний. Да ведь все уже пережито. И никуда от того, что было, не денешься. От всего. И от майора этого Цухта...

Он усталился на костер. И глаза его, обычно подвижные и живые, словно остекленели опять.

— Да-а. Вот вы у меня дома картины рассматривали. Хвалили. Они, может, и впрямь ничего. Некоторым тоже нравятся. Я, конечно, понимаю — никакой я не художник. Так. Для себя балуюсь. И кому на память. Иногда выходит. А ведь это он меня научил. Рисовать. То есть сначала. Этот самый Цухт. Больше года со мной возился. Учил смотреть. Рисовать. Краски подбирать. На этюды водил. А в промежутках смотрел равнодушно-презрительно, как меня сек тот самый Курт. На «уроках».

(Окончание следует).

США: „новый федерализм“? Нет, новое наступление на права трудящихся

Характеризуя дальнейшее обострение общего кризиса капитализма в наши дни, нельзя не обратить внимание на все более явную неспособность правящих кругов капиталистических стран хоть как-то разрешить острые противоречия между трудом и капиталом, между системой государственно-монополистического капитализма и интересами широких масс населения. «Со всей отчетливостью видно,— отмечал товарищ Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду КПСС,— как мало помогает государственное регулирование капиталистической экономики. Принимая меры против инфляции, буржуазные правительства способствуют застою производства и росту безработицы....» При этом заметно обостряются социальные противоречия, присущие капиталистическому обществу.

Наиболее характерными в этом отношении выглядят попытки правящих кругов США искать выход из полосы экономических неурядиц, спастись от высоких темпов роста инфляции и застоя путем дальнейшего ущемления интересов и без того мало обеспеченных слоев населения. С особой очевидностью безуспешность таких попыток проявляется в политике так называемого «нового федерализма» — одной из основ внутреннего курса администрации Р. Рейгана.

«НОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ» ПО РЕЙГАНУ

Как известно, по своему государственному устройству США являются федеративной республикой, в которой объединены 50 штатов и столичный округ Колумбия. Федеральное устройство государства предполагает, что за входящими в него союзными административно-территориальными единицами (в данном случае — штатами) признается право на самостоятельное управление в пределах, установленных федеральным законодательством. В то же время принцип федерализма предусматривает подчиненность во всех других вопросах федеральному правительству органов власти членов федерации и местных властей.

В условиях США, начиная с кризиса 30-х годов и далее, по мере углубления в стране социальных антагонизмов капиталистического общества, становилась все более очевидной неспособность штатов, вообще местных властей (в силу ограниченности их ресурсов) справляться в одиночку с такими общенациональными проблемами, как бедность, безработица, недоступность для малоимущих просвещения, медицины, социального обеспечения. Подъем классовой борьбы американских трудящихся в условиях кризиса заставил пришед-

шее к власти в США в 1933 году правительство Франклина Д. Рузвельта взять на себя ответственность за поддержание на общенациональном уровне минимального дохода остро нуждающихся лиц путем введения ограниченных социальных программ государственного вспомоществования. В результате непрестанной борьбы трудящихся масс за свои права эти программы, которыми дополнялась федеральная система социального обеспечения, были закреплены в законодательстве США и даже получили известное развитие после второй мировой войны.

В итоге к 1980 году, когда на президентских выборах победы добился Р. Рейган, в США имелось довольно значительное число самых различных общегосударственных программ помощи бедным, финансировавшихся из федерального бюджета. Таковы, например, программы помощи престарелым лицам, потерявшим зрение, а также частично или полностью нетрудоспособным; помощи нуждающимся семьям с несовершеннолетними детьми и так далее. Федеральное правительство субсидирует, в частности, программу медицинской помощи для бедных под названием «Медикэйд» (она отличается от другой программы — «Медикэйр», предназначенной для оказания медицинской помощи лицам старшего возраста), а также программы помощи продовольствием и продовольственными талонами, которыми пользуются, а порой и существуют на них малообеспеченные люди.

Большинство программ, ответственность за которые взяли на себя федеральные власти, осуществлялось за счет отчислений из федерального бюджета. Эти средства переводились в бюджеты правительств штатов и местных органов власти, которые и распределяли их по назначению. Со своей стороны штаты к этим федеральным средствам добавляли собственные отчисления, что обеспечивало какой-то минимально приемлемый объем финансирования социальных нужд по стране в целом. К 1980 году по официальной статистике общая сумма таких федеральных отчислений и субсидий правительствам штатов и местным органам власти превысила 18 процентов поступлений от федеральных налогов.

Конечно, уже сам по себе длинный перечень этих социальных программ и объем расходов по ним свидетельствуют, в первую очередь, о масштабах распространения бедности в США. Буржуазное государство вынуждено идти на дополнительные компенсации наиболее необеспеченным слоям населения из федерального бюджета для того, чтобы предотвратить назревающий взрыв социального протеста.

Надо отметить, что сам факт назначения пособий по бедности унижает в глазах общества их получателей. Эти люди становятся буквально отверженными. Группа населения, охваченная вспомоществованием, подвергается непрерывным проверкам на «нуждаемость». Иначе говоря, претенденты на пособия обязаны постоянно доказывать, что действительно являются бедняками. Против них действует мощный пропагандистский механизм капиталистической прессы, пытающийся представить таких бедняков как тунеядцев, получающих «королевские доходы» за счет общества. Словом, внешне вроде бы значительные компенсации беднякам за их бедственное положение — это отнюдь не подарок буржуазного государства, а подачка, которую государство вынуждено делать и которую оно обставляет целой системой оскорбительных издевательств и унижающих человеческое достоинство процедур.

Однако с приходом к власти в январе 1981 года администрации Р. Рейгана в Белом доме возобладала тенденция к отказу от принятых на себя предшествующими федеральными правительствами функций по финансированию программ социальной помощи бедным. Президент Р. Рейган открыто приступил к ликвидации существующих социальных программ под лозунгами борьбы за сокращение федеральных расходов и «экономии государственных средств». Известно, что «рейганомика», то есть экономическая политика Р. Рейгана, отнюдь не привела к сбалансированию федерального бюджета. Сэкономленные путем урезывания расходов на социальные нужды средства и новые государственные займы пошли на небывалое в истории США увеличение военных расходов и соответствующее умножение прибылей монополий, связанных с заказами Пентагона. Понимая, что этот удар по карману самых бедных американцев не останется без последствий, президент одновременно решил отвести от себя справедливый гнев обиженных, подставив под удар «козлов отпущения». Так родилась широко разрекламированная программа «нового федерализма».

Объявив, что федеральное правительство, вводя систему субсидий штатам на осуществление ряда экономических и социальных программ, «узурпировало функции властей штатов», республиканская администрация просто переложила ответственность за финансирование и осуществление большинства социальных и экономических программ в масштабах всей страны с себя на правительства штатов. А чтобы с юридической точки зрения во всей этой недостойной игре, как говорится, комар и носа не подточил, для выработки рекомендаций и представления практических предложений в рамках этой программы при президенте образован специальный консультативный «комитет по вопросам федерализма» во главе с близким Рейгану сенатором П. Лексолтом.

ПОД ТОПОРОМ «РЕЙГАНОМИКИ»

За время пребывания у власти администрации Рейгана американская общественность уже получила возможность познакомиться не только в теории, но испытать на практике производимые изменения. Под давлением администрации конгресс США в 1981 году принял закон о сокращении бюджетных расходов в 1982 финансовом году на 35 миллиардов долларов. Из них 11 миллиардов пришлось на средства, которые должны были передаваться штатам и отдельным населенным пунктам для осуществления программ социального развития.

Топор «рейганомики» обрушился, в частности, на следующие категории населения США:

— для 700 тысяч семей ликвидированы полностью или частично пособия по различным программам социального обеспечения;

1,1 миллиона граждан США лишились льготных продовольственных талонов;

— 1,5 миллионам безработных из общего числа в 2,6 миллиона человек, получавших пособия по безработице на момент составления данного плана*, сокращен период получения таких пособий;

* Напомним, что общее число безработных в США достигло к середине 1982 года 10,5 миллиона человек. Рост числа пособий по безработице значительно отстает от темпов роста безработицы. Так, в декабре 1981 года только 37 процентов из зарегистрированных тогда 8,5 миллиона безработных имели право на это пособие. ... (Ред.).

— на 900 тысяч мест сокращены система общественных работ и курсы профессионального обучения и переквалификации;

— ограничен рост зарплаты федеральных служащих, а число их сокращено;

— 3 миллиона учеников в школах лишились субсидированных правительством школьных завтраков.

Цинизм подобной политики особенно отчетливо виден на фоне стремительного роста числа американцев, которые по своим доходам находятся даже по официальной статистике ниже так называемой «черты бедности». Если в 1970 году численность подобных официально признанных бедняков составляла 25,4 миллиона человек, то в 1980 году она выросла до 29,3 миллиона. Иными словами, каждый восьмой американец — официальный бедняк! И совершенно невыносимое положение у национальных меньшинств. Даже по данным бюро переписи США, в категорию бедняков сегодня входят каждый третий американец с темным цветом кожи и каждый четвертый американец латиноамериканского происхождения.

Намеченные к передаче штатам программы сведены в так называемые «блоковые группы», в рамках которых местные власти могут решать, какие из этих остронедобходимых в целом программ сокращать и в каких пределах. Это «расширение прав штатов» сделано специально для того, чтобы рядовой американец, лишившийся по милости Вашингтона прежних дотаций, вину за эти свои потери возлагал на правительства штатов и местные власти. Не случайно некоторые губернаторы штатов говорят о программе «нового федерализма» как о маневре, цель которого — переключить внимание населения США, страдающего от экономических трудностей страны, вызываемых политикой администрации Рейгана, на деятельность местных административных органов. Ведь «новый федерализм» обернулся всего лишь откровенным перекалыванием на штаты федеральных обязательств в социально-экономической области без обеспечения им достаточных ассигнований из государственной казны. Новая политика означает для бюджетов штатов больше ответственности по расходным статьям и меньше денег на расходы.

Поэтому программа «нового федерализма» сталкивается с резкой критикой, в первую очередь со стороны именно тех кругов, об интересах которых на словах печется администрация Рейгана, — правительств штатов и муниципалитетов американских городов. На ежегодной конференции Национальной ассоциации губернаторов США, состоявшейся в феврале этого года, попытки Вашингтона представить «новый федерализм» как «возвращение власти штатам» были откровенно высмеяны ее участниками. Конференция показала, что большинство представителей штатов не хотят такого «возвращения». В условиях резкого сокращения федеральной помощи штатам губернаторы озабочены только тем, как изыскать средства на осуществление программ, которые правительство Рейгана передает в их ведение. Ведь и без сокращения федеральных субсидий большинство штатов США из года в год сводят свои бюджеты с дефицитом. В заканчивающемся 1982 году бюджет будет дефицитным у 30 штатов, у других превышение доходов над расходами составит менее одного процента.

НОВЫЙ «ФЕОДАЛИЗМ»!

В памятной записке, распространенной на упомянутой выше конференции ассоциации губернаторов США, подчеркивается, что инфляция и сокращение помощи из федерального бюджета, взятые вместе, приведут к тому, что некоторые жизненно важные для населения программы будут урезаны вдвое. В записке отмечается, что серьезное беспокойство вызывает и ряд новых сокращений федеральных расходов на строительство дорог, освоение водных ресурсов и охрану окружающей среды. Дело в том, что эти программы тоже относятся к категории расходов на социальную помощь, так как позволяют занять на общественных работах значительное число людей, которые иначе вообще не будут иметь работы. Следовательно, «новый федерализм» администрации Рейгана оборачивается для штатов либо ростом числа безработных в них, либо новым повышением местных налогов, чтобы закрыть новые дефициты, образующиеся вследствие сокращения федеральных субсидий. А ведь, согласно исследованию, проведенному газетой «Нью-Йорк таймс», более половины из 50 штатов в 1981 году и без того были уже вынуждены поднять местные налоги.

Губернатор штата Вермонт Р. Снеллинг, председатель Национальной ассоциации губернаторов США, назвал политику «нового федерализма» администрации Рейгана «экономическим Заливом свиней»*. А губернатор штата Нью-Йорк Х. Кэри окрестил план Рейгана «новым феодализмом», считая, что он вызовет усиление разобщенности между штатами, превратит их «удельные княжества», каждое из которых будет проводить собственную линию в острых социальных вопросах. Планы администрации поддержали лишь власти тех штатов, которые печально известны своим курсом на сокращение социальных программ. И приветствуют они лишь предоставленное им теперь право и далее сокращать эти программы.

В начале текущего года Рейган по традиции огласил на совместном заседании обеих палат конгресса — сената и палаты представителей — ежегодное президентское послание «О положении страны». Вслед за этим последовало его экономическое послание конгрессу, а затем был объявлен проект бюджета на 1983 финансовый год. И во всех этих документах был подтвержден курс на сокращение социальных программ и урезывание помощи малообеспеченным слоям населения США при одновременной передаче ответственности за остающиеся программы помощи в штаты и на места.

Вынужденный считаться в какой-то мере с резким падением своей популярности в стране после ознакомления населения с последствиями осуществления доктрины «нового федерализма», Рейган не рискнул в начале этого года полностью «разгрузить» федеральный бюджет от одной из наиболее значимых в социальном отношении программ — «Мэдикэйд». Он даже обещал возложить на федеральное правительство ответственность за реализацию в целом этой программы, призванной обеспечить медицинскую помощь 21,5 миллиона малоимущих американцев. Но и при этом президент придерживался своего краеугольного в вопросах социаль-

* По аналогии с позорным провалом агрессии империализма США против Кубы в заливе Кочинос. (Ред.)

ной помощи принципа: «уж коли сохранять, так хотя бы сокращать». Так, если до его прихода в Белый дом расходы по этой программе на 1981 финансовый год были утверждены на уровне 32 миллиардов долларов, то в проекте бюджета администрации на 1983 финансовый год они запрашивались всего на уровне 19 миллиардов.

Весьма значительно сокращена и еще одна (не ликвидированная пока администрацией), кстати, самая дорогостоящая из программ — социальное страхование.

Следует подчеркнуть, что система социального страхования в США — одна из самых отсталых, несправедливых и негуманных в мире. Основной фонд пенсионного обеспечения в этой стране складывается из взносов трудящихся, составляющих весьма значительную часть их заработной платы в течение всего срока трудовой деятельности. Государство, собственно, выступает лишь как хранитель этих сбережений «на черный день», причем как весьма ненадежный хранитель. Дело в том, что высокие темпы инфляции в США в конечном счете сокращают этот фонд, и к моменту наступления пенсионного возраста назначенная трудящемуся пенсия по своей реальной покупательной способности гораздо ниже стоимости тех взносов, которые откладывались им в пенсионный фонд.

Кроме того, в 60-х годах, когда фонд пенсионного обеспечения США имел значительное положительное сальдо (взносы превышали отчисления), правительство с целью сокращения дефицита государственного бюджета включило этот фонд как одну из статей в федеральный бюджет. В результате постоянного «заимствования» пенсионных денег на другие правительственные программы, включая и военные, фонд социального обеспечения превратился из доходной статьи бюджета в убыточную. Провозглашенный администрацией Рейгана курс на сокращение социальных выплат тем, собственно, и обосновывается, что дефицит пенсионного фонда достиг огромных размеров. При этом умалчивается, что Белый дом вместо рачительного и бережного отношения к этому фонду сам же годами разбазаривал значительную часть его средств на свои не имеющие отношения к социальному обеспечению цели! Вот таким, с позволения сказать, «надежным» гарантом «обеспеченной старости» предстала ныне перед массами трудящихся США администрация Рейгана. Не удивительно, что ей хочется поскорее избавиться от этой ответственности и переложить ее на местные власти.

План осуществления политики «нового федерализма» вызывает в США протесты ряда организаций, представляющих интересы той части населения, которая в первую очередь страдает от такой политики. Так, председатель конференции американских мэров Х. Бусалис обнародовала доклад, в котором констатируется, что планируемые реформы в социальной области приведут к дальнейшему упадку городов, росту в них безработицы, преступности и других социальных бед. Мэры призвали срочно восстановить социальные программы городов США за счет хотя бы непомерно раздутых в рейгановском бюджете военных расходов. Опубликован, скажем, и доклад организации, именуемой Фондом защиты детей. Авторы доклада делают заключение о том, что в следующем финансовом году «рейганомика» ликвидирует продовольственную помощь сотням тысяч детей из бедных семей. С резкой критикой плана Рейгана выступили негритянские лидеры США. Их крайне беспокоит, что урезаются все те программы, которые были нацелены на под-

держание бедняков, обучение неквалифицированных рабочих, на предоставление рабочих мест безработным и так далее.

— Лестницы выбиваются из-под ног людей, старающихся выбраться из ямы,— заявил корреспонденту газеты «Дейли уорлд» Роберт Коард, негритянский лидер из Бостона.

Против сокращения расходов на социальные нужды высказалась также негритянская организация «Форум черного руководства». Она объединяет все основные организации, ведущие в стране борьбу за гражданские права негров. Один из руководителей форума Дж. Лоуэри заявил недавно на пресс-конференции в Вашингтоне, что «новый федерализм» на деле ведет назад, к временам сегрегации, так как позволит расистам, особенно на юге страны, имеющим до сих пор прочные позиции в местных органах власти, просто ликвидировать переданные им федеральные программы, по которым негритянское население получало хоть какую-то помощь. Лоуэри призвал организовать «национальное сопротивление черных» этому плану.

Национальная конференция членов законодательных собраний штатов недавно сделала такое заявление: «Мы не можем согласиться с планом, который ставит под угрозу финансовое положение штатов для того, чтобы уменьшить федеральный бюджет».

Такова реакция разных кругов общественности США на политику «нового федерализма» администрации Рейгана, ведущую к почти полной ликвидации социальных завоеваний американских трудящихся, которых они добивались непрерывной борьбой после окончания трагического кризиса 30-х годов.

Что же обещает Рейган в утешение тем людям, интересы которых ущемляются его политикой?

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ «ГУМАННОГО КАПИТАЛИЗМА»

В упоминавшемся экономическом послании конгрессу от 10 февраля нынешнего года Рейган недвусмысленно заявил о том, что экономическая политика его администрации «должна ставить своей целью создание атмосферы, благоприятствующей развитию частных институтов». Именно в этом плане он и предлагал рассматривать передачу федеральных программ в ведение штатов. «Мы должны отдать на откуп частной инициативе все те функции, которые человек может выполнять в индивидуальном порядке»,— говорил президент США. «Есть одна программа, которую мы надеемся провести в жизнь,— продолжил он эту мысль в интервью компании Си-Би-Эс.— Это программа предпринимательских зон, которую мы хотим начать осуществлять в городах и поселках, сталкивающихся с трудностями и высоким уровнем безработицы».

С этой целью администрация предполагает провести через конгресс законопроект, разрешающий правительствам штатов и местному самоуправлению обращаться к федеральному правительству с просьбами зачислить их в категорию таких «предпринимательских зон». В этих зонах предполагается создать специальный набор экономических стимулов для привлечения частного бизнеса. Р. Рейган основывает все расчеты на том, что частный сектор, заинтересованный этими стимулами, настолько «стимулируется», что в «предпринимательских зонах», как грибы после дождя, начнут вырастать новые предприятия и рабочие места. Кстати, этому частно-

му бизнесу он обещает, что для него-то он не пожалеет долларов на субсидии и дотации. Предоставляются частному капиталу и всевозможные налоговые льготы.

Параллельно с этим администрация всячески рекламирует капиталистическую благотворительность, создание корпорациями частных фондов и другие инициативы в этом направлении. Рейган берется лично рекламировать опыт работы финансируемых этими фондами «образцовых» частных школ, больниц и коммерческих предприятий, деятельность которых якобы смягчает (а на деле порождает новые) социальные проблемы США. На основу благотворительности президент стремится перевести всю социальную помощь — от лечения наркоманов до профессионально-трудоустройства рабочих. Иными словами, создававшуюся десятилетиями систему социальной помощи необеспеченным американцам он предполагает сломать и уже ломает, отдавая эту сферу целиком на милость меценатов и благодетелей. А чтобы заставить неимущих американцев поверить в благие порывы класса эксплуататоров, он рассказывает им старые сказки о «классовом мире», о «предпринимателях, пекущихся об интересах трудящихся», о «гуманном капитализме»...

Таким образом, программа «нового федерализма» является замаскированным планом ликвидации социальных завоеваний трудящихся США, причем ответственность за его исполнение перекладывается на местные власти. И надо отметить, что по мере осознания властями на местах этого факта с их стороны оказывается все большее сопротивление политике «нового федерализма». По сообщениям из США, встретив энергичное противодействие местных властей, администрация даже временно отказалась от попыток разработать законопроект о передаче в ведение штатов программ социального обеспечения и продовольственных талонов. Должностные лица Белого дома и Национальной ассоциации губернаторов США заявили, в частности, что переговоры о перераспределении программ зашли в тупик. Они, по всей вероятности, в нынешнем году не возобновятся. И не удивительно.

Различные организации в США, представляющие интересы групп, ущемленных политикой Рейгана, уже в этом году, готовясь к частичным выборам в конгресс, оказывали давление на законодателей. Под воздействием избирателей и часть членов конгресса подвергала политику «нового федерализма» основательной критике, вскрывающей ее антинародную сущность. Однако все это мало чем помогло тем, на кого обрушился топор «рейганомии».

«1982 год начался в США в обстановке усиливающегося наступления монополий на жизненные интересы трудящихся, за счет которых капитал стремится найти выход из затяжного экономического спада», — отмечал член руководства Компартии США Дж. Майерс. Одним из направлений этого наступления американские трудящиеся считают и «новый федерализм» Рейгана. Новые экономические трудности в значительной степени обусловлены и еще более усугубляются огромными военными расходами США и общим агрессивным курсом администрации Рейгана в международных делах.

Подобная внутренняя и внешняя политика правящих кругов Вашингтона противоречит национальным интересам США, расходится с требованиями самых широких народных масс и не может не вызывать растущего осуждения в стране.

КОГДА ПРЕСТУПНИКИ УСТРАНЯЮТ КОНКУРЕНТОВ

Февраль нынешнего года. Тишину жилых кварталов в южной части Майами нарушил треск автоматных очередей. На месте перестрелки остался лежать человек, изрешеченный пулями. Многочисленные свидетели, на глазах которых совершилось убийство, отказались дать показания полиции. Дело осталось нераскрытым.

Май. В национальном аэропорту Майами прохожий выхватил револьвер и в присутствии десятка застывших в ужасе людей выпустил обойму в только что сошедшего с самолета пассажира, убив его наповал. Дело осталось нераскрытым.

Июль. В переполненном торговом центре Майами двое мужчин были прошиты выстрелами из автоматов. Убитые, по образному замечанию медицинских экспертов, были похожи на голландский сыр. Как установили полицейские, проводившие опознание, один из них — некий Панессо, известен как главарь банды, промышляющей контрабандой наркотиков, а 50 пуль в него и его телохранителя выпустили члены другой, конкурирующей банды.

Подобные инциденты, случающиеся в Майами чуть ли не каждую неделю, — лишь отдельные эпизоды одной из самых жестоких подпольных войн, которую ведет преступный мир США. Эта война продлжается не одно десятилетие. И сегодня ей не видно конца.

— До тех пор, пока жизнь человека намного дешевле ничтожных граммов кокаина, убийства и другие преступления будут служить основными средствами этой войны, — откровенно заявляют журналистам полицейские чины Флориды.

В борьбе за лидерство в торговле и контрабанде наркотиками, развернувшейся на юге США, сейчас участвуют, по данным американской печати, пять ведущих банд. В каждой из них насчитывается не менее ста человек. Как утверждает канадский журнал «Маклинз», эту «подпольную армию» на американской земле, столь благодатной для преступной вакханалии, вот уже более десятилетия возглавляет так называемая «кубинская мафия», объединяющая разношерстное контрреволюционное кубинское отребье.

Особенно жестокий характер борьба между различными кланами мафии приобрела тогда, когда преступный мир США вошел в конфликт со своими колумбийскими поставщиками наркотиков.

Подпольная война из-за преступных барышей приобрела международный характер.

Колумбийские производители кокаина и марихуаны решили самостоятельно сбывать его потребителям в США, наотрез отказавшись от услуг прежних своих посредников из флоридской мафии. Их напористое вторжение на американский рынок наркотиков привело к крайнему обострению подпольной войны.

— Они не уступают друг другу ни цента,— свидетельствуют служащие из управления по борьбе с распространением наркотиков в США, занимающиеся расследованием таинственных убийств.— Эти люди не останавливаются ни перед чем. Они готовы пойти на подкуп, шантаж, пустить в ход современное огнестрельное оружие, включая пистолеты, заряженные отравленными пулями, и ручные гранаты.

Был случай, когда губернатор Флориды Боб Грэхем после своего вояжа в Боготу, цель которого была обсудить с президентом Колумбии возможные пути пресечения подпольной торговли наркотиками, получил предупреждение о том, что колумбийские мафиози вынесли ему смертный приговор. Обычно так называемые «контракты» на убийство тех, кто встал на пути контрабандистов или перебежал им дорогу, заключаются в самой Колумбии. После вынесения приговора нанятый для приведения его в исполнение наемный убийца нелегально или по фальшивому паспорту прибывает в США и направляется в один из «сейф хаузов» — строго законспирированных явочных пунктов. Здесь ему вручают фото будущей жертвы, ее адрес и основные маршруты повседневных передвижений. В течение дня после совершенного преступления убийца благополучно отбывает в Колумбию. Но даже если он вдруг будет обнаружен и схвачен полицейскими, крайне мало шансов на то, что им удастся довести дело до суда. По той простой причине, что свидетели преступления, наученные горьким опытом, категорически отказываются давать показания.

Так, например, в конце 1979 года полицейские нашли, наконец, свидетеля, который согласился им помочь при условии соблюдения анонимности и обеспечения его полной безопасности. Однако на месте преступления он вдруг пошел на попятную.

— Вы представляете,— заявил он, едва переводя от страха дыхание,— что одного факта моего появления здесь достаточно, чтобы меня убили!..

И он оказался прав. Два месяца спустя полицейские обнаружили его бездыханное тело, простреленное пулями.

Ну, а если преступника все же удастся доставить на скамью подсудимых? И в этом случае он окажется невредимым, отделается лишь легким испугом, ибо, как правило, контрабандисты не за-

сигиваются в тюремной камере более трех лет. А главарей обычно отпускают под крупный залог, после чего они исчезают.

Коррупция среди служителей американской фемиды также помогает бандитам оставаться безнаказанными. По свидетельству журнала «Ридерс дайджест», только в настоящее время под следствием находятся более 20 мелких и крупных полицейских чинов, уличенных в сделках с контрабандистами и торговцами наркотиков и в их укрывательстве. Как выяснилось, на короткой ноге с преступниками долгое время находился даже сам командующий морской патрульной службы Флориды.

Никого в США не удивляет безнаказанность торговцев наркотиками. По данным того же журнала «Ридерс дайджест», задержанные недавно в Майами два главаря банды в течение 16 месяцев заработали по 12 миллионов долларов каждый на торговле кокаином и марихуаной. Ведь посевы индийской конопли в Колумбии занимают большую часть обрабатываемых в стране земель — четверть миллиона акров. Они расположены главным образом в глухих районах и застрахованы от внезапных рейдов армейских или полицейских отрядов, попросту подкупленных мафией. В итоге производство и сбыт марихуаны в Колумбии — это целая отрасль хозяйства, в которой занято порядка 25 тысяч человек, преимущественно бедняков — индейцев. Целыми семьями, от зари до зари гнут спины батраки на плантациях коки или индийской конопли, приносящих владельцам прибыль, в пять-шесть раз превышающую доход от выращивания кофе или хлопка. Скупая за 6 долларов каждый фунт марихуаны, маримберос — крупные колумбийские контрабандисты и дельцы, промышляющие сбытом наркотиков в США, — получают за него от приемщиков в Соединенных Штатах уже 300 долларов, а американскому потребителю на черном рынке приходится платить уже по 600 долларов за фунт.

Ежегодно в США отправляется из Колумбии 15 тысяч тонн марихуаны и кокаина. Это значит, что в год колумбийские маримберос получают 17 миллиардов долларов чистой прибыли.

Их стихия — вечерние улицы крупных городов Колумбии и юга США. Когда они начинают хозяйничать, прячутся по подворотням полицейские, исчезают прохожие, закрываются отели, захлопываются ставни окон и двери домов. То там, то тут ночную тишину разрывают частые хлопки выстрелов. Кошмары продолжаются до утра: маримберос сводят между собой счета. На рассвете полицейские собирают трупы. Подпольная война синдикатов отравителей и растлителей населения уносит все новые жертвы в Колумбии, США, в других странах Нового и Старого Света, порождая новые волны преступности в этом «свободном, свободном» мире.

А. НАБАТЧИКОВ

*Еженедельник «Ньюсуик»,
Нью-Йорк*

СИНДРОМ ДЕПРЕССИИ

До самого недавнего времени почти все экономисты были убеждены, что повторение депрессии в стиле 30-х годов невозможно: после тогдашней катастрофы Соединенные Штаты создали органы, призванные обеспечить, чтобы экономический кризис никогда больше не вышел из-под контроля. Но после трех лет экономического застоя, отмеченного двумя резкими спадами, начинают возникать серьезные опасения. Ни один ответственный экономист сейчас еще не предсказывает безработицу в 25 процентов, которая вызвала в 1933 году разруху в стране, но многие предупреждают, что экономика сейчас в самом плохом состоянии со времени второй мировой войны...

Признаков потенциальной беды очень много. Безработица близится к 9-процентному уровню* — послевоенный рекорд — и, вероятно, станет еще больше. Число личных банкротств, крахов компаний и просрочек взносов по ссудам под недвижимость уже достигло немыслимого размера — и продолжает расти. Компании, занимающиеся жилищным строительством, авиатранспортные и автомобильные компании и сберегательные банки уже месяцами несут большие убытки, и в результате под угрозой финансы органов власти многих штатов и муниципалитетов...

Новое опасение сводится к тому, что какой-нибудь неожиданный удар, например волна крупных банкротств или резкое сокращение фондов сбережений в банках, вызовет кризис, который может нанести серьезный ущерб экономической структуре страны...

Чтобы удержаться на поверхности, многие компании уже вынуждены прибегать к отчаянным мерам: сокращению товарных запасов, отсрочке платежей и предъявлению жестких требований должникам о немедленном выполнении обязательств. Под угрозой жилищное строительство — главный объект инвестиций американского потребителя. В условиях роста безработицы число случаев потери права выкупа заложенного имущества может достичь неслыханных масштабов.

В условиях, когда большие сектора американской экономики практически уже переживают депрессию, а другие сталкиваются с большими осложнениями, экономисты призывают правительство предоставлять фермерам и мелким предпринимателям займы под сравнительно низкие проценты. Хайнц Бил, старший вице-президент маклерской фирмы «Джэнни Монтгомери Скотт», говорит по этому поводу: «Достаточно пожертвовать одним-единственным авианосцем, чтобы в значительной степени обеспечить необходимые фонды».

Однако субсидий подобного рода едва ли можно ждать от правительства...

* Сейчас она приблизилась к 10 процентам. (Ред.).

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

НАД КРЫШАМИ РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО

В крупнейшем городе Бразилии Рио-де-Жанейро, на скале, именуемой «Сахарной головой», произошла встреча двух знаменитостей, которых давно разыскивает по всему миру Интерпол. 52-летний Рональд Бриггс широко известен как организатор нашумевшего 19 лет назад ограбления почтового поезда в

Англии. Он был пойман и приговорен к тридцатилетнему тюремному заключению, но бежал из тюрьмы. Второй участник встречи, 47-летний Альберт Спагьяри, в 1976 году во главе банды «медвежатников» взломал в банке французского города-курорта Ницца 340 частных сейфов и унес 46,5 миллиона франков. Двумя годами позже он был пойман, но сумел во время допроса совершить головокружительный прыжок из окна и скрыться. Встречу этих матерых уголовников организовали корреспонденты французского журнала «Пари-матч», давшие затем о ней красочный репортаж и интервью ее участников. Естественно, главное содержание беседы героев репортажа — издевательства над бессильными перед ними полицией и правосудием Англии, Франции, Бразилии и других стран, по которым они «гастролируют».

ПОЖИЗНЕННЫЙ СМЕРТНИК?

Вероятно, самый большой стаж пребывания в камере смертников у японца Садаичи Хиросава. Теперь ему 90 лет. В 1948 году его приговорили к смертной казни за двенадцать отравлений. С тех пор, вот уже 34 года, он находится в камере смертников. В то же время все ходатайства о замене ему смертной казни пожизненным заключением отклоняются высшими судебными инстанциями. Ежедневное ожидание приведения приговора в исполнение стало для Хиросава, по его словам, пыткой, которая страшнее самой смерти.

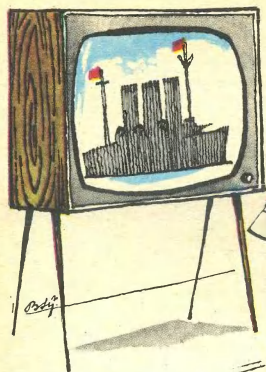

АЛХИМИКИ НАОБОРОТ...

В один прекрасный день с одного горнодобывающего предприятия Австралии были отправлены 28 килограммов намытого там золота. Под надежной охраной золото было доставлено в портовый город Перт, Западная Австралия. Когда же на монетном дворе в Перте ящики вскрыли, то вместо золотых слитков там лежали... свинцовые чушки. Лучшие умы австралийской полиции были брошены на розыск «алхимиков», научившихся превращать благородный металл в простой свинец без снятия пломб на упаковке. Однако пока поиски результатов не дали.

Рис. Н. Носова.

Братишки

Дети
разных
народов

